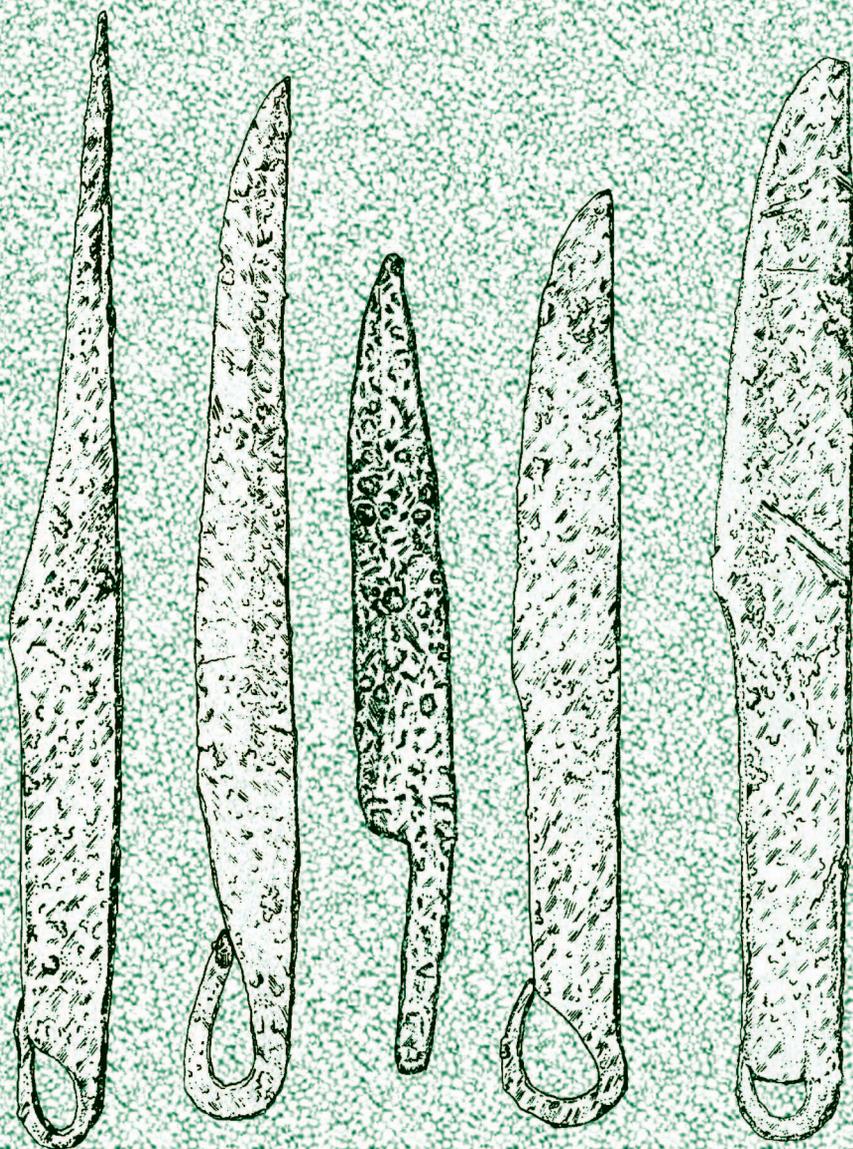

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск V

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск V

Красноярск
СФУ
2012

УДК 9.4 (571.1/.5)

63.3 (2Р-4Кра)

Д73

Рецензенты:

С. М. Фокин, канд. ист. наук, доц. каф. «Отечественная история»

КГПУ им. В. П. Астафьева;

В. Г. Дацышен, д-р ист. наук, зав каф. всеобщей истории СФУ

Д 73 Древности Приенисейской Сибири : сб. науч. тр. / отв. ред. П. В. Мандрыка.– Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – 97 с.

ISBN 978-5-7638-2635-7

Публикуются работы ученых археологов по древней и средневековой истории Сибири. На основе широкого круга источников освещаются вопросы материальной и духовной культуры.

Предназначен для археологов, историков, краеведов и интересующихся историческим прошлым Средней Сибири.

Выпущен при финансовой поддержке Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института СФУ

УДК 9.4 (571.1/5)
ББК 63.3 (2Р-4Кра)

ISBN 978-5-7638-2635-7

© Сибирский федеральный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Акимова Е. В.

Палеолитические стоянки в нижнем течении р. Качи: история исследования..... 4

Мартынович Н. В.

Электронные библиотеки как обязательный атрибут развития науки в XXI веке: Опыт Красноярского краеведческого музея..... 12

Макаров Н. П.

Железный век и эпоха Средневековья пещеры Еленева..... 19

Мандрыка П. В., Титова Ю. А., Князева Е. В., Сенотрсова П. О.

Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре 31

Сенотрсова П. О., Мандрыка П. В.

Железные изделия поселения Проспихинская Шивера-I 43

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В.

Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-I..... 50

Зайка А. Л.

«Скелетный» стиль в петроглифах Северной Азии (об истоках изобразительной традиции)..... 62

Сазонова О. М.

К истории развития контактного метода копирования петроглифов (по материалам среднего Енисея)..... 67

Гурулев Д. А.

Каменные фигурные жезлы Приангарья 75

Титова Ю. А.

Органика в составе формовочных масс керамических сосудов шепилевской культуры 82

Лысенко Д. Н.

Поселенческий комплекс стоянки Хедугин ручей (результаты работ 2011 г.) 85

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. КАЧИ : ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На территории города Красноярска известны десятки археологических памятников, но только небольшая часть их была раскопана, абсолютное же большинство известно исключительно по подъемным сборам или небольшим шурфам. Современный развивающийся город стер почти все следы присутствия древнего человека на своей территории: то, что на археологической карте является объектом культурного наследия, в реальности – плотно застроенная зона, транспортные и коммуникационные сети. Найти новый памятник за пределами условно очерченных границ практически невозможно: фрагменты культурного слоя, отдельные артефакты и кости млекопитающих не замечаются и не фиксируются при строительных работах. То, что мы знаем об археологии Красноярска, как правило, получено трудами наших предшественников в XIX – нач. XX вв: И. Т. Савенкова, А. Я. Тугаринова, А. П. Ермолаева, С. М. Сергеева, Г. Мергарта, Н. К. Ауэрбаха, Г. П. Сосновского, В. И. Громова, В. Г. Карцева и др.

Одним из таких участков, где в 1920-е гг. и позже, в 1940 г., шли археологические исследования, является современная ул. Маерчака с прилегающей зоной от пр. Свободный до устья р. Бугач (Дрожжевой завод и Краевая туббольница № 1 ГУФСИН), вдоль линии

железной дороги (ст. Путепровод). Сейчас здесь плотная городская застройка, но когда-то располагался целый комплекс позднепалеолитических стоянок, оставшихся в истории под общим названием «Кача».

КАЧА-I

В истории исследования Качи-I, как и Качи-II, накопилась масса разночтений, несовпадений, неверных цитирований, несмотря на то, что материалы этих стоянок были подготовлены к печати Г. П. Сосновским еще в 1940 г. [Сосновский, 1948].

Так, в 1919 году им была открыта стоянка [ГАКК, ф.р-217, о. 1, д. 73, л. 34]. В 1920-е гг. он же ввел в оборот название «Кача», употреблявшееся наряду с такими номинациями, как «Кирпичные сараи» и «Бугач» [Архив ИИМК РАН, ф. 42, д. 67, л. 23; д. 306, л. 135; ГАКК, ф.р-1380, о. 1, д. 41, л. 55, 125; Сосновский, 1934. С. 257]. В. И. Громов оспаривал правильность последнего названия, считая, что притоком, в устье которого находится стоянка, является р. Пяткова и, следовательно, более правильным будет название «Усть-Пяткова» [Громов, 1948. С. 331]. Этот вариант вошел и в справочник Н. П. Береговой: у нее стоянка называлась и Качей, и Бугачом, но была расположена в

устье р. Пятковой [Береговая, 1960. С. 76]. Трудно сказать, на чем основывался В. И. Громов, очевидно, это связано с какой-то накладкой в представлениях о топонимах района.

Информация о стоянке разбросана в рукописных записях, хранящихся сегодня в архивах, а также в более поздних официальных публикациях как самих исследователей, так и их историографов. Однако здесь много нестыковок. Так, карточка из архива Г. П. Сосновского с текстом «...При экскурсии (совместно с Н. К. Ауэрбахом) в окрестностях г. Красноярска найдена одна новая стоянка каменного периода на р. Каче (у бывшего завода Мякотина)» заставила В. Е. Ларичева считать Г. П. Сосновского и Н. К. Ауэрбаха первооткрывателями стоянки «Бугач» (Кача-I) в 1919 году. Однако, хотя текст и был написан рукой Г. П. Сосновского, он представлял собой выписку из работы В. И. Громова, в которой он упоминал об открытии двух стоянок каменного века в 1928(?) году. Подобных карточек было несколько, и они были подготовлены Г. П. Сосновским во время написания им отчета и статьи о стоянках р. Качи. Его интересовал вопрос от том, не была ли открытая им в 1940 году стоянка Кача-II одной из тех, открытых В. И. Громовым и Н. К. Ауэрбахом более десяти лет назад?

Готовя в 1919 году для Красноярского краеведческого музея карточки с информацией по всем памятникам, на карточке «Кача» Г. П. Сосновский делает явно ошибочную запись о месте расположения стоянки: «...на левом берегу Качи» [Архив ИИМК, ф. 42, д. 306, л.

135]. В последней же его работе, подготовленной в 1940–1941 гг., указан уже противоположный – правый – берег [Сосновский, 1948. С. 75–76]. Правый берег значится и в сводке В. Г. Карцева [Карцев, 1929. С. 9]. У В. Е. Ларичева Кача-I «...располагается в устье реки того же названия при впадении ее в Енисей» [Ларичев, 1969. С. 159]. Где же именно располагалась стоянка? Долины р. Бугач и нижнего течения р. Качи полностью застроены. На местности не осталось никаких ориентиров.

Пожалуй, единственным источником, позволяющим определить место расположения памятника и ход его первых раскопок, могут являться записи Г. П. Сосновского. Однако возможно, что описание событий сентября 1919 года, хранящееся в фондах ИИМК, было сделано несколько лет спустя на основании подлинных полевых дневников.

19 сентября 1919 года Г. П. Сосновский по совету В. И. Громова отправился искать место у «Вторых кирпичных сараев», где последний видел в лёссе культурный слой. Не доходя до сараев, в железнодорожной выемке, тянущейся параллельно железной дороге и оканчивающейся у устья Бугача¹, он нашел кости и каменные осколки в гумусе – следы стоянки железного века. Дальше, «...не доходя 180 шагов до конца выемки (...), внимание мое привлекли каменные осколки, видневшиеся из лесса. Вскоре стал виден культурный слой (...) с примазками угля, залегающий на глубине 7 1/4 четв. (...) от поверхности.

¹ В поздних публикациях Г. П. Сосновского указано также, что выемка имела в ширину около 10 м, в глубину — 3 м [Сосновский, 1924. С. 3; 1948. С. 77).

Толщина культурного слоя (...) 4 см». И так, на глубине 140 см, на расстоянии около 130 м от конца выемки (и от устья Бугача), был найден культурный слой, достаточно мощный для енисейских стоянок. Начав копать, Сосновский нашел более 30 отщепов, кости северного оленя и ребро с зарубками. Кости располагались как выше («в 1/4 выше»), так и ниже зольной прослойки.

В последующие дни Г. П. Сосновским и А. Я. Тугариновым там же были найдены «каменный большой скребок, каменные орудия с ретушью по краю», разбитые кости животных. «...Всего с предыдущими раскопками оказалась разрыта площадь в 2 кв. аршина» (чуть более 1 кв. м). На глубине 80 см найдена челюсть хищника, часть разрубленного черепа и каменная пластинка. По дороге к «раскопу-1», в 170 метрах, был отмечен новый выход культурного слоя на глубине 86 см с призмами угля, зубами и разбитыми костями, а также отщепами.

Здесь был заложен «раскоп-2», в котором были найдены «три каменных хорошо выраженных скребка, кость в виде продолговатого острия, зубы (...) своеобразной формы, нуклеусы и т. д.».

В 1923 году Г. П. Сосновскому и Н. К. Ауэрбаху удалось организовать небольшие раскопки стоянки. На площади 10 кв. м был раскопан очаг (кострище?), вокруг которого находились кости северного оленя, зубы лошади и быка, скребок и отщепы. Единичные находки были найдены и за пределами очага [Архив ИИМК РАН, ф. 42, д. 67, л. 23].

В 1940 году, во время последнего посещения стоянки Г. П. Сосновским,

серьезных археологических работ не производилось, основное внимание было уделено геологическим условиям залегания культурных остатков [Сосновский, 1946, 1948].

Геолого-геоморфологическое строение Качи-I изучалось В. И. Громовым и было включено в посмертную статью Г. П. Сосновского (1948) и классическую монографию В. И. Громова (1948). По их мнению, культурные отложения стоянки залегают на высоте 16 м над уровнем современной Качи, в суглинках, которые, вероятно, являются делювиально-аллювиальными образованиями чехла, спускающегося со склонов 100-метровой террасы в долины р. Качи и Енисея. В обнажениях террасы Г. П. Сосновский описывает следующий стратиграфический разрез:

- 1) Черный почвенный слой: 0,2-0,35 м;
- 2) Подпочва – красно-бурый суглинок, переходящий в нижележащий лёсс: 0,2-0,3 м;
- 3) Светло-желтый пористый лёсс с включениями извести. В верхнем его уровне прослеживается культурный слой: 2,0-3,0 м;
- 4) Слоистые лёссовидные супеси (переслой глинистых песков с суглинками).

По мнению В. И. Громова, залегание культурных отложений стоянки «...на склоне ко второй надпойменной террасе в лёссовидных суглинках, вдали от современного русла р. Качи на значительной высоте..., позволяет сблизить ее со стоянками нижнего горизонта Афонтовой горы, хотя по времени она может быть и моложе» [Громов, 1948. С. 332].

Г. П. Сосновский считал Качу-I однослойной стоянкой и не видел разницы между культурными слоями, выявленными на двух участках, разделенных почти 200 метрами. Соответственно весь археологический материал, собранный в разные годы с разных участков, Г. П. Сосновский рассматривал совместно [Сосновский, 1948. С. 78-84].

Характеристика археологического материала стоянки Кача-I (по Сосновскому) дана ниже.

1. Из четырех скребел Г. П. Сосновский выделяет два «типичных» енисейских скребла на овальных удлиненных заготовках с рабочим краем по спинке и гладким брюшком и два на «более грубых отщепках случайной формы», одно из которых имеет двустороннюю обработку. У всех скребел обушок утолщен и частично сохраняет галечную корку. Как скребловидное орудие описывает Сосновский изделие на овальном удлиненном отщепе, где мелкая ретушь покрывает два длинных продольных края и один короткий поперечный. С брюшка по обоим концам имеются подтеска и «заострение». Таким образом, в этой очень немногочисленной группе преобладают однолезвийные скребла с унифасиальной обработкой дорсала. В единственных экземплярах встречаются бифасиальное скребло и изделие с двумя-тремя рабочими краями и уплощением с обоих концов.

2. Три скребка имеют округлую форму с выпуклым рабочим краем, по которому и сосредоточена вся обработка изделий. Одно орудие на отщепе имеет скребковую ретушь на локальном уча-

стке и смежную с ним оформленную ретушью выемку. Микроскребков нет.

3. Традиционно в качестве нуклеусов-скребков, имея в виду именно скребковую функцию изделия, описывает Г. П. Сосновский клиновидные микронуклеусы (3 экз.). Ни описание, ни рисунок не позволяют сказать, имеем ли мы здесь случай собственно клиновидных нуклеусов, псевдоклиновидных или нуклеусов, где гребень имеет скребковую форму.

4. Очень интересно орудие, описываемое Сосновским как срединный резец. Оно имеет двустороннее оформление заготовки, краевую ретушь по одному краю, широкую резцовую кромку и, кроме того, утолщено, видимо, в сечении. Изделие не вызывает аналогий с материалами афонтовских памятников, но имеет сходство с отдельными находками с Лисиченки и Афанасьевой горы [Лисицын, 1987. С. 28-29,34; Акимова и др., 2005].

5. Долотовидное орудие типа *rièsse escaillee* типично для Енисея. В данном случае противолежащие рабочие края располагаются на длинных краях отщепки.

6. Все пластинки двугранные, одна имеет краевую ретушь.

7. Орудие в виде «клинки ножа с ретушью по острому лезвию» изготовлено на удлиненном отщепе.

8. Единственное костяное орудие – ребро с нарезками, найденное в 1919 году. По одному краю на протяжении 6 см сделано 15 нарезок глубиной 1 мм, по противолежащему – на протяжении 7 см – 16 нарезок. Расстояние между нарезками 1-4 мм. В некоторых местах видна стертость зубцов.

Фаунистическое определение костных остатков было выполнено В. И. Громовым. Набор немногочислен: ограничивается песком, северным оленем, зайцем и лошадью [Сосновский, 1948. С. 80; Громов, 1948. С. 332].

Коллекции Качи-I, хранящиеся в Красноярском краеведческом музее, весьма малочисленны. Материалы 1923 года, лишенные какой-либо сопроводительной документации, представлены только шестью артефактами, в числе которых: чоппер на небольшой плоской гальке с широким, слегка вогнутым рабочим краем, обработанным отвесной ступенчатой ретушью; резце-видное орудие, оформленное разнофасеточной краевой ретушью и резцовым сколом, образующим рабочий угол около 40°; микроскребок с выпуклым низким рабочим краем и утолщенным обушком; отщеп со следами характерной долотовидной сработанности по узкому участку края; скол с фронта клиновидного нуклеуса; пластинчатый скол с рабочей ретушью. Материалы раскопок 1940 года представлены «отходами» (обломки, отщепы, целые и битые гальки – 107 экз.), полученными при «зачистке культурного слоя», среди которых удалось выявить одно долотовидное орудие трапециевидной формы на маленьком халцедоновом отщепе. Вероятно, более показательные предметы были увезены Г. П. Сосновским в Ленинград.

Стоянка Кача-I, по мнению Г. П. Сосновского, не выходит за пределы наших представлений об енисейском позднем палеолите «мустьерского облика» с мелкими орудиями, классическим образцом которого является Афонтова гора-II. Он

отмечает наличие скребла с частичной обработкой брюшка и «весьма совершенную обработку скребел». «...Небольшая коллекция предметов (...) весьма типична и показывает, в каком направлении развивалась техника обработки камня в бассейне р. Енисей» [Сосновский, 1948. С. 84]. Впрочем, каким именно видит он направление этого развития, Г. П. Сосновский не оговаривает.

КАЧА-II

В истории исследования этой стоянки накопилось, пожалуй, еще больше неясных моментов, чем даже в истории исследования Качи-I. Сам первооткрыватель стоянки Г. П. Сосновский, видимо, не знал точно, насколько обосновано его авторское право. Работая над отчетом о разведке в окрестностях Красноярска в 1940 году, он собирает материалы обо всех открытиях в долине р. Качи, делает выписки из работ В. И. Громова, сопоставляя данные разных лет. В 1927 (1929?) году, когда Г. П. Сосновский отсутствовал в городе, В. И. Громов и Н. К. Ауэрбах нашли две стоянки, получившие затем самое краткое упоминание в литературе [Архив ИИМК, ф. 42, д. 6, л. 3-4; д. 59; Громов, 1948]. Обе стоянки находились, видимо, в районе Кирпичного завода Мякотина. Пункт-1 – на правом берегу Качи (низко над рекой), где найдены осколки камня, кости лошади и лося, очевидно, не относящиеся к палеолиту. В пункте-2 – «...в разрезе у Кирпичных сараев в делювиальных образованиях угольки и расколотые кости». Последняя стоянка «...по времени (...) близка Бугачу» [Архив ИИМК, ф. 42, д. 59]. Точных

координат в распоряжении Сосновского не было, как нет их у нас и сейчас. В 1939 году И. Г. Пидопличко в нижнем карьере собирал кости четвертичных животных. Однако этот экскурс в историю, подготовленный Г. П. Сосновским также, как и для статьи «Палеолитические стоянки в долине р. Качи», в окончательный текст не вошел. Кача-II стала официально считаться открытой Г. П. Сосновским в 1940 году. Но в справочник Н. П. Бе-ре-говой под одним и тем же названием «Кача-II» вошла информация как о стоянке, открытой Сосновским в 1940 г., так и о стоянке, открытой В. И. Громовым и Н. К. Ауэрбахом (пункт-2) [Береговая, 1960. С. 77].

Сопоставив места расположения стоянок по описаниям обоих авторов (В. И. Громов: левый берег Качи, выше стоянки Бугач, Г. П. Сосновский: правый берег р. Качи, 3/4 км ниже впадения р. Бугач), нет основания думать, что стоянка открывалась дважды [Громов, 1948. С. 333; Сосновский, 1948. С. 81]. На карте археологических местонахождений Красноярского района, составленной В. Г. Карцевым в 1929 году, палеолитическая стоянка под названием «Кача», в отличие от стоянки «Бугач», расположена в 1,5 км выше устья р. Бугач [Карцев, 1929. Карта].

Практически единственная опубликованная информация о стоянке В. И. Громова и Н. К. Ауэрбаха (ее можно назвать Кача-III) содержится в монографии В. И. Громова. По его мнению, археологическая датировка «...не может быть дана сколько-либо точно, так как стоянка не раскапывалась. Незначительный подъемный материал позволяет отнести ее к

каменному периоду, предположительно, к верхнему палеолиту». Фауна преимущественно «...представлена неопределимыми обломками и костями лося. Геологически стоянка близка Бугачу» [Громов, 1948. С. 333].

Вернемся к Каче-II Г.П. Сосновского. Культурные отложения памятника относятся к той же 12-16-метровой террасе, что и Кача-I. Стоянка располагается на древнем мысе, омываемом водами Качи. Края террасы были срезаны выемками для добычи глины. В одном из обнажений Г. П. Сосновский проследил следующую стратиграфию [Сосновский, 1948. С. 82]:

- 1) почвенный слой черного цвета: 0,5 м;
- 2) коричневато-розовая пористая супесь: 0,55 м;
- 3) слоистые лёссовидные супеси (песчано-глинистый переслой): 1,4-1,5 м;
- 4) светло-коричневый суглинок со ржавыми разводами: 1,3 м;
- 5) красно-бурый суглинок с ржавыми разводами, более плотный и глинистый, чем слой-4: попадают мелкие округлые камешки, включения извести, песка, примазки угля: 1,15 м;
- 6) переслой песка с мелкой галькой (0,15 м) и чистого мелкого зернистого песка: 0,2 м;
- 7) галечник: более 0,55 м.

В одной из выемок, на глубине 3,5 м, в светло-коричневом суглинке, Г. П. Сосновским был найден культурный слой толщиной 2-3 см. Слой имеет серый цвет (иногда теряет окраску) с вкраплениями карбоната, угольков, отщепов и расколотых костей.

Рядом с временной дорогой на карьере, у левого борта террасы, была вскрыта площадь в 3 кв. м. Найдены «...230 отщепов, нуклеидные куски галек, один скребочек с полукруглыми краями, мелкие ножевидные пластинки и пр.».

Фаунистические остатки, по определению В. И. Громова, принадлежат мамонту (трубчатые кости, пластинки из бивня), косуле (фрагмент рога), носорогу (обломок зуба).

При осмотре выемки карьера на дне его были найдены кости четвертичных животных: на глубине 6 м – лопатка быка, на глубине 10 м, в сероватом илистом прослое, – кости мамонта без следов воздействия человека.

По мнению Г. П. Сосновского, обе стоянки (Кача-I и Кача-II) относились к разным уровням III надпойменной террасы. Но если культурный слой Кача-I залегал выше песчано-глинистого переслоя (лёсс типа «В» Афонтовой горы), то культурный слой Кача-II – под переслоем, на 1,85 м выше галечника. Таким образом, если время существования стоянки Кача-II связано с началом формирования уступа террасы, то время Кача-II совпадало со временем завершения аккумуляции террасы и отложения на ней покровных суглинков [Сосновский, 1948. С. 82-84].

Таким образом, количество позднепалеолитических стоянок на этом участке

долины р. Качи не определено. Нет уверенности в том, что все они располагались только на правом берегу реки. Даже о наиболее изученной стоянке Кача-I общего представления не существует.

Возможно, под Качей-I следует понимать комплекс позднепалеолитических стоянок, которые можно отнести к одному или разным этапам афонтовской культуры. Вероятно, здесь может присутствовать и инокультурный компонент в виде слоя или одной (?) из стоянок. Проверить это уже невозможно.

История изучения стоянок Качи поучительна: ориентиры, понятные только самим исследователям; искусственное объединение, очевидно, разных пунктов; отнесение к одному комплексу предметов, полученных в разные годы на разных участках (в слое и подъемном состоянии), стремление безоговорочно привязать новые материалы к имеющимся опорным памятникам (той же Афонтовой горе) – всё это не имеет временных границ и может быть отмечено в некоторых работах сегодняшних археологов. В то же время стремление изучать памятник комплексно, с профессиональным анализом геоморфологической и стратиграфической ситуации, что так свойственно сибирскому палеолитоведению, проявилось здесь очень ярко и достойно.

Список литературы

Акимова, Е. В. К истории изучения палеолита Красноярска / Е. В. Акимова // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1994. – С. 7-11.

Акимова, Е. В. Поздний палеолит Красноярского археологического района (XX век: итоги и перспективы) / Е. В. Акимова // Древности Приенисейского края – Вып. 2. – Красноярск, 2003. – С. 5-17.

Береговая, Н. А. Палеолитические местонахождения СССР / Н. А. Береговая. – М., 1960.

Громов, В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР / В. И. Громов // Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. – Сер. Геология. – Вып. 64. – М., 1948. – 524 с.

Карцев, В. Г. Материалы к археологии Красноярского района / В. Г. Карцев. – Красноярск, 1929. – 49 с.

Ларичев, В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии / В. Е. Ларичев. – Ч. 1. – Новосибирск, 1969.

Лисицын, Н. Ф. Афанасьева гора / Н. Ф. Лисицын // Северная Азия в эпоху камня – Новосибирск, 1987. – С. 28-29, 34.

Палеолит Енисея. Лиственка / Е. В. Акимова и др. – Красноярск, 2005. – 186 с.

Сосновский, Г. П. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска / Г. П. Сосновский // Зап. Иркут. науч. музея. – Вып. 1. – 1924. – С. 3-11.

Сосновский, Г. П. Обследование палеолитических стоянок у Красноярска / Г. П. Сосновский; КСИИМК. – Вып. XIII. – 1946. – С. 95-98.

Сосновский, Г. П. Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска / Г. П. Сосновский // Сов. археология. – 1948. – Т. X. – С. 75-84.

Сосновский, Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии / Г. П. Сосновский // Тр. II Междунар. конф. – Вып. V. – М.-Л.-Новосибирск, 1934.

Ссылки на источники

Государственный архив Красноярского края, ф. р-217.

Архив Института истории материальной культуры РАН, ф. 42.

ЭЛЕКТРОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ АТТРИБУТ РАЗВИТИЯ НАУКИ В XXI ВЕКЕ: ОПЫТ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

«Используем PDF – бережем бумагу – храним деревья – спасаем Землю», – такой яркий слоган в «шапке» хорошо известного поискового PDF-сервера (<http://www.mypdfsearch.com/index.php>) мной процитирован в качестве эпиграфа. Кроме того, преимущества электронного носителя информации не только в этом. Так, чаще всего приводятся следующие:

- свобода от бумажных носителей (со множеством аспектов: и свобода от традиционной библиотеки, и свобода от ограничений штучного бумажного ресурса, и возможность ознакомиться с изданной в провинции десятилетиями назад малым тиражом работой и т. д.);

- мобильность – «получил (сделал) – отдал» (зачастую быстро и на большие расстояния);

- компактность и «невесомость» (на съемном диске – тысячи публикаций как многостраничных монографий, так и коротких статей, составляющих полновесную библиотеку);

- качество (в особенности это касается публикаций, изначально имеющих электронный формат, который является результатом многочасовой предпечатной подготовки). Бумажная «эконом-форматная» версия зачастую не отличается качеством передачи фотографий (не говоря о цветных иллюстрациях) приемлемое

Use PDF – Save Papers – Save Tree – Save Earth

качество можно получить только на дорогой «мелованной» бумаге;

- сохранность один раз отсканированных бумажных первоисточников (это касается в первую очередь библиографических раритетов и антикварных экземпляров);

- кроме того, пожалуй, самое главное – библиотека может быть связана с поисковой системой (а в сложном случае – с интегрированной базой данных со справочниками) и выложена в Интернет для пользователей.

Благодаря автоматизированному поиску по электронной базе данных значительно экономится время, затрачиваемое на поиск публикации, и это еще один немаловажный плюс электронного ресурса.

Вот, пожалуй, одни из самых популярных электронно-библиотечных серверов, помимо того, что был указан вначале. Это «Научная электронная библиотека» (<http://elibrary.ru/defaultx.asp>), которая ориентирована скорее на аспирантов и студентов: «Тwirpx» (<http://www.twirpx.com>).

Существует много публикаций о формате Portable Document Format (pdf): о его компактности и достоинствах при создании иллюстрированных электронных публикаций, специальных сканерах, которые отличаются сложностью,

форматом сканирующих поверхностей, включением этапов автоматизации, программным обеспечением и ценой.

Красноярский краеведческий музей новейшими технологиями в данном контексте в настоящее время не располагает: первоначальный массив научной литературы в электронном виде (главным образом по археологии, палеонтологии, этнографии Сибири, палеорнитологии) нужно было накапливать, используя обычные «планшетники» формата А3 и А4 и «персональный» энтузиазм.

Существовал опыт распознавания сканированных изображений при помощи FineReader, однако оказалось, что при обработке сложных (иногда многоязычных) текстов появляется много ошибок, на исправление которых уходит много времени. Кроме того, искажается первоначальный вид публикации, так что соединение в единый pdf-файл сканированных и (при необходимости) обработанных в Photoshop jpeg изображений в FineReader – тот вариант, на котором мы сейчас остановились.

Если говорить об этом «ноу-хау», то отметим, что были реализованы два печатных проекта под логотипом КККМ: к 130-летию первого директора музея А. Я. Тугаринова и к 70-летию известного сибирского палеонтолога Н. Д. Оводова. Обе книги сопровождаются DVD-дисками с публикациями юбиляров в pdf-формате, имеющими самостоятельную информационную ценность.

Так, за несколько последних лет в музее были отсканированы и переведены в pdf-формат сотни разных по объему публикаций, а (самое главное) боль-

шая их часть выложена в электронных библиотеках российского сегмента Интернета.

Несколько подробней хочется остановиться на электронной библиотеке по палеорнитологии со справочниками и базой данных, основу которой автору помог сделать несколько лет назад программист А. Н. Черепанов.

Основной целью проекта было создать в Сибири хороший информационный ресурс по достаточно специализированной теме, заполнить для себя и коллег ту лауну, с которой в свое время автору работы пришлось столкнуться еще в студенчестве. В настоящее время в указанную библиотеку-базу включена почти тысяча публикаций, а общее собрание составляет 2050 файлов, многие из которых собраны «на просторах Интернета», часть публикаций присылали авторы.

Библиотека в программе Лотус-6 (формат *.nsf) позволяет «встраивать» файлы электронных публикаций (*.doc, *.pdf, *.djvu) и может иметь удаленный пользовательский интернет-доступ.

Данную библиографическую базу можно рассмотреть по следующим категориям (рис. 1-7): «Список по названию»; «По разделу»; «По автору»; «По региону (местонахождения)»; «По стране» (место издания публикации), «По виду издания» (монография, статья, автореферат, обзор книги, краткое сообщение); «Геологический возраст» (от юрского периода до голоцена и современности), по систематическим категориям («Таксоны» и «Ключевые слова»).

В список «По разделу» (рис. 2) включены разд. «Археозоология», «Биогео-

графия», «Морфология» и т. д., таким образом, данная библиотека является более широкой, чем палеорнитологическая Sensustricto.

Каждая строка раскрытого списка в этом окне базы – отдельная публикация. Есть два графических обозначения: первое показывает, есть ли она в электронном виде, второе – есть ли в наличии первоначальный бумажный вариант (ксерокопия).

Так выглядит развернутое окно таксономического справочника (рис. 4): семейства птиц располагаются в порядке, принятом современной систематикой.

Здесь представлены «всплывающие» контекстные справочники (рис. 5). Кроме того, можно давать информацию «имеется в наличии», а также сообщения, есть

ли первоисточник или ксерокопия, «электронная версия»; также можно отмечать из «всплывающего» окна-справочника «Ископаемые виды» и «Таксоны».

База имеет разные уровни доступа: от «администратора» (появляется возможность работать с меню «принять» – «отменить») до простого «пользователя», причем ее можно редактировать и наполнять удалённо, по сети.

Разумеется, можно отойти от конкретной орнитологической тематики и на основе данной компьютерной технологии создать специализированную библиографическую базу, например по региональной археологии, этнографии и другим областям знаний, что будет соответствовать как уровню, так и возможностям науки XXI века.

Рис. 1. Библиографическая база по палеорнитологии. Вид «Список по названию»

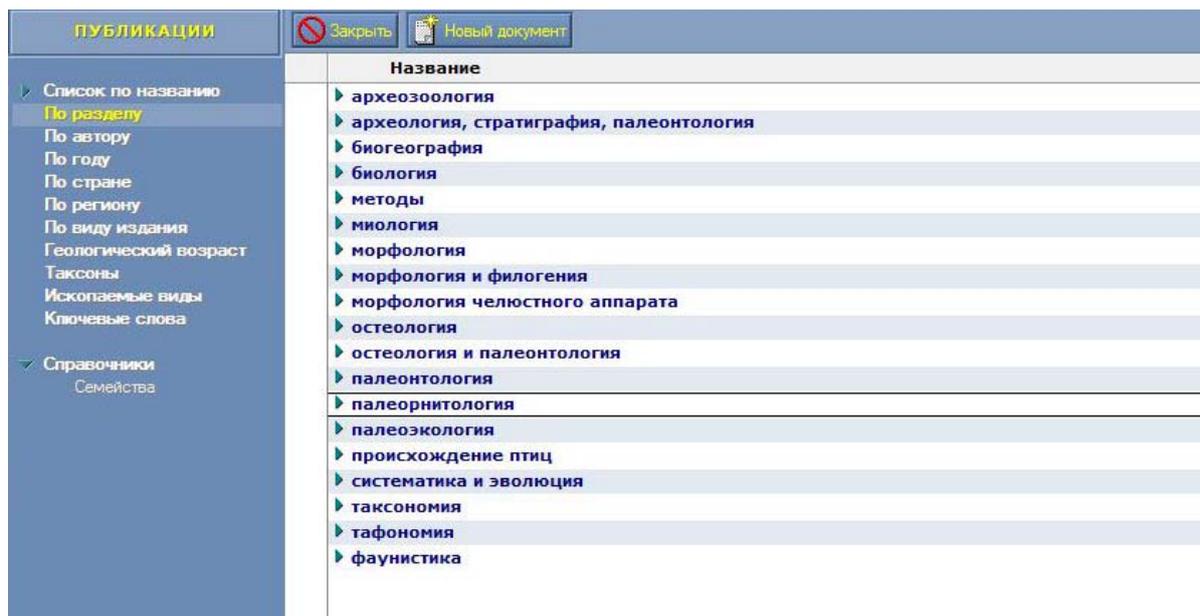

Рис. 2. Вид библиографической базы «По разделу»

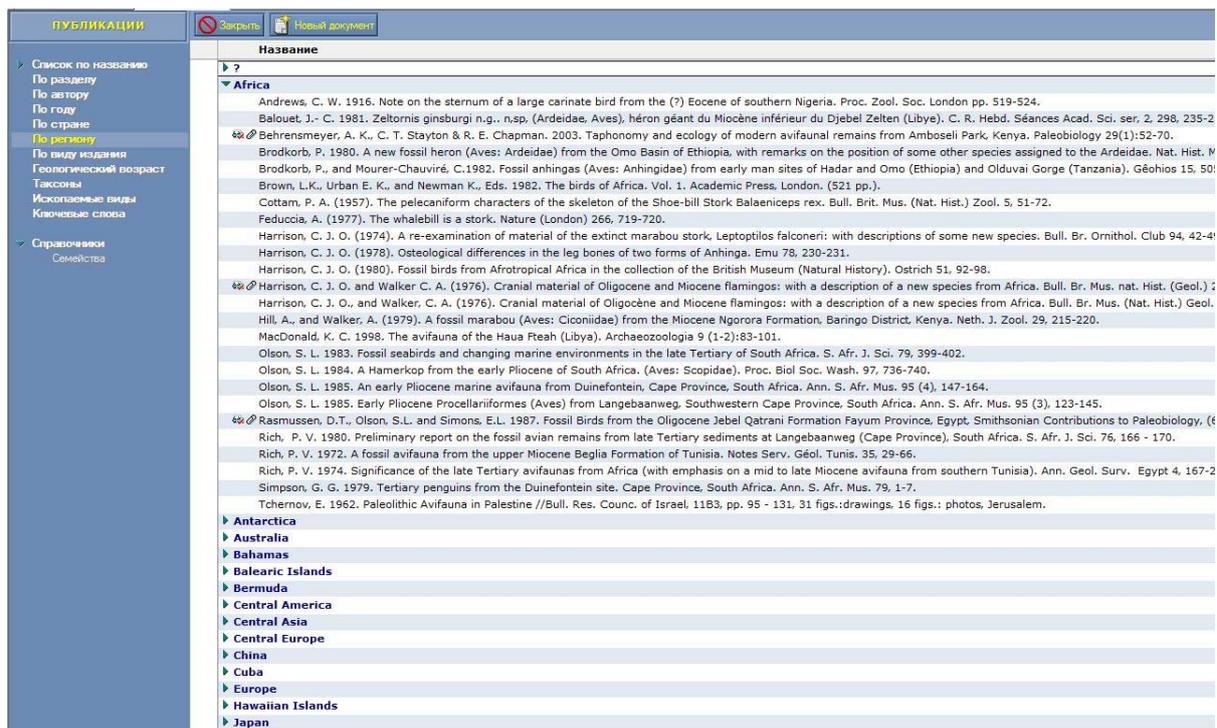

Рис. 3. Вид библиографической базы «По региону»

ПУБЛИКАЦИИ	
<ul style="list-style-type: none"> ▶ Список по названию По разделу По автору По году По стране По региону По виду издания Геологический возраст Таксоны Ископаемые виды Ключевые слова ▼ Справочники <ul style="list-style-type: none"> Семейства 	<div style="text-align: right;"> Закреть Новое </div> <h3>Семейства</h3> <ul style="list-style-type: none"> ▼ tArchaeopterygidae/Basal Aves <ul style="list-style-type: none"> tArchaeopteryx litographica (Meyer 1861) tWellnhoferia grandis (Elzanowski 2001) ▶ tOmnivoropterygidae/Basal Aves ▶ tJeholomithidae ▶ tConfuciusomithidae/Basal Pygostylia ▶ "tUnresolved and basal forms" ▶ tIberomesomithidae/Enantiomithes ▶ t"Cathayomithidae"/Enantiomithes ▶ tEnantiomithidae/Enantiomithes ▶ tAvisauridae/Enantiomithes ▶ tSonglingomithidae/Basal Ornithurae ▶ "tLarge, toothed, loon-like diving birds - Unresolved and basal forms" ▼ tEnaliomithidae/Hesperomithes <ul style="list-style-type: none"> Enaliomis (Early Cretaceous) ▶ tBaptomithidae/Hesperomithes ▶ tHesperomithidae/Hesperomithes ▶ tIchthyomidae/Ichthyomithes ▶ tNeomithes Unresolved and basal forms ▼ tRatithes Placement unresolved <ul style="list-style-type: none"> tDiogenomis - rheid? tOpisthodactylus (Miocene of Argentina) - rheid? ▶ Casuaridae ▶ Rheidae ▶ tAepyornithidae ▼ tDinomithidae - Moa <ul style="list-style-type: none"> tEmeus crassus (South Island, New Zealand) tAnomalopteryx didiformis (South Island, New Zealand) tDinomis cf. robustus (South Island, New Zealand) tDinomis novaezealandiae (North Island, New Zealand) tDinomis robustus (South Island, New Zealand) tEuryapteryx curtus (North Island, New Zealand) tEuryapteryx geranoides (South Island, New Zealand) tMegalapteryx benhami (South Island, New Zealand) tMegalapteryx didinus (South Island, New Zealand) tPachyomis australis (South Island, New Zealand) tPachyomis cf. elephantopus (South Island, New Zealand) tPachyomis cf. mappini (North Island, New Zealand) tPachyomis elephantopus (South Island, New Zealand) tPachyomis mappini (North Island, New Zealand) ▶ Struthionidae ▶ Dromaidae ▶ tLithornithidae ▶ Apterygidae - kiwi ▼ Tinamidae <ul style="list-style-type: none"> Eudromia intermedia (Pliocene of Argentina) - formerly Tinamisomis Eudromia olsoni (Late Pliocene of Buenos Aires Province, Argentina) Eudromia sp. (Late Miocene of La Pampa Province, Argentina) Nothura paludosa (Pleistocene of Argentina) Nothura parvula (Late Pliocene of Buenos Aires Province, Argentina) - formerly Cayeomis Tinamidae gen. et sp. indet. MACN-SC Fleagle Collection (Early - Middle Miocene of S Argentina) - at least 2 species tQuerandiomis (Ensenada Early/Middle Pleistocene of Argentina) ▶ Rheidae ▶ Spheniscidae ▶ Gaviidae ▶ Podicipedidae

Рис. 4. Раздел базы «Справочники. Семейства»

Закреть | Печать | Правка

Основное | Дополнительно | Текст

Полное название: Acosta Hospitaleche, C. & Canto, J. 2005. Primer registro de cráneos de Palaeospheniscus (Aves, Spheniscidae), procedentes de la Formación

Автор: Acosta Hospitaleche, C. & Canto, J.

Год: 2005

Страна: Chili

Раздел: палеорнитология

Регион: South America

Геологический возраст: Miocene

Таксоны: penguins

Ископаемые виды:

Наличие: Имеется в наличии

Электронная версия: Имеется электронная версия

Вид издания: статья

1

Принять | Отменить

Основное | Дополнительно | Текст

Полное название: P

Автор: P

Год: P

Страна: P

Раздел: P

Регион: P

Геологический возраст: P

Таксоны: P

Ископаемые виды:

Наличие: Имеется в наличии

Электронная версия: Имеется электронная версия

Вид издания: P

Выбор значений

Ключевые слова

- Abbadi L. et al.
- Abrahamov, Z. A.
- Acosta Hospitaleche, C.
- Adán G. et al.
- Ahlikist, J. E.
- Alcover, J. A.
- Allen, J. A.
- Allen, T. T.
- Avarenga, H.M.F.
- Avarez Rafael
- Amador, P.

Новое значение:

2

Принять | Отменить

Основное | Дополнительно | Текст

Полное название: P

Автор: P

Год: P

Страна: P

Раздел: P

Регион: P

Геологический возраст: P

Таксоны: P

Ископаемые виды:

Наличие: Имеется в наличии

Электронная версия: Имеется электронная версия

Вид издания: P

Семейства

Укажите вид

Виды

- Archaeopterygidae
- Archaeopterygidae
- Ornithopterygidae
- Jeholomithidae
- Confuciusornithidae
- Unresolved and basal forms
  - Liioxomis (Early Cretaceous) - a nomen dubium
  - Aberalodontus (Early Cretaceous)
  - Alexornis (Late Cretaceous)
  - Boluochia (Early Cretaceous) - cathayornithid?
  - Concomnis (Early Cretaceous)
  - Cuspirostrisornis (Early Cretaceous)
  - Dapingfangornis (Early Cretaceous)

3

Рис. 5. Внесения публикации в базу: 1-3 – этапы. Окно «Основное»

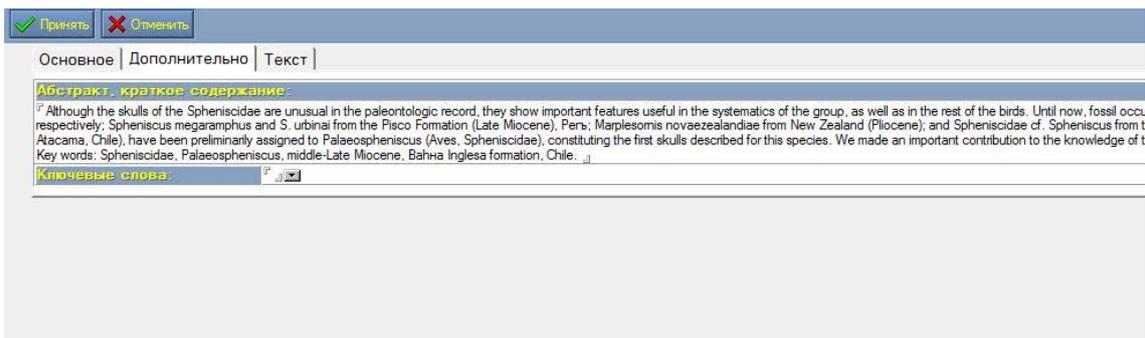

Рис. 6. Внесение в базу публикации. Окно «Дополнительно» содержит краткое содержание (абстракт) и ключевые слова

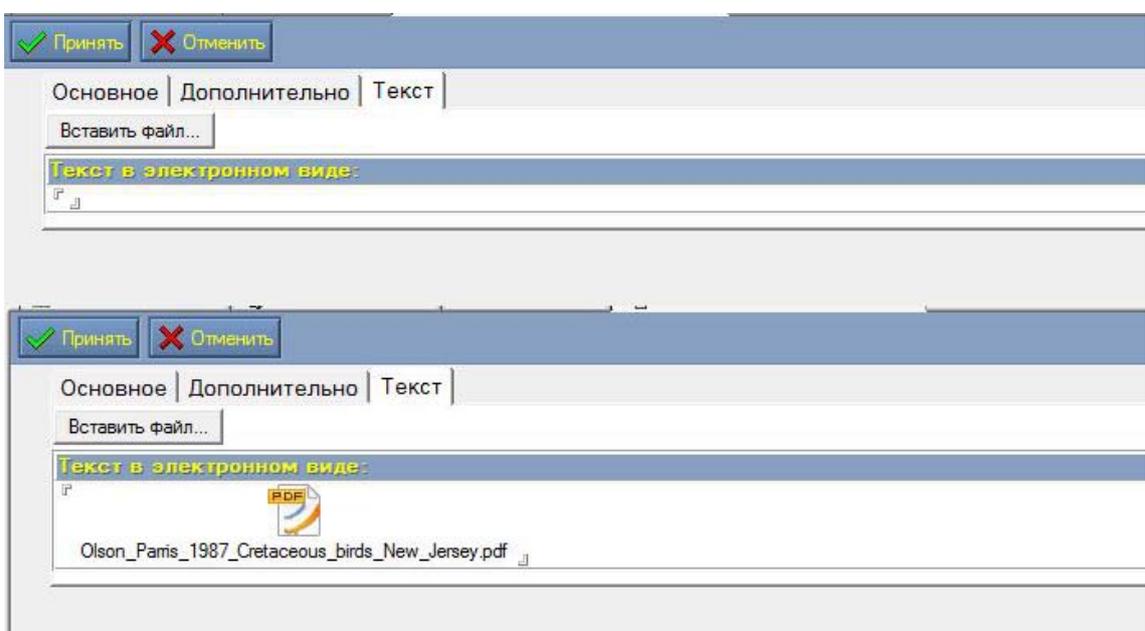

Рис. 7. Заключительный этап – «встраивание» файла электронной публикации в базу

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПЕЩЕРЫ ЕЛЕНЕВА

Пещера Еленева расположена на левом берегу Енисея, в скальном массиве Караульный бык, близ р. Караульной, на противоположном берегу от д. Овсянка. Первые сведения о пещерах этого района мы находим у участников Второй Камчатской экспедиции. В 1735 году И. Г. Гмелин и его помощник С. П. Крашенинников осмотрели одну из пещер у деревни Овсянка. В описании С. П. Крашенинникова обозначено: «(...) Так того же дня перед полуднем приехал я в Овсянскую деревню, которая от г. Красноярска в 21 верстах, а против сей деревни, едучи вверх, на правой стороне Енисея-реки, есть пещера, Овсянская называемая, длиною в 7 сажень 1 ар., а поперек в сажень» [С. П. Крашенинников в Сибири, 1966].

В конце XIX века Бирюсинские и Караулинские пещеры с археологическими целями исследовал А. С. Еленев (1890). Вслед за ним пещера шурфовалась несколькими поколениями археологов. В 1946 г. пещера исследуется Э. Р. Рыгдылоном, а в 1977-1978 гг. – Н. Д. Оводовым. Стационарные раскопки пещеры были проведены автором в сезонах 1986–1998 гг.

После открытия в скальном массиве «Караульный бык» многослойной стоянки палеолита-средневековья потребовалось рассматривать эти памятники в научной литературе отдельно. Стоянка на площадке скалы сохранила свое на-

звание «Караульный бык» [Макаров, Ямских, 1995, с. 81-112], а пещера в центре этой скалы получила имя ее первого археологического исследователя – А. С. Еленева.

Пещера представляет собой небольшую полость галерейного типа длиной около 19 м, шириной 2-4 м (при высоте 7-8 м). Вход в пещеру расположен на высоте 17 м от уровня Енисея.

В результате многолетних работ на памятнике было выявлено до 30 культуроросодержащих горизонтов. Поскольку в ряде статей уже отражены материалы мезолита [Макаров, Орлова, 1992. С. 171-175] и неолита пещеры [Макаров, Мартынович, Оводов 2009. С. 81–105], в данной публикации будут рассмотрены артефакты культурных горизонтов железного века и Средневековья.

Археологический материал этого времени залегал в пачке пылеватых супесей с прослоями перегнившего растительного материала. В центре пещеры стратиграфия памятника представлена следующим разрезом:

- дресвяный песок желто-бурого цвета. Включает материалы культурного горизонта – 1 (эпохи средневековья), смешанные с современным мусором (обрывки целлофановых пакетов, консервные банки и пр.). Мощность до 5 см;
- супесь буровато-серая, грубая, пылеватая. Насыщена растительными остатками-травами, обломками сучьев бе-

резы, берестой. Отмечается щебень известняков (до 5 %). Культурный горизонт-2. Мощность 4-6 см;

- супесь коричневато-серая, грубая, пылеватая, с растительным детритом (ветки, стебли трав, кора). Дресва и щебень известняков (до 20 %). Культурный горизонт-3. Мощность 3-7 см;

- супесь светло-серая, тонкая, пылеватая. Окраска пятнистая, полосчатая (за счет неясной, наклонной слоистости). Отмечается растительный детрит, в том числе хорошо сохранившаяся береста, угольки, дресва известняков. В подошве – очаг культурного горизонта – 4. Мощность 5-7 см;

- супесь коричневато-серая, пылеватая, с мелким растительным детритом. Отмечается неясная наклонная слоистость, подчеркиваемая чередованием слоев супесей. По слою разбросана дресва известняков, щебень (до 5 %). Культурный горизонт-5. Мощность 4-6 см.

Культурный горизонт-1. Его особенностью является смешение археологического материала эпохи Средневековья и предметов современного происхождения: обломков стекла, обрывков полиэтилена, остатков консервных банок и т. д. Без учета таких явно современных материалов, в культурном горизонте-1 зафиксировано 386 артефактов. Орудия немногочисленны. Среди железных изделий отметим рыболовный крючок 5 x 1,8 см, а также обломки четырех неопределимых предметов. В слое найден костяной черешковый наконечник стрелы с многоугольным в сечении острием пера.

Большую часть находок горизонта составляют фрагменты керамики, при-

надлежащие не менее чем 6 сосудам. При этом до 300 черепков имеют размеры не более 2-3 см. Значительная их часть – без орнамента.

22 фрагмента керамики первой группы украшены тонкими валиками, направленными либо параллельно друг другу, либо расходящимся веером (рис. 1-1; 2 – 3, 4). Вторую по численности группу составляют 10 черепков с ногтевым орнаментом. Еще четыре сосуда представлены единичными, но достаточно выразительными венчиками; два из них гладкостенные. Один из венчиков имеет заovalенный верхний край и пояс ямочных вдавлений. Второй венчик дополнительно украшен тремя поясками округлых вдавлений и небольшим карнизиком у верхнего края. Аналогичный край венчика третьего сосуда орнаментирован по его внутреннему и внешнему ребру ногтевыми вдавлениями. Поверхность фрагмента украшена косонаправленными линиями наколов тонкой палочки. Фрагменты венчиков четвертого сосуда украшены в верхней трети пятью рядами вдавлений эллипсовидной, подтреугольной и трапециевидной формы (рис. 1 - 3; 2 - 1).

Наряду с вышеописанной керамикой в горизонте-1 были зафиксированы несколько фрагментов с оттисками крупнозубчатого штампа, а также налипное ушко сосуда (рис. 1 - 2).

Среди других категорий изделий – обломки деревянных предметов, каменный концевой скребок, пять отщепов, обрывки берестяных «свитков», три подвески из зубов марала, а также несколько мелких цилиндрических бусинок, выявленных при промывке.

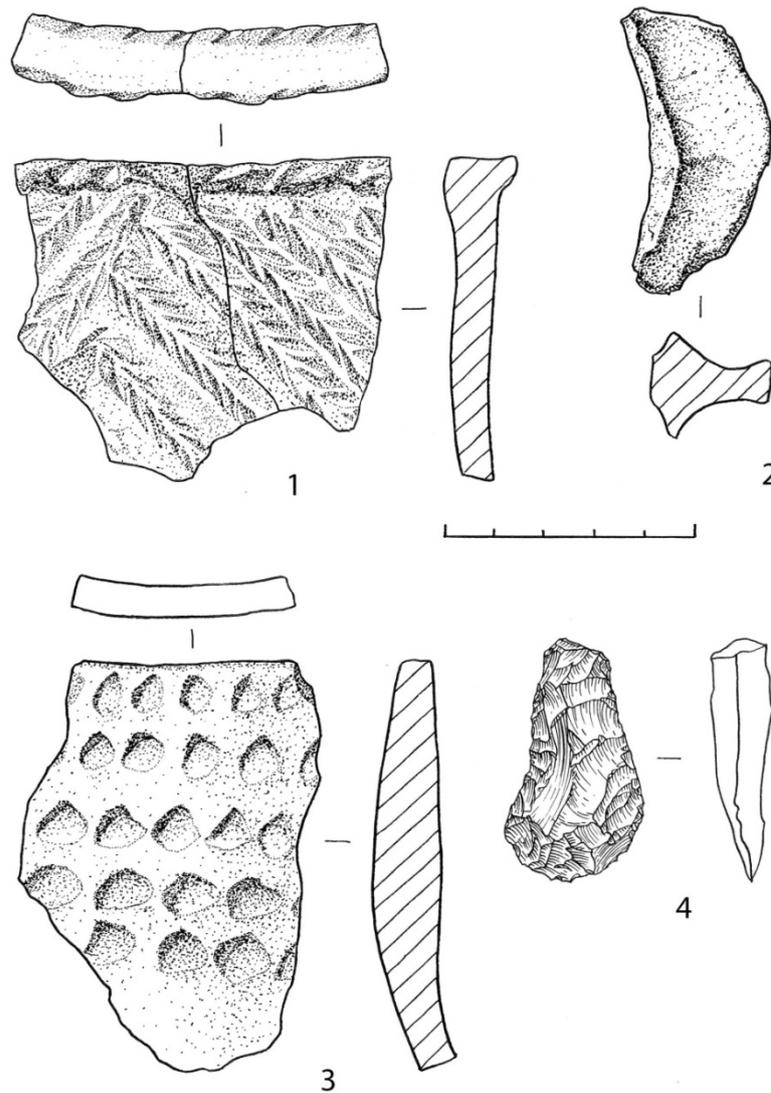

Рис. 1. Керамика (1-3) и каменный скребок (4) из культурного горизонта –
1 пещеры Еленева

Следует отметить, что большая часть находок культурного слоя-1 концентрируется вокруг очажного пятна, зафиксированного в квадратах 9-10 ГД.

Культурный горизонт-2. Всего зафиксировано 74 артефакта. Выразительные орудия представлены железным ножом, обломком лезвия, фрагментом наконечника ремня (рис. 3 – 3, 4), а также двумя костяными наконечниками стрел. Оба наконечника - треугольной формы (с черешковым насадом): один из них плоский, с двумя

длинными боковыми шипами, другой – с треугольным сечением пера. Найдены также 2 каменных наконечника стрелы треугольной формы с прямым, слегка вогнутым насадом (рис. 3 – 5,6). При промывке отработанного грунта найдены костяные подвески и бусинки (рис. 3 – 8-12).

Основную массу находок составляет керамика. Судя по орнаментации выявлены фрагменты не менее четырех сосудов. Около половины найденных черепков – гладкостенные. Венчики этой

группы орнаментированы у верхнего края поясом выпуклин-жемчужин. Большая часть орнаментированных фрагментов (15 экз.) принадлежит кера-

мике с тонкими волнистыми валиками. Несколько черепков украшены оттисками крупнозубчатого штампа (рис. 3-1).

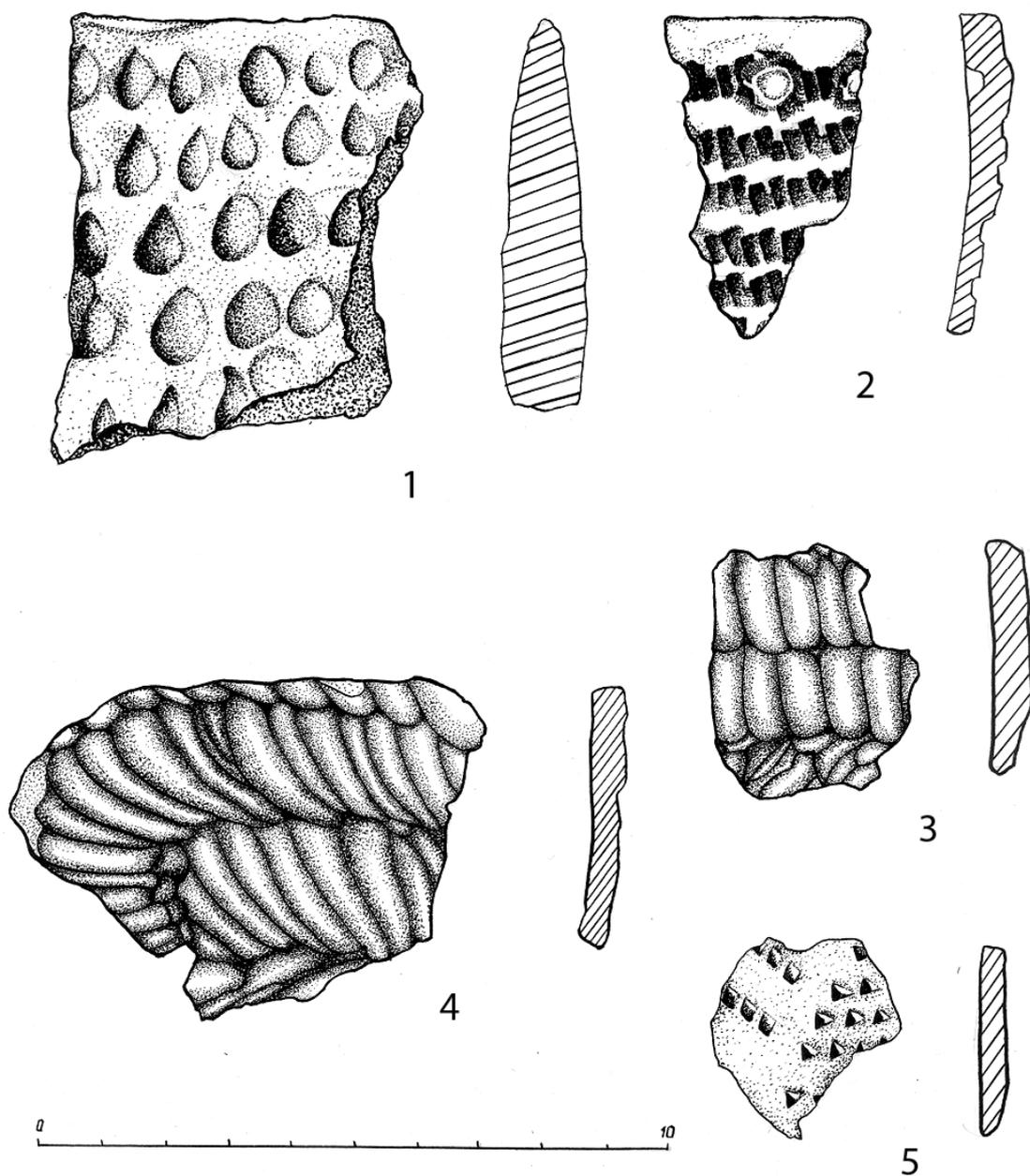

Рис. 2. Керамика (1-5) культурного горизонта-1 пещеры Еленева

Один из венчиков имеет комбинированный орнамент: в верхней профилированной части венчика находятся косонаправленные оттиски крупнозубчатого штампа, ниже которых располага-

ются тонкие наlepные валики. Еще один профилированный венчик украшен в верхней своей трети направленными вниз линиями трапециевидных вдавлений.

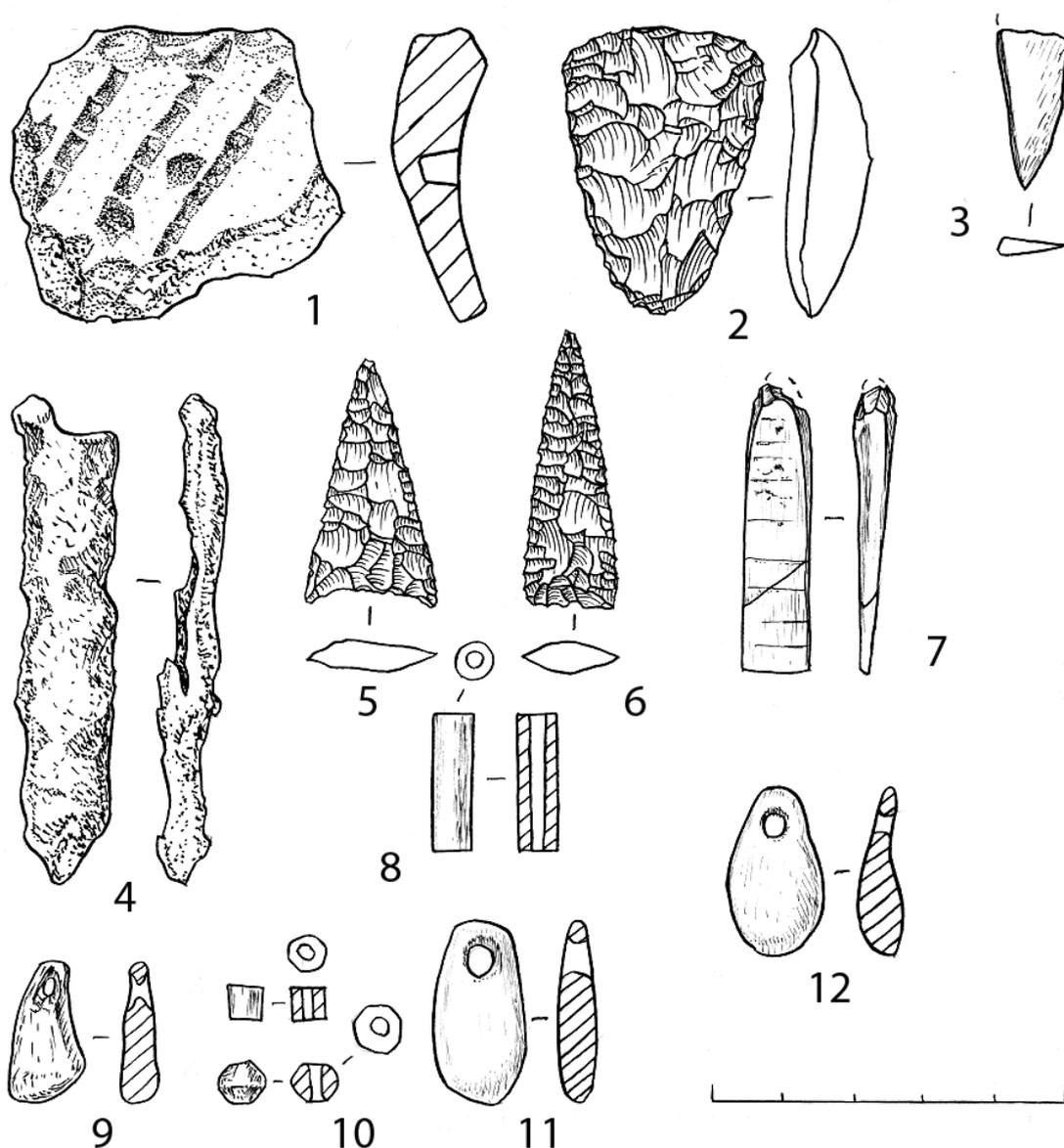

Рис. 3. Инвентарь культурного горизонта пещеры Еленева:
1 – керамика; 2, 5, 6 – камень; 3, 4 – железо; 7-12 – кость

В наиболее удобной, центральной, части пещеры зафиксировано 4 очажных пятна, вокруг которых и концентрируется большая часть описанного археологического материала.

Культурный горизонт-3. Зафиксированы 54 артефакта.

В каменном инвентаре имеются 2 наконечника стрелы треугольной формы с прямой (слегка вогнутой) базой и призматический одноплощадочный нуклеус.

Среди костяных изделий – тесло из рога козули и 2 наконечника стрелы. Оба наконечника относятся к типу черешковых, но различаются круглым и квадратным сечением пера.

При промывке отработанного в пещере грунта найдена костяная проколка, а также несколько цилиндрических и плоских дисковидных бусинок.

Среди артефактов данного горизонта преобладают фрагменты керамики. Об-

наружены черепки не менее чем от 5 сосудов. Около половины найденных фрагментов – без орнамента. Венчики этой группы имеют плоскосрезанный верхний край, под которым располагается пояс выпуклин-жемчужин.

Еще один сосуд, наряду с уже перечисленными особенностями венчика, дополнительно украшен по внешнему борту двумя разнонаклонными рядами оттисков зубчатого штампа, выше которых находится пояс квадратных вдавлений.

Залощенность внешней поверхности сближает их с керамикой тагарской культуры. Также обнаружены несколько черепков с орнаментацией тонкими волнистыми валиками и фрагмент венчика с разнонаклонными рядами оттисков крупнозубчатого штампа.

Более архаичный облик в орнаментации имеет фрагмент венчика из коридорной части пещеры. Под плоскосрезанным верхним краем венчик украшен поясом выпуклин-жемчужин, ниже которых располагаются 6 желобков вдавлений отступающей прямоугольной лопаточки. Орнамент локализуется горизонтальным зигзагом аналогичных оттисков орнамента.

Среди костных останков животных, зафиксированных в культурном горизонте-3, обнаружена фаланга кабарги с просверленным по центру продольным сквозным отверстием.

Поделки из бересты представлены фрагментами изделий с орнаментом из резных взаимоперекрещивающихся линий.

Культурный горизонт-4. В центральной части пещеры обнаружено 4 очажных пятна. Вокруг них концентрируется основная часть находок. Всего зафиксиро-

ровано 58 артефактов. Выразительные находки немногочисленны. Найдены лишь костяной, треугольный в сечении, черешковый наконечник стрелы и каменный нож четырехугольной формы.

Большую часть находок этого горизонта составляют мелкие гладкостенные фрагменты керамики. Обнаружено несколько черепков с ногтевым орнаментом. Один из венчиков украшен по внешнему борту поясом выпуклин-жемчужин и вдавлениями наклонно поставленного двузубчатого штампа, образующими несколько параллельно-горизонтальных желобков.

Среди поделок из бересты найден венчик туеса с зубчатым верхним краем. Наиболее крупные куски бересты имеют размеры 15 x 20 см.

Культурный горизонт-5. При его исследовании зафиксировано более 100 артефактов. Археологический материал концентрируется вокруг трех очагов, расположенных в коридорной и центральной части пещеры.

В группе выразительных орудий преобладают изделия из кости.

Большую их часть (35 единиц) составляют игловидные острия, которые в момент своего обнаружения лежали компактным пучком у очага. Вероятнее всего, изделия служили заготовками для крючков и гарпунов (рис. 4).

Костяной наконечник стрелы из слоя имеет округлое сечение пера и уплощенный с двух сторон длинными косыми срезами насад.

К каменному инвентарю мы отнесли отщепы, пластинки и битые гальки. Обнаружены обломки деревянных изделий в виде уплощенных планок удли-

ненных пропорций. Из берестяных же поделок нами были зафиксированы остатки туесов:

округлое дноце размерами 9,3 x 10,8 см и фрагменты боковых стенок с линией сквозных отверстий (рис. 5).

Около половины всех находок горизонта составляют фрагменты керамики.

Основная часть черепков – гладкостенная. Венчики сосудов имеют плоскосрезанный верхний край, под которым находится пояс выпуклингорошин (рис. 6). Близки к описанному типу керамики венчики еще трех сосудов. По внешнему борту они дополни-

тельно украшены либо рядами наклонно поставленного зубчатого штампа, либо желобками вдавлений тонкой лопаточки (рис. 7). В одном случае зафиксирован фрагмент с тремя прочерченными желобками.

В целом, керамика культурных горизонтов 3-5 близка друг к другу и имеет аналогии в памятниках тагарской культуры.

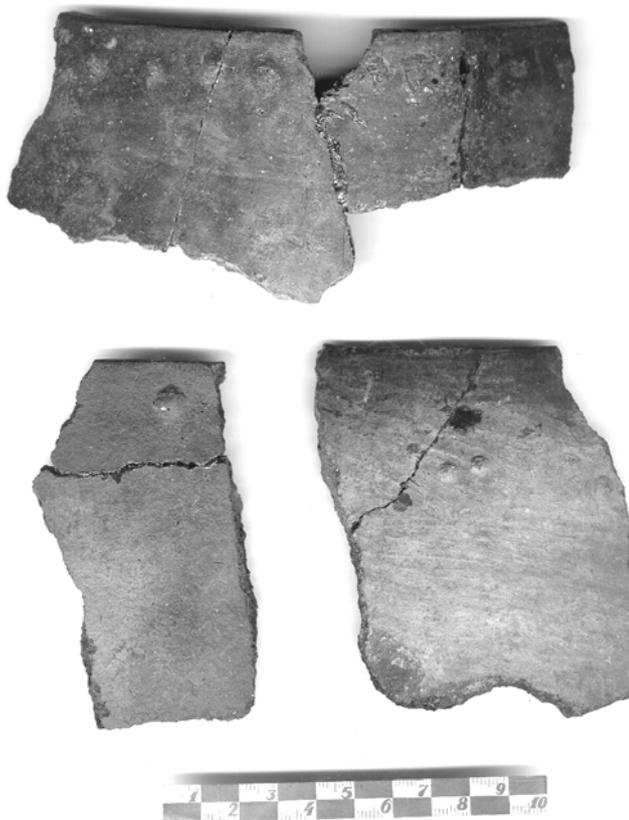
Таким образом, описанные культурные горизонты датируются по найденному археологическому материалу разными этапами железного века и эпохи Средневековья.

Рис. 4. Костяные игловидные острия (гарпуны) из культурного горизонта-5 пещеры Еленева

Рис. 5. Фрагменты берестяного туеса из культурного горизонта-5 пещеры Еленева

Рис. 6. Керамика из культурного горизонта-5 пещеры Еленева

Железные изделия, керамика, общая стратиграфия пещеры Еленева позволяют отнести культурный горизонт-1 к эпохе средневековья. Полученные из очага горизонта радиоуглеродные даты 1050 ± 30 л. н. (СОАН – 3082) и 1225 ± 35 л. н. (СОАН–3083) определяют время существования культурного горизонта рубежом I–II тыс. н. э.

К развитому железному веку относятся материалы культурного горизонта-2 пещеры Еленева. На это указывают находки железных изделий, керамика с тонкими налепными валиками и ногте-

выми вдавлениями. Кроме того, по углю из очагов горизонта-2 получены даты 1400 ± 50 л. н. (СОАН – 2939) и 1435 ± 65 л. н. (СОАН – 3084), определяющие переходное время от железного века к раннему Средневековью.

Уже отмеченная близость керамического материала культурных горизонтов 3-5 позволяет датировать их ранним железным веком. Это подтверждается и радиоуглеродными датировками: для горизонта-3 – 2380 ± 60 л.н. (СОАН–1678), для горизонта-4 – 2700 ± 50 л. н. (СОАН–2700) и горизонта-5 – 2940 ± 40 л. н. (СОАН–3086).

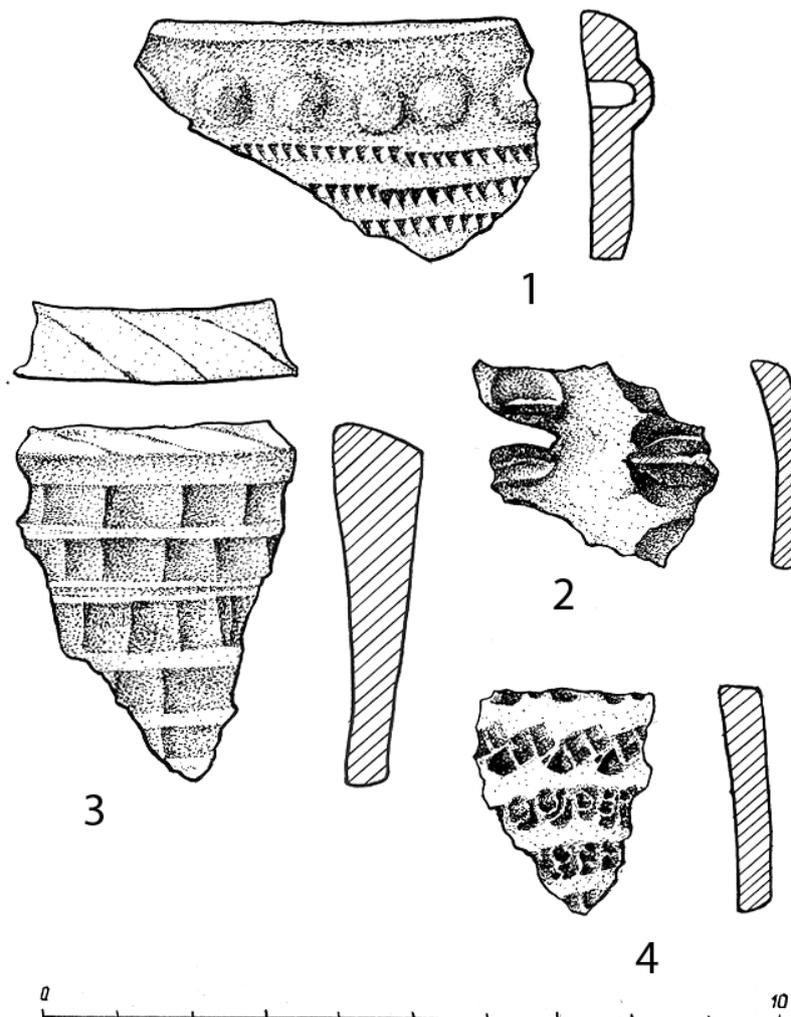

Рис. 7. Керамика (1-4) из культурного горизонта – 5 пещеры Еленева

В окрестностях Красноярска к раннему железному веку отнесена лесостепная тагарская культура. Раскопанные курганы этого времени дали достаточно яркие материалы. При этом материалы поселений остаются менее изученными.

В связи с этим находки керамики и изделий раннего железного века в пещере Еленева дополняют наши представления о данной эпохе.

Судя по раскопкам курганов и поселений, основным занятием тагарцев в Красноярской лесостепи оставалось скотоводство. Кроме того, находки серпов в составе Есаульского клада свидетельствуют и о занятиях земледелием. В то же время некоторые памятники с находками изделий и керамики раннего железного века расположены не на степных, а на лесных участках, непригодных для ведения производящего хозяйства. Вероятнее всего, эти стоянки оставили не сами тагарцы, а соседствующее с ними аборигенное население. Отсутствие костей домашних животных на таких памятниках (Боровое, Минжуль, пещеры Тугаринова, Еленева и др.) указывает на ведение охотничье-рыболовческого хозяйства. Не случайно на этих памятниках обнаружены изделия для рыбной ловли.

Так, в слое-5 пещеры Еленева зафиксирован целый пучок игловидных острий, которые, судя по выступающим бородкам на одном из них, служили частью рыболовной остроги. Рыболовные спицы с выемкой-перехватом по центру обнаружены в слое-2 пещеры Тугаринова, расположенной в 1,5 км от пещеры Еленева.

Кроме того, и в пещере Еленева, и на других памятниках по берегам рек, как правило, обнаруживают рыболовные галечные грузила для сетей [Мандрыка и др., 1996. Рис. 9-16]. В обоих пещерных памятниках зафиксированы костяные наконечники стрел, имеющие аналогии в памятниках тагарской культуры. Хотя отдельные черепки сосудов близки тагарским по залощенности поверхности, орнаменту, обжигу и другим признакам, большая часть керамики отличается от тагарской.

Это фрагменты с налепными валиками, рассеченными пальцевыми защипами, ногтевым орнаментом, наклонными оттисками зубчатого штампа. Таким образом, керамика указывает на то, что изготовлена она все же не тагарским населением, а, вероятнее всего, аборигенными племенами.

Тагарцы и местное население занимали разные экологические ниши. Скотоводством для собственно тагарцев было удобнее заниматься на степных участках. Аборигенное же население предпочитало селиться по лесам вдоль рек для занятий охотой и рыболовством. Во взаимодействии и диалоге происходил обмен культурными достижениями, чем и объясняется проникновение отдельных инородных изделий.

Так, в курганах под Красноярском появляются отдельные уплощенные налепные ушки сосудов, хотя на поселениях по берегам рек и в пещерах они достаточно многочисленны. Напротив, бронзовые орудия и украшения (в результате обмена) попадали к аборигенным племенам скорее всего от тагарцев. Последнее не исключает и развитие

собственного бронзолитейного производства у охотничье-рыболовческих племен.

Таким образом, в раннем железном веке в Красноярской лесостепи, наряду с лесостепной тагарской культурой, существовала и местная аборигенная культура этого времени. Они были разными по происхождению, хозяйственному укладу и уровню социального развития.

Эта линия развития сохранялась и в развитом железном веке. В отличие от юга края, где развивается таштыкская культура, на периферии тагарского мира носители тагарской культуры сохраняют свое влияние еще как минимум на 2-3 столетия. Тем не менее и в Красноярском районе местные племена испытывают воздействие таштыкской культуры. Об этом говорят погребения по обряду трупосожжения, раскопанные автором у дачного пос. Боровое и П. В. Мандрыкой у летней базы СТИ [Мандрыка, Макаров, 1994].

Развитому железному веку в пещере Еленева соответствует культурный слой-2. Керамика слоя, наряду с ногтевым орнаментом и пальцевыми защипами, украшается тонкими волнистыми валиками, венчики сосудов, как правило, отогнуты наружу, черепки черного цвета.

Близкая орнаментация керамики, профилировка сосудов сохраняется и в эпоху Средневековья. Этому времени соответствуют находки культурного слоя-1 пещеры Еленева.

Как и железный век, средневековая эпоха Красноярской лесостепи изучена еще довольно слабо. Многочисленные

находки пока еще не систематизированы. Еще в 20-е гг. XX века предложенная к выделению ладейская культура VII-XIV вв. не имеет четких характеристик.

Средневековая керамика (при сохранении старых традиций в орнаментации) характеризуется резкой профилировкой венчиков и оттисками крупнозубчатого штампа по внешнему борту.

В железном веке и Средневековье, наряду с керамикой, в пещерных отложениях хорошо сохраняются деревянные поделки, обломки древков стрел, различные приспособления к капканам. Часто встречаются и изделия из бересты. Судя по округлым донцам и прошитым боковым стенкам они принадлежат остаткам туесов.

Эпоха железа характеризуется в ранний период сосуществованием лесостепной тагарской культуры скотоводов и земледельцев, с одной стороны, и местных охотничье-рыболовческих племен – с другой.

В развитом железном веке I-VI вв. н. э. при мощном влиянии таштыкской культуры юга края, наблюдается сохранение многих традиций тагарской культуры.

В эпоху Средневековья Красноярская лесостепь являлась окраиной государства енисейских кыргызов, которое вбирало в себя культуры разных по языку и по происхождению народов.

При этом хронология и периодизация основных типов орудий и керамики собственно Красноярского района для эпохи железа и Средневековья остается задачей будущего.

Список литературы

Еленев, А. С. О Бирюсинских и Караулинских пещерах. Приложение к «Памятной книжке Енисейской губернии» / А. С. Еленев. – Красноярск, 1890. – С. 1-16.

Макаров, Н. П. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на Среднем Енисее: краткие итоги изучения / Н. П. Макаров, Н. В. Мартынович, Н. Д. Оводов // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР : материалы науч.-практ. конф. – Красноярск, 2009. – С. 81-105.

Макаров, Н. П. Мезолит пещеры Еленева / Н. П. Макаров, В. А. Орлова // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке : Тезисы докл. междунар. симпозиума. – Красноярск, 1992. – С. 171-175.

Макаров, Н. П. Археология и палеогеография многослойной стоянки Караульный бык / Н. П. Макаров, А. А. Ямских // Палеогеография Средней Сибири. – Вып. 2. – Красноярск, 1995. – С. 81-112.

Комплексные исследования пещеры Тугаринова / П. В. Мандрыка и др. // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 1996. – Вып. 1. – С. 83-115.

Мандрыка, П. В. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) / П. В. Мандрыка, Н. П. Макаров // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в 1-2 тысячелетии н. э. – Кемерово, 1994. – С. 68-84.

С. П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы / отв. ред. А. П. Окладников – М.-Л.: Наука, 1966.

ПОСЕЛЕНИЕ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-I НА АНГАРЕ

В ходе спасательных археологических работ в ложе водохранилища строящейся Богучанской ГЭС, по правому берегу Ангары выше устья р. Коды, на протяжении 4 км были выявлены и частично изучены 14 археологических памятников (пунктов), объединенных в «Ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино»¹ (рис. 1).

Первые находки археологического материала с территории ансамбля были сделаны А. П. Окладниковым в 1937 году. На правом берегу Ангары, ниже д. Проспихино, им было отмечено неолитическое поселение². Летом 2006 г. разведочные работы на этой территории были проведены П. В. Мандрыкой³, а в сентябре 2006 г. отдельные находки с осыпи террасы в южной части ансамбля были собраны В. И. Макуловым⁴. С 2008 года

на памятниках ансамбля начаты спасательные раскопки.

Поселение Проспихинская Шивера-I расположено в центральной части ансамбля, в 2,5 км выше устья р. Коды. Культурный слой его распространяется на протяжении 300 м вдоль края 16-20-метровой террасы, поверхность которой разрезана небольшими логами (рис. 2). Памятник был выделен П. В. Мандрыкой в 2006 году. Тогда ему было присвоено название поселение Коды-7. В 2008 г. по результатам обследования археологических памятников, попадающих в зону затопления Богучанской ГЭС, разведочным отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А. Н. Зенина и А. В. Постнова памятник переименовали и включили в ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино⁵. Впоследствии мы согласились с переименованием памятника в Проспихинскую Шиверу [Мандрыка, Сенотрусова, 2008] в основном для того, чтобы отделить этот ансамбль от памятников кодинской группы (Коды I-IV и т. д.), которая находится на ангарском берегу ниже устья р. Коды.

¹Мандрыка П. В. Отчет по договору № 08/07/09 ИАЭТ СО РАН – ООО «НИПИИ ЭТ Стройрезерв». Проект «Спасательные археологические исследования (раскопки) и рекогносцировочные раскопки в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2009 г. на территории ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино». – Т. 1. Рекогносцировочные раскопки на территории ансамбля // Архив ЛА СФУ, Р-1. – № 73.

²Окладников А. П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИИМК, ф.2, оп. 1937, д. 222 – л. 5.

³Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических разведок в Большемуртинском, Качинском и Кежемском районах Красноярского края в 2006 году // Архив ЛАЭИС СФУ, Р-1 № 49. - 275 л.

⁴Макулов В. И., Артемьев Е. В., Заика А. Л. Отчет: Инвентаризация археологических памятников в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС. – Красноярск, 2006. – 222 с. Отчет

подготовлен только для заказчика работ в архив Института археологии РАН не поступал.

⁵ Научно-технический отчет о выполненных работах по 1-му периоду выполнения работ по договору № 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС», раздел проекта – «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – 626 с.

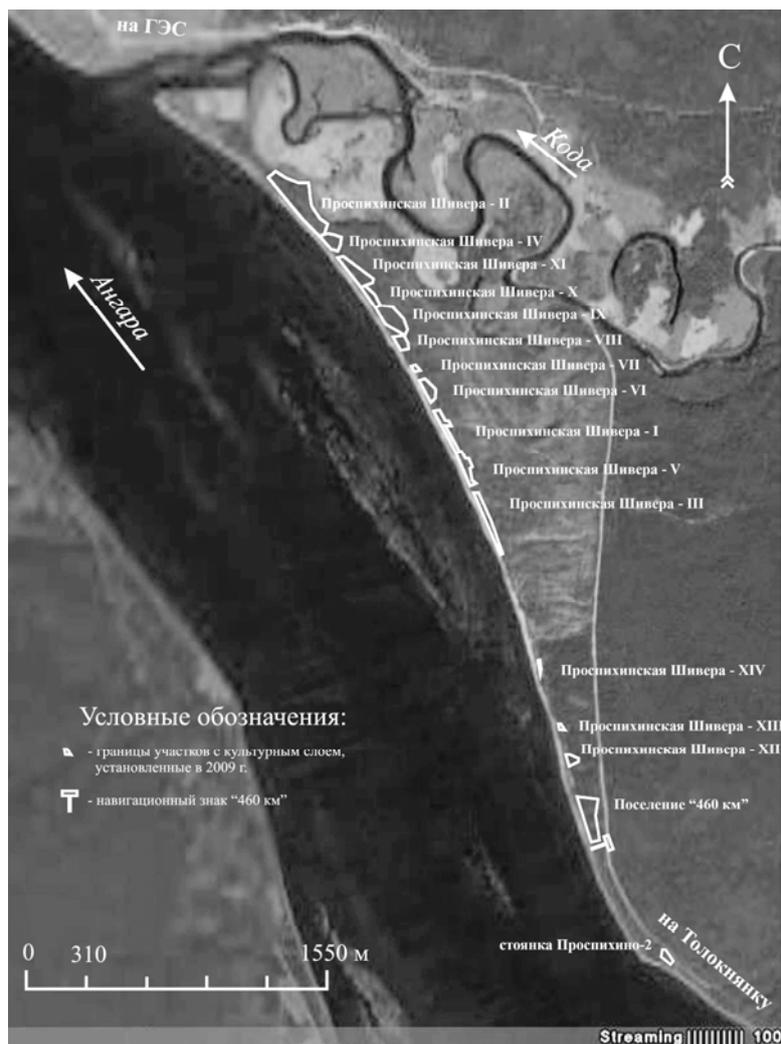

Рис. 1. Размещение на космоснимке археологических памятников (пунктов), объединенных в «Ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино»

В ходе спасательных раскопок, которые проводились АЭ СФУ в 2006, 2008 и 2009 гг.⁶ и Проспихинским отрядом БогАЭ ИАиЭт СО РАН в 2011 г. [Мандрыка и др., 2011. С. 433], на поселении было вскрыто 970 кв. м. Во время работ

⁶Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок городища Пакуль в Большемуртинском районе и поселения Проспихинская Шивера в Кежемском районе Красноярского края в 2008 году // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 64. – 149 с. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок поселения Проспихинская Шивера в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 69. – 149 с.

были получены многочисленные разрезы по всем стенкам раскопа и бровкам между участками. Это позволило изучить характер накопления и образования почв в разных точках памятника. Вдоль края террасы, в полосе 7-10 м, отмечен один культуросодержащий слой, который в глубине террасы разделяется на два.

Материалы средневекового поселения залегают под дерном и приурочены к первому слою мощностью 10-15 см, состоящему из темно-серой песчаной почвы с включением древесных углей.

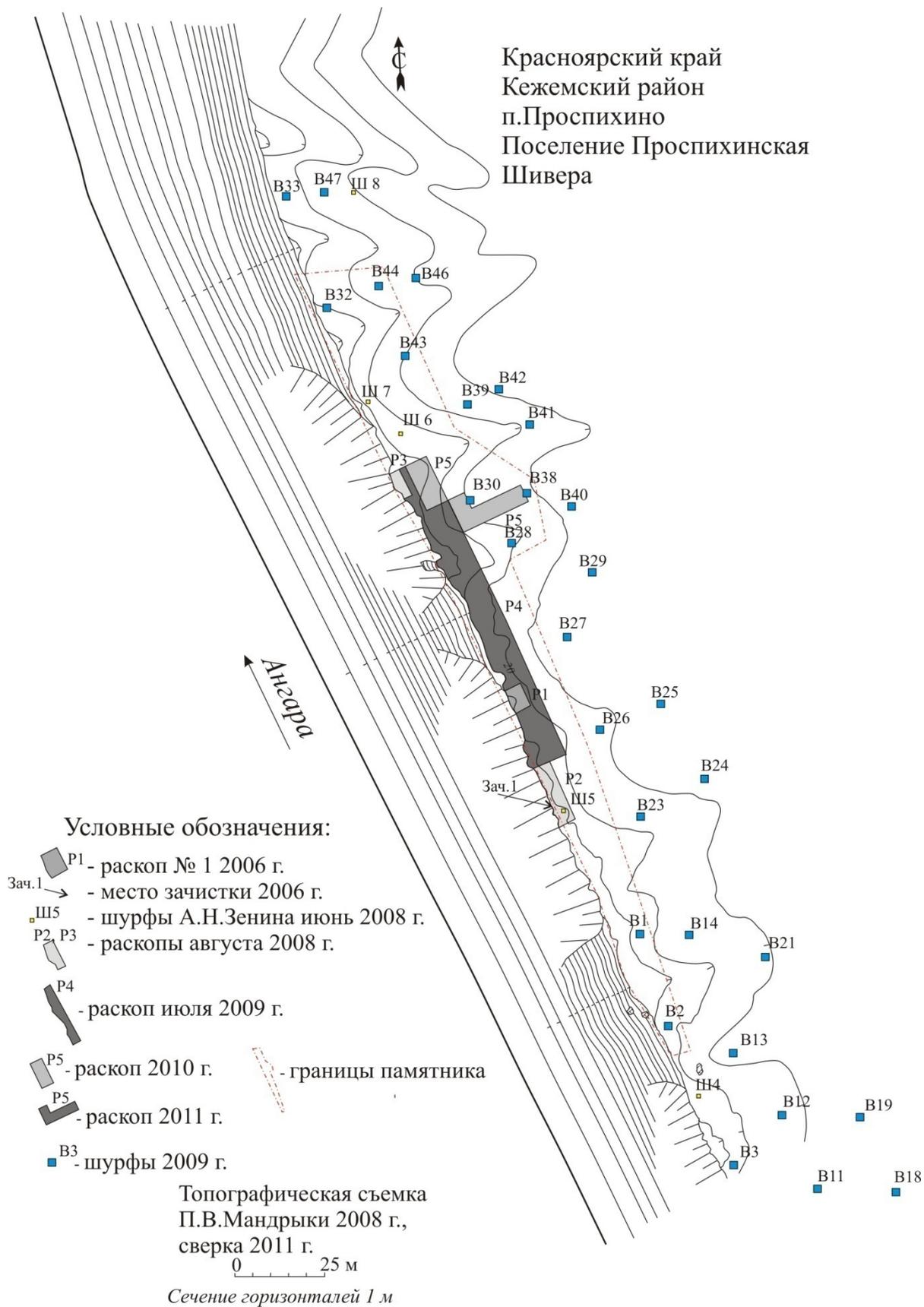

Рис. 2. Топоплан поселения Проспихинская Шивера-I

В этом же слое, в южной части раскопа, отмечены единичные каменные изделия бронзового века или неолита (наконечник стрелы треугольной формы с прямой базой из серого сланца и концевой скребок на пластинчатом кремнистом отщепе). В северной части раскопа, в русле ложбины, где слой включает линзы мощностью 3-4 см мешаной почвы, кроме артефактов средних веков, зафиксированы единичные находки бронзового века (83 фрагмента керамики, скребок из черепка, каменный призматический нуклеус и 4 каменных отщепе). Данные находки, очевидно, перемещены сюда вместе с мешаной почвой из глубины террасы в ходе лесосводных работ, которые проводились на территории памятника в прошлом веке.

Следы корчевки деревьев читаются и по ямам от выворотов, заполненным прокаленным мешаным песком (с включением древесного угля). Дно таких ям неровное: в них фиксируются проникающие вглубь конусовидные углистые углубления от ходов корней сожженных пней.

Изучение стратиграфической ситуации на памятнике показало, что первый слой лучше всего сохранился на 7-8-метровой полосе вдоль края террасы, которая не была затронута сплошной лесочисткой. Здесь, на вскрытой площади, слой нарушен только местами: пятью выворотами и современной ямой под столб навигационного знака. В целом, если исключить поврежденные участки слоя, в нем *in situ* были зафиксированы материалы средневекового поселения, которые можно рассматривать в рамках одного культурно-хронологического комплекса.

Для слоя характерна высокая концентрация находок, особенно вокруг железоплавильных горнов, которые устраивались вдоль края террасы. В слое найдено более 3000 предметов. Среди них: фрагменты керамической посуды, отходы металлургического производства, кости животных, каменные и железные орудия, изделия из керамики. Часть этих материалов уже вводилась в научный оборот [Мандрыка, Сенотрусова, 2008; Мандрыка, Князева, 2011], другая часть публикуется в настоящем сборнике.

В слое были расчищены 4 железоплавильных горна углубленной конструкции. Горн № 1 (рис. 3) зафиксирован возле обрывистого края террасы, в центре раскопа. Сохранилась нижняя часть камеры горна, которая была устроена в округлой яме диаметром 30 см и глубиной 21 см. В яме сохранилась нижняя часть железоплавильной камеры с глиняными стенками. Камера имела цилиндрическую форму с толщиной стенок 5-7 см. На внутренней стороне стенок по всему периметру сохранился слой ошлаковки.

Внутренний диаметр камеры 18-20 см, глубина до 10 см. На ровном дне ямы был отмечен камень с плоской поверхностью. Глиняные стенки примыкали к камню сверху. Почва вокруг камеры и под камнем прокалена до красно-оранжевого цвета. С северо-западной стороны от горна, на уровне древней поверхности, отмечено углистое пятно размерами 40x60 см. Вокруг горна найдены разрозненные куски железных шлаков и обломки глиняной стенки от разрушенной верхней части камеры, а также обломки расколотых камней.

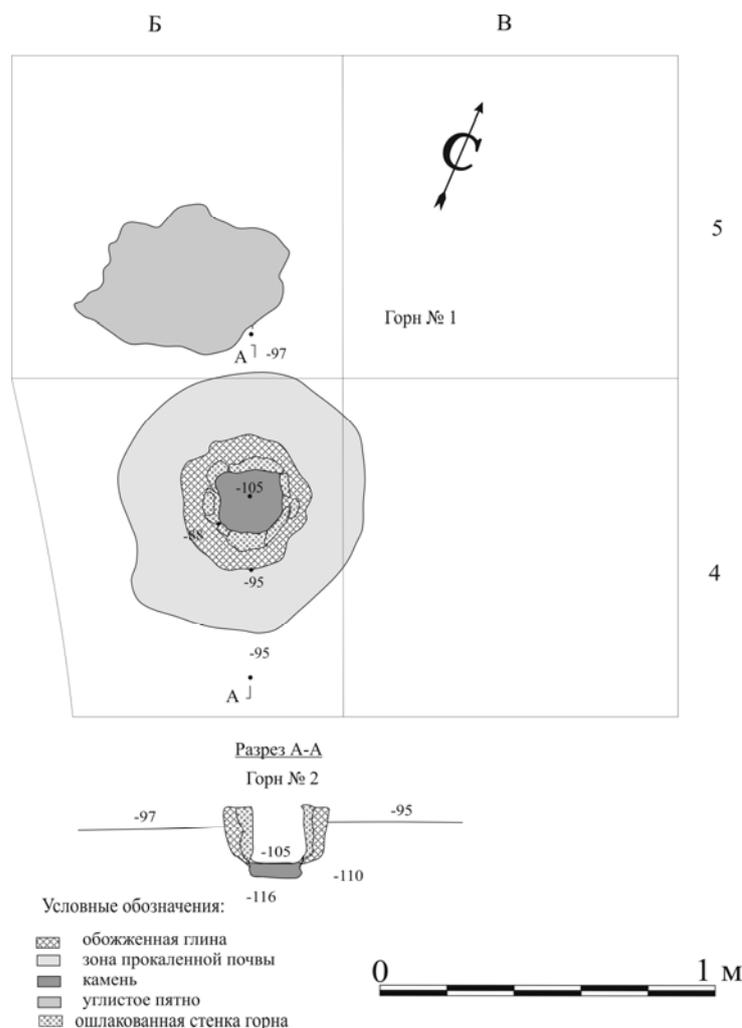

Рис. 3. Поселение Проспихинская Шивера- I. План и разрез горна № 1

Горн № 2 (рис. 4) зафиксирован в 1 м от края террасы, в северной части раскопа. Отмечен развал глиняных стенок камеры горна с сохранившейся ямной частью. По устройству он близок предыдущему, он устраивался в яме, стенки которой обмазывались глиной. Глубина ямы 22-26 см при диаметре до 35 см. Толщина глиняных стенок 5-8 см. Их внутренняя сторона ошлакована. Внутренний диаметр камеры 20 см, глубина до 25 см. Почва вокруг горна была прокалена.

На древней поверхности возле него (с западной и восточной стороны) зафик-

сированы развалы стенок верхней наземной части камеры, которые также строились из глины. На восстановленной наземной части камеры горна в стенке отмечено одно отверстие диаметром 2 см. Здесь же возле горна отмечены куски железных шлаков и несколько крупных камней. Нижняя часть горна вместе с землей была перевезена в лабораторию, где при разборе на дне камеры был обнаружен камень с плоской поверхностью.

Горн № 3 (рис. 5) зафиксирован в 6 м от края террасы на юго-восточном борту ложбины, т. е. на склоне, обращен-

ном на запад. Сохранилась нижняя часть камеры горна, которая была сооружена в округлой яме диаметром 35 см и глубиной 35 см. Стенки ямы были обмазаны глиной. Получилась камера цилиндрической формы толщиной стенок 5-6 см. При сооружении стенок использовалась глина сине-зеленого цвета, что было отмечено на наружных, слабо прокаленных участках нижней части камеры. Внутренний диаметр камеры 20 см, глубина до 20 см.

Почва вокруг камеры с одной стороны сильно прокалена. С южной стороны от горна (на уровне древней поверхно-

сти) отмечены два крупных камня, возле одного – скопление фрагментов керамики. Изучение горна в лаборатории показало, что дно камеры устраивалось из камня с плоской поверхностью, а под ним была прокаленная докрасна почва.

Горн № 4 (рис. 6) зафиксирован на том же склоне ложбины, на 4 м севернее предыдущего горна. По устройству и сохранности он близок горну № 3. Сохранившаяся нижняя часть камеры была сооружена в округлой яме размерами 35x40 см и глубиной 30 см. Камера имела цилиндрическую форму с толщиной глиняных стенок до 5 см.

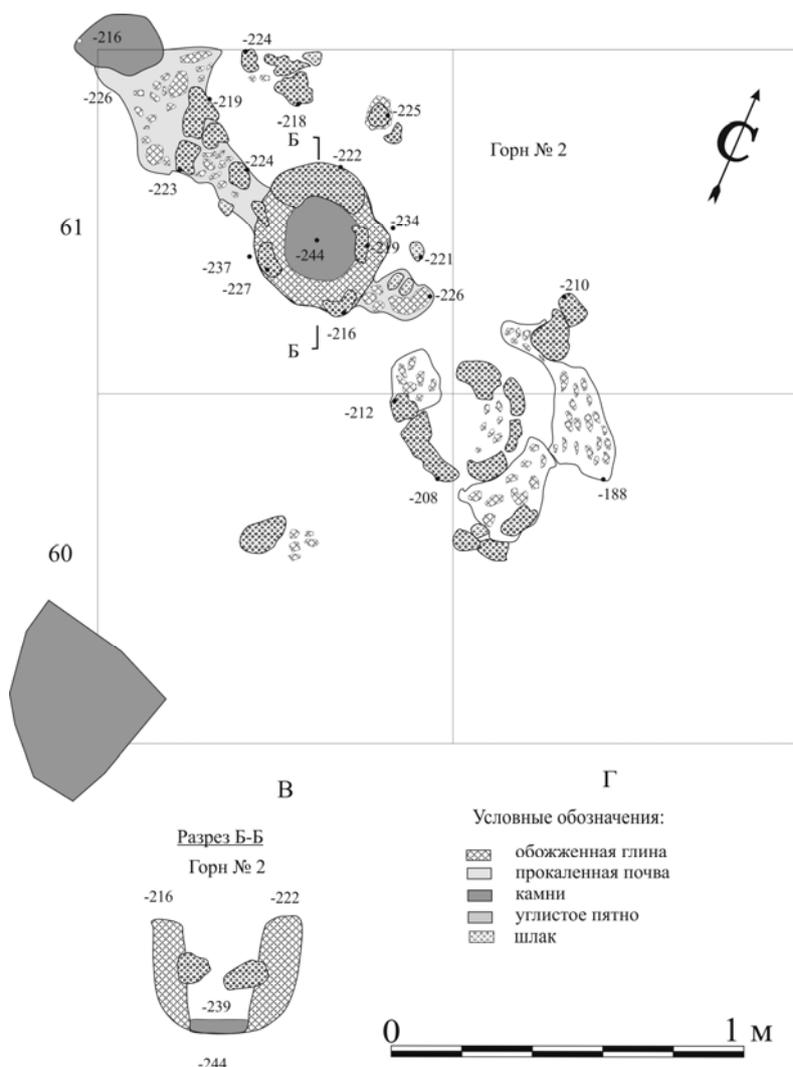

Рис. 4. Поселение Простихинская Шивера- I. План и разрез горна № 2

На внутренней стороне стенок сохранился слой ошлаковки. Внутренний диаметр камеры 20 см; глубина до 25 см. Дно ровное, на нем лежал камень с плоской поверхностью. Почва вокруг камеры сильно прокалена. В двух метрах с северной стороны от горна (на уровне древней поверхности) отмечен железный нож с петельчатым навершием. Вокруг горна фиксировались куски железного шлака, фрагменты керамики, обломки костей животных и куски обожженной глины от разбитой стенки наземной части горна.

Кроме полуразрушенных горнов на площади раскопа были выявлены две ямы, заполненные кусками шлаков, фрагментами керамики и обломками костей животных. Присутствие рядом с ними (на уровне древней поверхности)

кусков обожженной глины, разломанных стенок камер и камней с одной плоской гранью указывает на то, что в этих ямах также могли устраиваться горны, подобные вышеописанным. Но, видимо, эти горны были разрушены полностью, даже их углубленная в землю часть.

В процессе разбора культурного слоя отмечались углистые пятна и участки прокаленной почвы, мощность которых составляла до 2-3 см. Возможно, что эти участки с повышенным термическим воздействием сохранились как в итоге металлургической деятельности, так и в итоге лесного пожара.

С металлургическим процессом на поселении связано наличие в слое обломков керамических «крышек горнов» и трубчатых изделий.

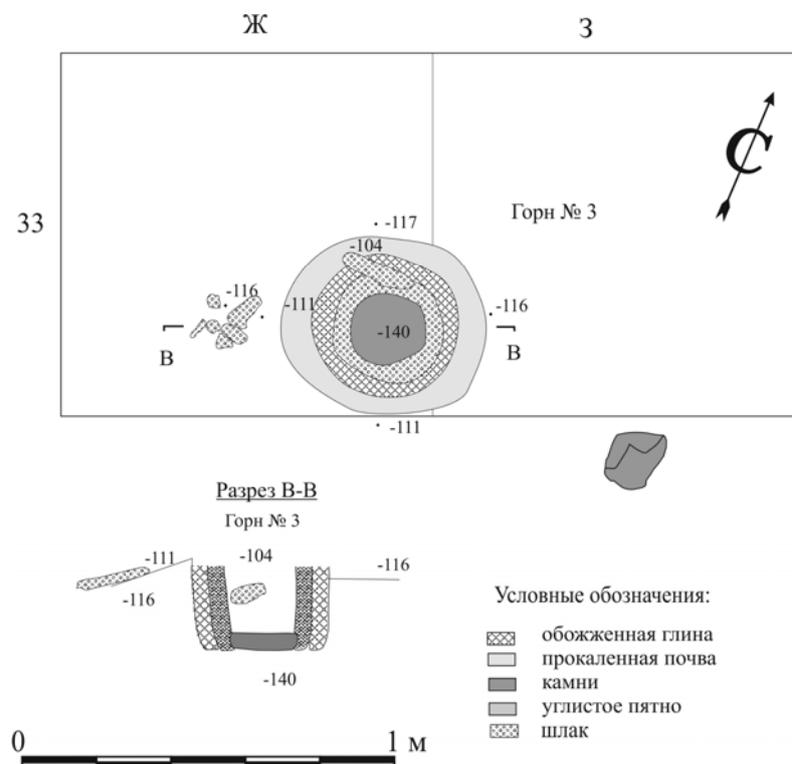

Рис. 5. Поселение Простихинская Шивера- I. План и разрез горна № 3

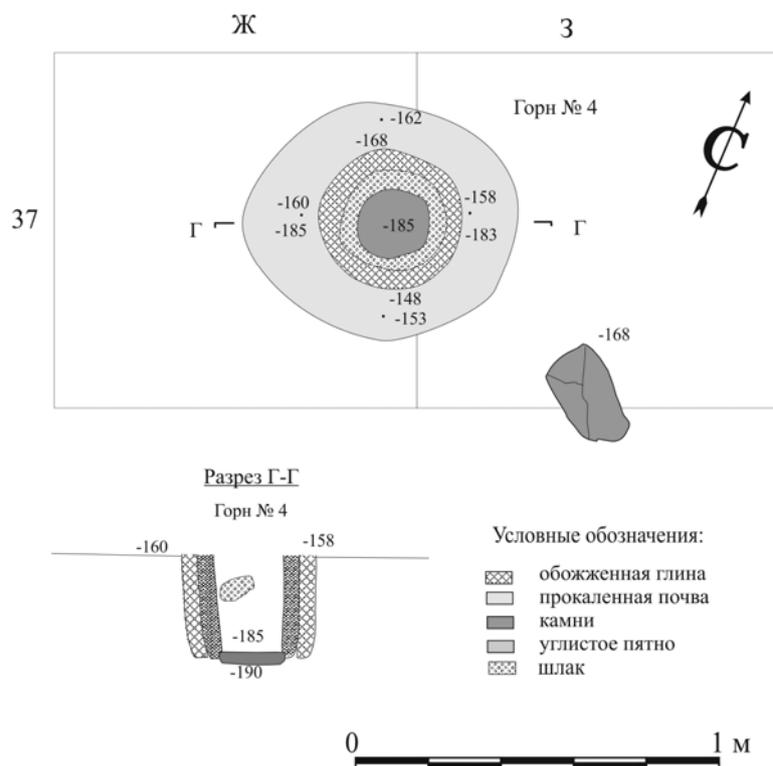

Рис. 6. Поселение Проспихинская Шивера- I. План и разрез горна № 4

К «крышкам» отнесены толстостенные фрагменты от четырех плоских керамических лепешек, имеющих следы повышенного термического воздействия и прикипевшую с одной (внутренней) стороны корку шлака. Изделия частично восстанавливаются. Три «крышки» округлой дисковидной формы, четвертая – в форме плоского параллелограмма с закругленными углами (рис. 7 – 1-4). У дисковидных радиус дуги края равен 12-13 см, т. е. диаметр этих «крышек» был 24-26 см. Одна из них толстая: толщина у края от 1 см постепенно увеличивается к центру до 3 см и более. Две другие «крышки» равномерной толщины: 0,8 см и 1,3 см.

Размеры подквадратной «крышки» не устанавливаются, но (судя по фрагментам) она была не менее 12x12 см с толщиной от 1,5 см у края и до 3 см ближе к центру.

Два изделия без орнамента, два – украшены оттисками пальцевых защипов. Орнаментировались край «крышки» и поверхность, где защипы наносились параллельными рядами и покрывали все пространство. На тонкой «крышке» орнаментом покрыты обе стороны. На одном фрагменте «крышки» под выступающим краем отмечено отверстие диаметром 0,6 см.

Керамические трубчатые изделия (цилиндрические емкости) с плоским, расплюснутым дном (рис. 7 – 5-14). На раскопе найдено 28 фрагментов от 17 изделий (количество определено по основаниям). По размеру они разделяются на две группы. Высота одних целых изделий 3,5-3,7 см, диаметр устья 2,0-2,2 см, диаметр основания 2,5-2,8 см, толщина дна 0,3-0,8 см. Количество таких изделий – 12 штук.

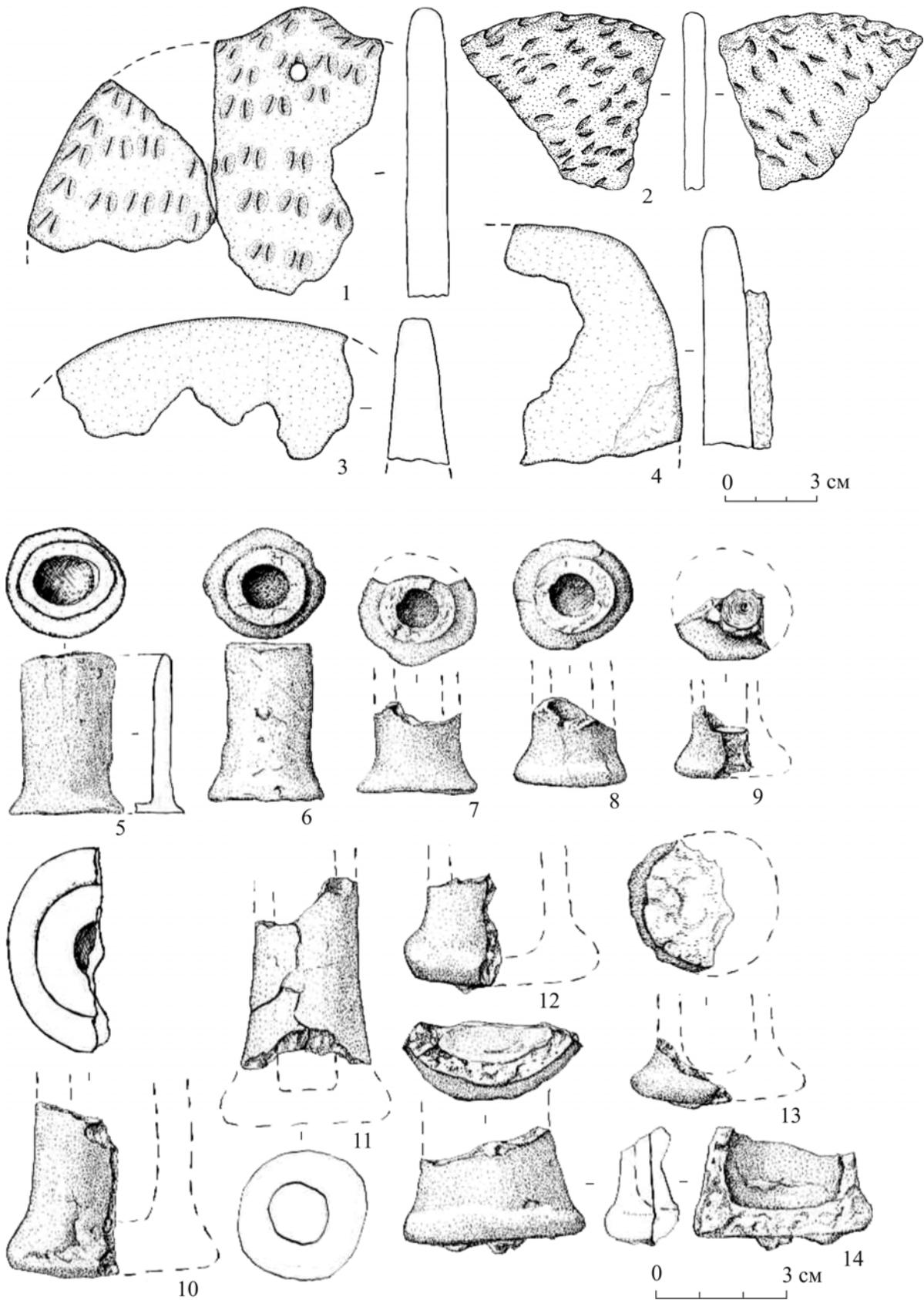

Рис. 7. Поселение Просихинская Шивера- I. Керамические изделия:
 1-4 – фрагменты «крышек»; 5-15 – трубчатые изделия и их обломки

Вторая группа включает 5 изделий более крупных размеров. Они представлены обломками оснований, диаметр которых 3,5-4,0 см.

Все изделия – из такой же формовочной массы, что и керамическая посуда (с примесью дресвы). На предметах отмечены следы повышенного термического воздействия: перекаленные стенки, прикипевшие капли шлака на наружной поверхности, на некоторых – и внутри, возле «дна». Наружная поверхность «дна» ровная, кромка утончается. Изделия прикреплялись к какой-то ровной плоской поверхности. Назначение этих изделий не установлено, но они как-то связаны с металлургией, возможно, использовались в качестве ручек, которые прикрепляли к крышке горна.

Выводы. Характер культурного слоя, наличие железоплавильных горнов и участков с повышенным температур-

ным воздействием, присутствие каменных орудий для подготовки руды, обработки горячего и остывшего металла (молотов и терочников для дробления руды, молота и наковальни дляковки горячего металла, оселков и точильных камней), кузнечного лома и железного ножа, переоформленного в пробойник, указывают на то, что на поселении устраивались производственные площадки. На них сыродутным способом получали железо из руды, проводили первичную проковку (отжим) крицы и изготавливали железные изделия.

Изученные на поселении железоплавильные горны однотипны: они состояли из углубленной и наземной части (рис. 8). Аналогичные печи, представляющие собой углубление в земле, обмазанное глиной, были широко распространены на берегах Ангары с раннего железного века до Средневековья.

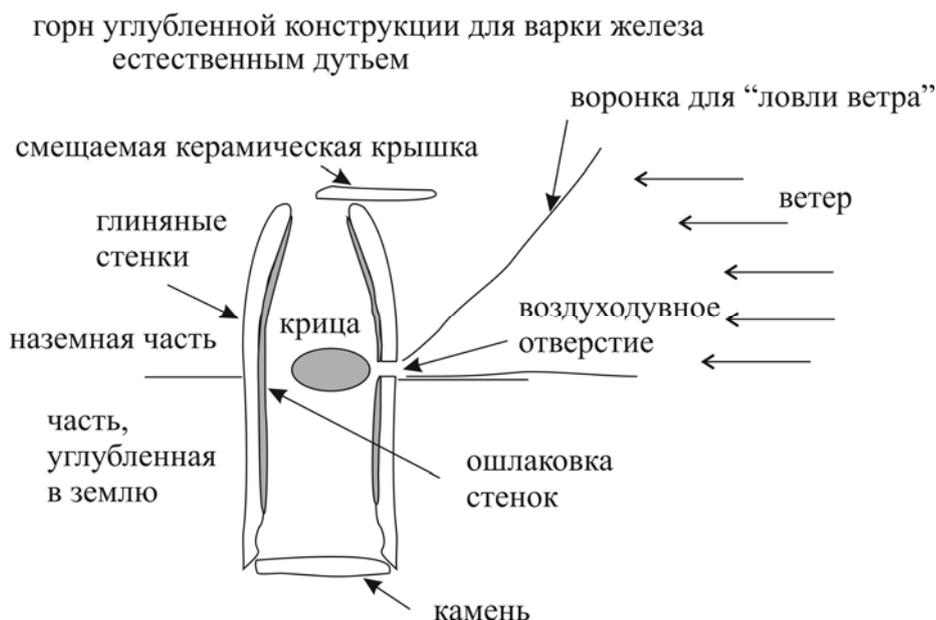

Рис. 8. Схема реконструированного железоплавильного горна поселения
Простихинская Шивера-1

На стоянке Усть-Кова такой горн из раскопок 1976 г. продатирован радиоуглеродным методом, в результате которого получена дата: 2450±50 (ГИН-252) [Гладилин, 1985. С. 168]. Близкий горн, устроенный в яме с обмазанными глиной стенками, отмечен А. П. Окладниковым на о. Сосновый, выше Иркутска, возле истока Ангары из Байкала. Нижняя часть слоя этого памятника, в котором была отмечена керамика с тонкими налепными валиками и бронзовый петельчатый нож, относится «к самому раннему железному веку»⁷ [Окладников, 1953].

На Проспихинской Шивере-I горны устраивались на краю террасы и склонах, имеющих западную экспозицию, т. е. со стороны дующего в летний период года (июнь, июль, начало августа) теплого ветра, иногда ураганного. Такое размещение печей, а также отсутствие керамических сопел и наличие одного воздуходувного прохода в стенке горна на уровне древней поверхности позволяют восстановить систему нагнетания воздуха для раздува углей. Для этого, вероятно, «ловили» ветер с помощью воронки, которой направляли воздушный поток в отверстие в стенке горна. Наличие «съёмных, смещающихся крышек» вместо глухого или открытого свода плавильной камеры позволяло регулировать поток выходящего газа и, следовательно, поступающего воздуха, а также предотвращать выплескивание кипящего шлака из печи.

---

⁷ Окладников А. П. Отчет о раскопках на Сосновом острове Ангары. Об исследованиях на Северном и Лесном островах на Ангаре летом 1952 г. // Архив ИИМК.

Для сооружения стенок плавильных камер горнов (обмазки стенок ям, вырытых в песчаных почвах) использовалась специально принесенная глина сине-зеленого цвета. Ее выходы были отмечены нами на берегах р. Коды в 1 км от места поселения. Как показали археологические шурфы и 8-метровый разрез борта террасы, на месте поселения, в толще террасы, слоев глины нет.

Руду для получения кричного железа, очевидно, также доставляли к месту варки. Не исключено, что источником сырья выступали глыбы долеритов или магнетитов, которые приносило льдом во время весеннего половодья. На вскрытой части поселения в слое найден только один небольшой кусок руды и нет ее крошек, хотя орудия для ее дробления на поселении отмечены [Мандрыка, Князева, 2011]. Возможно, что руду крошили аккуратно на каких-то подстилках из шкуры или бересты.

Для варки железа использовали высококалорийное топливо – древесный уголь. Отсутствие на поселении и всей территории ансамбля ям, в которых дерево могло выжигаться на уголь, может указывать на то, что уголь, возможно, собирали после лесных пожаров. Обугленные стволы деревьев и корневища могли выступать хорошим и доступным источником топлива для железоплавильных печей.

Вместе с металлургией на поселении шла другая хозяйственная деятельность, в частности, выделка шкур с помощью скребков с железным вставным лезвием из каменных плиток или сколов. На комплексное веде-

ние хозяйства указывает состав остеологического материала. В слое встречены колотые кости коровы, лошади, косули, марала, северного оленя, соболя, собаки и рыб⁸.

Незначительная мощность культурного слоя, характер деятельности его обитателей указывают на сезонный (летний) характер посещения места,

---

⁸ Остеологические определения проведены к.б.н. Н. Д. Оводовым, за что авторы выражают ему огромную признательность.

причем на короткое время и носителями одной культурной традиции. Для нее характерны железоплавильные горны углубленного типа с наземной надстройкой и глиняными стенками, тонковаликовая керамика ковинского стиля, железные ножи с петельчатым окончанием рукояти, керамические трубчатые изделия и др.

Датировка поселения (судя по аналогиям представленному материалу) может лежать в пределах второй половины I тыс. н. э.

Список литературы

Гладилин, А. В. Металлургия Среднеангарья / А. В. Гладилин // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167-180.

Мандрыка, П. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера-I: функционально-трасологический анализ / П. В. Мандрыка, Е. В. Князева // Вестник НГУ. – Сер. История, филология. – Т. 10. – Вып. 3. – Археология и этнография. – 2011. – С. 155-162.

Мандрыка, П. В. Материалы средневекового селища у Проспихинской Шиверы в Нижнем Приангарье (предварительное сообщение) / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. – С. 279-284.

Мандрыка, П. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 432-436.

Окладников, А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом / А. П. Окладников // КСИИМК. – 1953. – Вып. 51. – С. 16-22.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-I

В ходе проведения раскопок на поселении Проспихинская Шивера-I была получена многочисленная коллекция предметов, в состав которой входят в том числе и железные изделия. Их количество невелико, но они достаточно представительны. Среди них выделяются орудия труда и металлический лом.

Орудия труда. Лезвие скребка выполнено на пластине вытянутой трапециевидной формы с расширяющимся, загнутым на 90 гр заточенным выпуклым рабочим краем (рис. 1 - 5). Размеры орудия 6,5x2,0x0,2 см.

Ножи по соотношению оси клинка и оси насада относятся к двум группам.

Группа 1. Нож с выпуклой спинкой, черешковый, с ярко выраженным лезвийным уступом, с односторонней (левосторонней) заточкой лезвия (рис. 1 - 4). Общая длина ножа 14,0 см, клинка – 10 см; ширина 1,8 см; толщина 0,3 см.

Группа 2. Ножи (3 экз.) с прямой спинкой, плавным лезвийным уступом и петельчатым окончанием рукояти; кончик петли тонкий, слегка подогнут. Ножи с односторонней заточкой лезвия различаются по форме петли: окончание рукояти одного ножа оформлено в виде «арки» на прямом основании. Размеры: общая длина 16,0 см; рукояти – 7,5 см; ширина клинка 1,7 см; толщина 0,2 см (рис. 1 - 2); рукоять второго ножа оканчивается округлой петлей. Размеры: общая длина 18,5 см; клинка – 9,2 см; ши-

рина – 2,4 см; толщина 0,3 см (рис. 1 - 7); окончание сужающейся рукояти третьего ножа загнуто в асимметричную петлю каплевидной формы, общая длина этого ножа 17,7 см; ширина клинка 1,7 см, толщина 0,2 см (рис. 1 - 3). Орудие с заостренным стержнем – пробойник(?) или шило(?). Изначально изделие представляло собой нож со слегка выпуклой спинкой, лезвийным уступом и петельчатым окончанием рукояти (рис. 1 - 1). Затем лезвие было свернуто в стержень, расковано и заострено. Длина получившегося орудия 19,5 см; ширина 1,9 см; толщина 0,2 см. Форма данного изделия и наличие ошлаковки на конце острия позволяют предположить, что оно выступало в качестве орудия ударно-проникающего действия; возможно, использовалось в металлургии.

В категорию орудий входит и обломок лезвия железного тесла. Размеры обломка 2,4x4,7x0,5 см (рис. 1 - 6).

Металлический лом. Железные пластины (5 экз.) могут быть отнесены к отходам кузнечного производства. Одна пластина размерами 11,0x0,4x0,2 см вырублена из листа металла. Две пластины вытянутой формы размерами 3,9x0,6x0,1 см и 7,0x0,7x0,1 см раскованы из тонкого листа. Еще на двух обломках (размерами 1,9x2,1x0,1 см и 2,5x3,0x0,1 см) листового железа неправильной формы фиксируются пробитые округлые отверстия.

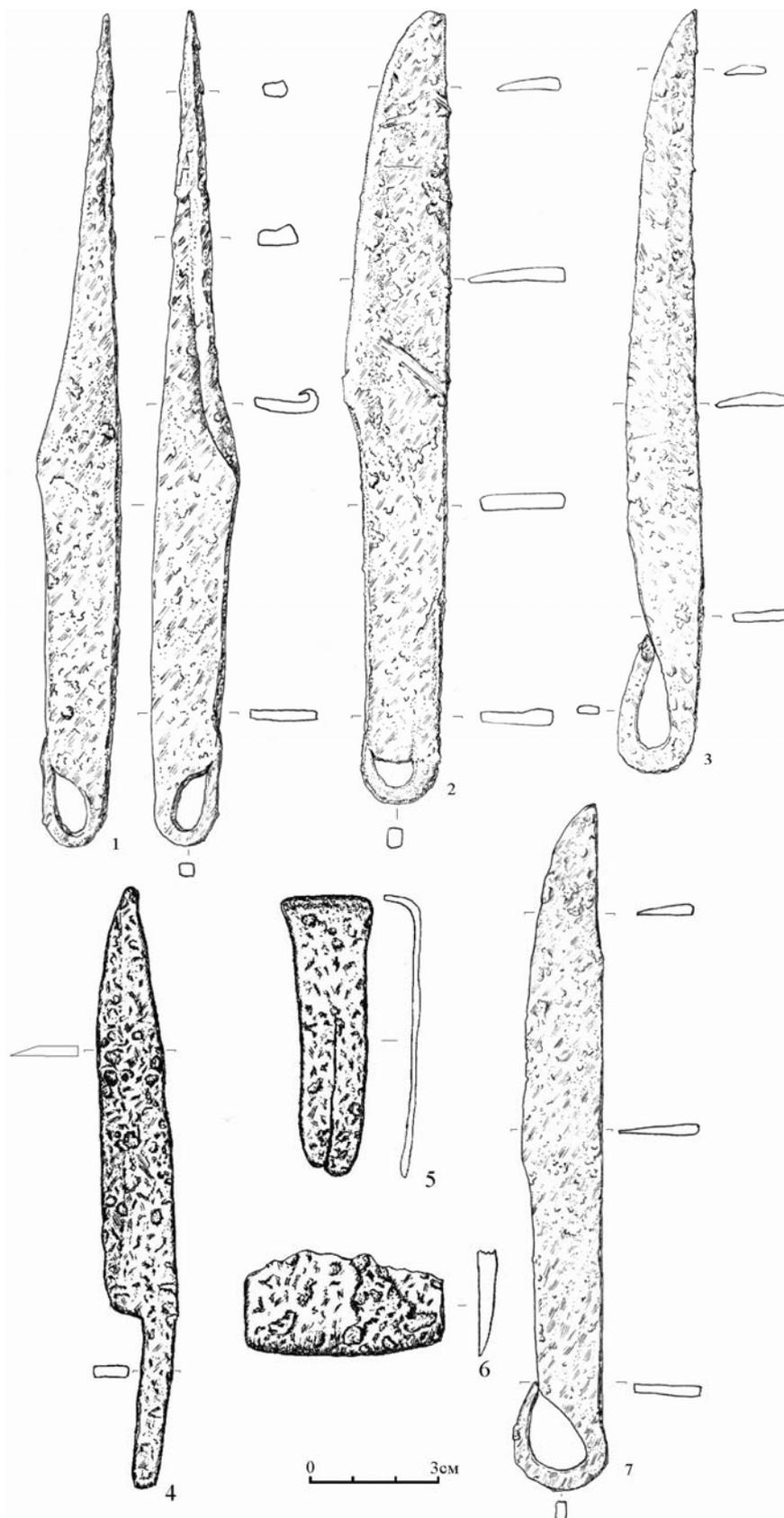

Рис. 1. Железные орудия поселения Простихинская Шивера-I:
1-3, 4, 7 – ножи; 5 – скребок; 6 – лезвие тесла

Найден железный брусок (прямоугольный в сечении), один конец которого закруглен, второй – обрублен, возможно, зубилом. Предмет может выступать кузнечной заготовкой. Размеры бруска 4,3x1,3x0,6 см. Обозначенные железные изделия были оставлены в процессе различных занятий обитателями средневекового поселения на берегах р. Ангары. Среди них есть орудия, которые могли использоваться как в повседневной жизни (ножи), так и в скорняжном деле (скребок), а также предметы, свидетельствующие о такой специализированной деятельности, как обработка черного металла. Занятие металлургией на поселении подтверждается наличием железоплавильных горнов и присутствием каменных орудий, использовавшихся в кузнечном деле [Князева, 2011].

Анализ металлических изделий, найденных на поселении, позволяет нам осветить некоторые вопросы хронологии отдельных категорий предметов, распространенных на территории Приангарья. В целом, что касается железных изделий с поселения Проспихинская Шивера-I, то они находят широкий круг аналогий как в материалах Северного Приангарья, так и на более обширных территориях, включающих в себя бассейн Среднего Енисея, таежные и лесостепные районы Западной и Южной Сибири.

Лезвия скребков, выполненные на железных пластинах, известны в материалах могильников Проспихинская Шивера-IV (раскопки авторов), Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996] и в погребении в устье р. Коды [Леонтьев, Ермолаев, 1992]. При этом скребки из погребений представляют собой желез-

ные S-образные пластины с двумя противоположно загнутыми и заточенными лезвиями [Леонтьев, Ермолаев, 1992. Рис. 18], чем они отличаются от Г-образного лезвия скребка с Проспихинской Шиверы.

Согласно этнографическим материалам железные пластины лезвий скребка вставлялись перпендикулярно в центральную часть вытянутой деревянной рукояти, которую с двух торцов держал работающий человек. При этом S-образное лезвие могло быть как цельным, так и разделенным на две половинки Г-образной формы. Такие скребки присутствуют в фондах Красноярского краеведческого музея, в коллекциях предметов материальной культуры эвенков и кетов [ККМ № 1514-25; 1584-3 (1); 1584-3 (2); 1572-73 и др.].

Территория, откуда поступили данные находки, очерчивается преимущественно северными районами Красноярского края. Можно сказать, сама форма скребков данного типа оказывается удобной и постепенно приобретает универсальный характер, что подтверждается присутствием подобных изделий в комплексах от Средневековья до этнографического времени.

Ножи, найденные на поселении Проспихинская Шивера-I, разнообразны и находят аналогии в широком территориальном диапазоне. Так, ножи с выгнутой (горбатой) спинкой, прямым лезвием и наклонным черешковым насадом среди сибирских материалов встречаются часто. На территории Приангарья они найдены на Чадобце [Гладилин, 1985. С. 177], а также на могильнике Усть-Кова среди предметов риту-

ального захоронения [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 42].

В Томском Приобье подобные ножи известны среди предметов сопроводительного инвентаря из курганов № 1 и 7 Релкинского могильника (VI-VIII вв.) [Чиндина, 1977. С. 25]. Следует отметить, что эти ножи отличаются от ангарских более широким и массивным черешком, а также наличием дола на клинке. Нож с выгнутой спинкой и плавным лезвийным уступом был найден в культурном слое городища Сопка-1, расположенного в Барабинской лесостепи.

Авторы работ датируют памятник первой половиной I тыс. н. э. [Елагин, Молодин. С. 88]. Аналогичный нож был найден во впускной могиле кургана-6 Пазырыкского могильника: этот погребальный комплекс был отнесен А. А. Гавриловой к материалам одинцовского этапа (IV-V вв.) [Гаврилова, 1965. С. 53]. Подобные ножи А. И. Соловьев относит к поясным ножам, которые бытовали в таежной зоне Западной Сибири в пределах IV-IX вв. (Соловьев, 1987. С. 88). На основании приведенных выше данных можно считать, что ангарские ножи с выгнутой спинкой и лезвийным уступом могут быть датированы второй половиной I тыс. н. э.

Отдельно хотелось бы остановиться на вопросах, связанных с определением хронологии и культурной принадлежности ножей с оформленной рукоятью. Находки подобных ножей с территории Северного Приангарья многочисленны, и их анализу посвящено несколько работ; тем не менее единого мнения среди исследователей по вопросам терминологии, используемой при описании данной категории орудий,

их хронологии и культурной принадлежности до сих пор не выработано.

В настоящее время в литературе встречаются разнообразные термины по определению подобных ножей: их называют и «кольчатыми», и «петельчатыми», и «петельными», и «ножами с кольцевидным навершием». При этом отсутствие разработанной типологии приводит к смешению этих понятий, препятствует разработке относительной хронологии предметов данного типа, затрудняет их анализ.

Так, еще А. В. Гладилин, А. В. Ермолаев и В. П. Леонтьев выделяли среди ангарских ножей тип I, который характеризуется наличием оформленной рукояти: при этом они вычленяли ножи с кольчатой, петлеобразной и крючковой рукоятью [Гладилин, Ермолаев, Леонтьев, 1986. С. 43]. Но датировка для всех приведенных разновидностей ножей приводится общая – в рамках IV-II вв. до н. э. – а затем, по мнению А. В. Гладилина, широкое распространение получают черешковые орудия [Гладилин, 1985. С. 178].

В автореферате диссертации В. П. Леонтьева высказывается иная точка зрения, согласно которой ножи с петельчатым навершием появляются во II-I вв. до н. э. и продолжают бытовать вплоть до VIII-IX вв. н. э. [Леонтьев, 1999. С. 19].

В. И. Привалихиным и С. М. Фокиным приведена обширная сводка ножей с оформленной рукоятью, найденных на территории нижнего течения р. Ангары. Авторы объединяют их в один тип, называя «ножами с кольцевидным навершием», и отрицают возможную датировку в пределах раннего железного века, относя их появление к эпохе Сред-

невековья. При этом они отмечают длительный период бытования подобных ножей, вплоть до XIX века [Привалихин, Фокин, 2009. С. 317].

Как видно из приведенных материалов, единого мнения по поводу терминологии и хронологии ножей данного типа среди ученых нет. В настоящее время происходит смешение терминов, что не позволяет точно понять, о предметах какого типа идет речь в конкретном случае. По всей видимости, следует разработать структурированную типологию ножей с навершиями, что позволит получить четкие критерии хронологической принадлежности отдельных типов ножей.

Это станет возможным только при опоре на материалы погребальных комплексов и однослойных поселений региона. В этом отношении особое значение приобретают материалы с поселения Проспихинская Шивера-I и могильника Проспихинская Шивера-IV.

По нашему мнению, среди ножей с оформленной рукоятью необходимо выделить и характеризовать конкретные виды этих предметов, которые будут иметь различную хронологическую, а возможно и культурную, принадлежность. Сразу следует оговориться, что мы рассматривали только те ножи, которые найдены на указанных выше памятниках, в комплексах, имеющих достаточно четкую хронологическую привязку. Другие разновидности ножей с оформленной рукоятью имеют свои особенности, рассмотрение которых возможно лишь с привлечением соответствующих материалов.

Как уже отмечалось, достаточно спорным является вопрос о времени появле-

ния ножей с петельчатым окончанием рукояти на территории Приангарья. Надо сказать, что в степных и лесостепных районах Забайкалья и Южной Сибири ножи с рукоятью, оформленной на конце петлей, получают распространение в II-I вв. до н. э., где они характеризуют культуру ранних хуннов [Давыдова, 1996. С. 24] и встречаются в памятниках тесинского этапа [Пшеницына, 1975. Рис. 3 – 17-21]. К ножам данной группы примыкает находка из жилища 8 с городища Шилка-2, расположенного в южнотаежной подзоне Среднего Енисея (Мандрыка, 2003а. Рис. 4-2). Ножи этого времени сохраняют многие черты бронзовых ножей тагарской эпохи: у них выпуклая спинка, ширина рукояти практически равна ширине лезвия, нет лезвийного уступа. Однако находки таких железных ножей, которые были бы привязаны к закрытым комплексам и четко датированы гуннским временем, в Приангарье пока неизвестны.

Для датировки ножей с поселения Проспихинская Шивера-I важным фактором является их сходство с предметами из ритуального захоронения с могильника Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996. Рис. 5], датируемого VIII-X вв. Ножи с Усть-Ковы также имеют петельчатое навершие, прямую спинку, широкую рукоять, одностороннюю заточку лезвия. К сожалению, другие аналогичные ножи из Северного Приангарья происходят из памятников с мешаным культурным слоем и не могут быть использованы для уточнения хронологии бытования.

Интересно сравнить ножи с Проспихинской Шиверы-I с ножами данного

типа более позднего времени. В этом отношении эталоном выступают материалы, полученные в результате исследования могильника Проспихинская Шивера-IV, датированного XI-XIV вв. На могильнике ножи были отмечены в 18 погребениях, при этом только 7 экземпляров ножей сохранились удовлетворительно и могут быть использованы для анализа.

Это ножи с прямой спинкой, слабо-выраженным лезвийным уступом, односторонней заточкой лезвия, рукоять ножа равна по длине клинку или чуть длиннее его. В шести случаях на рукояти отмечены поперечные насечки. Также на шести ножах окончание рукояти оформлено кольцевидным навершием, которое изготавливалось путем загибания раскованного кончика рукояти. Данная технология изготовления навершия свойственна и находкам с Проспихинской Шиверы-I, но форма его меняется и становится кольцевидной. Подобные ножи также известны в погребении в устье р. Коды [Леонтьев, Ермолаев, 1992. С. 18], на могильнике Отико [Привалихин, Фокин, 2009. Рис. 7-3], на городище Лесосибирское-1 (Мандрыка, 2003б; Привалихин, Фокин, 2009, Рис. 2 - 17). Все обозначенные памятники датируются в пределах развитого Средневековья и сопоставляются с

материалами могильника Проспихинская Шивера-IV.

Таким образом, мы предлагаем разделить ножи с оформленной рукоятью на два вида: первый – это ножи с петельчатым навершием, второй - ножи с кольцевидным навершием. Для ножей первого вида характерны широкая рукоять и более массивное лезвие. Ножи второго вида отличаются более узкой и длинной рукоятью, узким лезвием, они часто украшены насечками на рукояти. Данное разделение позволит избежать терминологических неточностей при описании орудий, а также может быть использовано для построения хронологических схем развития ножей с оформленной рукоятью.

По имеющимся на сегодня данным ножи первого вида могут быть датированы, в рамках временных пределов I тыс. н. э., а второго - в рамках конца I – начала II тыс. н. э. Мы можем предполагать, что форма ножей с кольцевидным навершием является продолжением развития вида петельчатых ножей.

В целом железные предметы с поселения Проспихинская Шивера-I находят аналогии с материалами Усть-Ковинского могильника, а также с другими памятниками сопредельных территорий, а потому могут быть датированы второй половиной I тыс. н. э.

Список литературы

- Василевский, Р. С. Стоянка и могильник Капонир / Р. С. Василевский, Д. Ю. Березин, В. И. Привалихин // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 32-39.
- Гаврилова, А. А. Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен / А. А. Гаврилова. – М., Л.: Наука, 1965. – 145 с.
- Гладилин, А. В. Металлургия Среднеангарья / А. В. Гладилин // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167-180.

Гладилин, А. В. Природно-климатические условия эпохи железного века Северного Приангарья / А. В. Гладилин, А. В. Ермолаев, В. П. Леонтьев // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 39-54.

Давыдова, А. В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник / А. В. Давыдова. – Т. 2. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 176 с.

Елагин, В. С. Бараба в начале I тыс. н.э. / В. С. Елагин, В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Князева, Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований / Е. В. Князева. – Вестник НГУ, Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 5. – С. 108-116.

Леонтьев, В. П. Железный век Северного Приангарья. Автореф. дис. канд. ист. наук / В. П. Леонтьев. – Новосибирск, 1999. – 25 с.

Леонтьев, В. П. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 39-46.

Леонтьев, В. П. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода / В. П. Леонтьев, А. В. Ермолаев // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Красноярский университет, 1992. – Т. 2. – С. 16-19.

Мандрыка, П. В. Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги Среднего Енисея / П. В. Мандрыка // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003а. – С. 32-52.

Мандрыка, П. В. Средневековое городище в Енисейской тайге / П. В. Мандрыка // Вестник НГУ. – Сер.: История, филология. – Т. 2. – Вып. 3: Археология и этнография – Новосибирск: Новосибирский университет, 2003б. – С. 89-91.

Мандрыка, П. В. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары / П. В. Мандрыка, С. М. Фокин // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее // Материалы Региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92-98.

Мандрыка, П. В. Могильник Усть-Шилка-II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья / П. В. Мандрыка // Вестник НГУ. – Новосибирск: НГУ, 2008. – Сер. История, филология. – Т. 7. – Вып. 3. Археология и этнография. – С. 117-131.

Привалихин, В. И. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии / В. И. Привалихин, С. М. Фокин // Енисейская провинция: Альманах. – Вып. 4. – Красноярск: ККМ, 2009. – С. 311-326.

Пшеницына, М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа / М. Н. Пшеницына // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 150-162.

Соловьев, А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья / А. И. Соловьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Чиндина, Л. А. Могильник Релка на Средней Оби / Л. А. Чиндина. – Томск: Изд. Том. ун-та, 1977. – 195 с.

КЕРАМИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-I

На поселении в первом слое было найдено более 3 тыс. черепков «валиковой» керамики, позволивших их отнести на основании фрагментов венчиков к 61 сосуду. Диагностика керамики проведена для 44 сосудов, от которых сохранились наиболее крупные фрагменты. Полностью восстановленных сосудов нет, для восьми (по крупным склеенным блокам) можно восстановить верхнюю половину формы. Все сосуды лепные, разнообразных размеров, диаметр по венчику от 8 до 38 см.

Керамика изготовлялась из отощенных грубоструктурных масс. Рецептура включает дресву, иногда шамот. В некоторых образцах отмечается пористая структура излома и стенок, что может указывать на добавление в тесто какой-то органики.

Способ формовки сосудов устанавливается для 10 форм. Они лепились ленточным способом, при этом ширина лент составляла 2-5 см. По толщине стенок преобладают тонкостенные (менее 3 мм) и средние (около 5 мм). Практически у всех форм венчик с внешнего борта утолщен. Для этого с внешнего борта прилеплялся налепной валик (ширина до 1 см) или неширокая (до 2-3 см) лента. Если валика или ленты нет, то толщина стенок плавно увеличивается к венчику (до 5-7 мм). Такое усиление края сосуда, очевидно, связано с технологическими и эксплуатационными

особенностями посуды, а также с задачей повышения прочности.

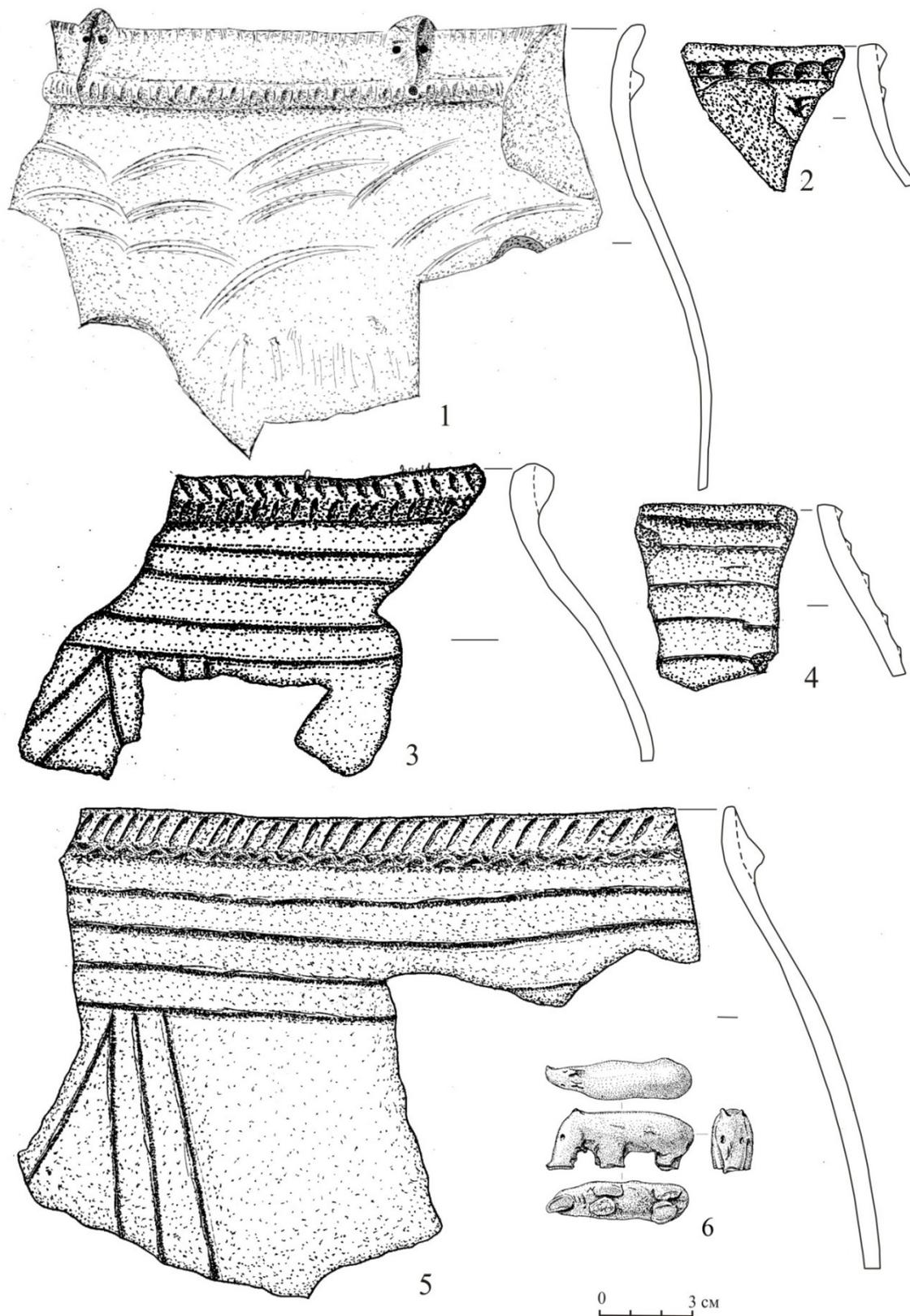
На посуде отмечаются равномерная толщина стенок в горизонтальной плоскости и симметричность изгибов формы. Скорее всего, горшки создавались с использованием примитивной подвижной подставки.

Кроме того, нельзя исключить использование при формовке способа выколотки стенок, на что указывают редкие вмятины на внутренних стенках от подставляемого под точку удара уплощенно-выпуклого предмета (гальки?). Наружная поверхность стенок ровная, часто покрытая обмазочными или жгутиковыми налепными валиками¹, слоем обмазки, или просто замытая. По цвету керамика преимущественно серая, темно-коричневая. Обжиг неравномерный, но черепки прочные.

Все сосуды закрытой формы. Фрагментов плоских и уплощенных днищ нет. Из многочисленных выпуклых частей склеиваются блоки пяти округлых днищ. Также обнаружен один фрагмент кольцевого поддона и одно прямоугольное налепное ушко. Таким образом, можно предположить, что на поселении преобладала круглодонная посуда, но были сосуды и на поддоне. Налепное ушко отломилось от сосуда-дымокура.

---

¹ Разделение налепных валиков проведено по способу их нанесения на сосуд [Мандрыка, 1995].

*Рис. 1. Керамика (1-5) и керамическая скульптурка медведя(?) (6)
из поселения Проспихинская Шивера-1*

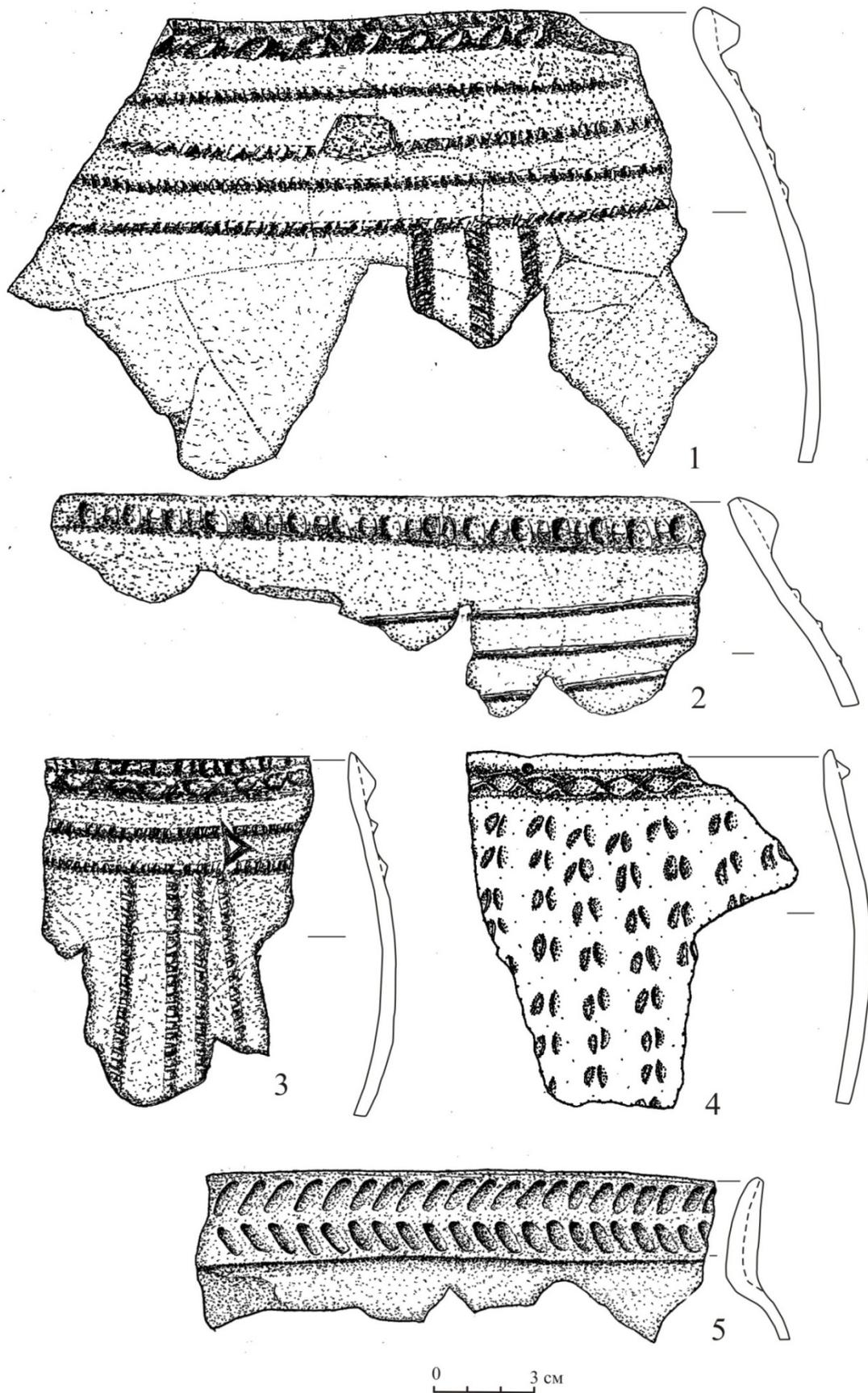

Рис. 2. Керамика (1-5) из поселения Проспихинская Шивера-I

По фрагментам венчиков выделяются 4 варианта форм:

1) сосуды без шейки с прямыми или наклонными плечиками (12 экз.). У таких сосудов венчик в сечении округлый или прямой, утолщенный (рис. 1 – 2, 4; рис. 2 – 3, 4);

2) сосуды с профилированной шейкой, выраженным плечиком и выпуклым туловом (24 экз.). Венчик или шейка утолщены высоким налипным валиком или лентой (рис. 1 – 3, 5; рис. 2 – 1, 2, 5);

3) сосуды с профилированной шейкой, слабовыраженным плечиком и слегка выпуклым туловом (3 экз.). Венчик в сечении чаще округлый или прямой (рис. 1 – 1);

4) сосуды с прямой шейкой и отогнутым плечиком, т. е. раздутым туловом (5 экз.). Характерной особенностью этой формы сосудов является оформление венчика карнизиком.

Все сосуды орнаментированы по венчику и шейке. В тех случаях, когда на формах диагностируются плечики и тулово, они тоже часто покрыты орнаментом.

Большинство узоров строилось полосой (или каймой). Они состояли из повторяющихся элементов. Так, среди орнаментов выделяются 7 элементов: валиковый, ямочный, прямоугольный, овальный, ногтевой (защипной), насечка, линия.

Элементы наносились штамповкой, защипом, наколами и протаскиванием. Некоторые из них были сложными. В валиковом по способу нанесения выделяются обмазочный и жгутиковый, при этом первый оформлялся пальцевыми

защипами, протаскиванием пальцев или ровной палочки, иногда рассекался насечкой, а второй всегда рассекался насечками, пальцевыми защипами или прямоугольным штампом.

На диагностируемых сосудах чаще всего (37 сосудов) отмечены жгутиковые валики, рассеченные пальцевыми защипами или гладкими насечками. Обмазочные валики использовались в орнаментации 28 сосудов, при этом чаще всего валики оставались гладкими (21 сосуд), реже – рассеченными (7 сосудов).

Значительно реже используются другие элементы орнамента: насечки отмечены на 18 сосудах, овальный и прямоугольный – на 10 сосудах, линия – на одном сосуде. Ямки размещались треугольником, и ими изображалась «личина». Насечки, овальный и прямоугольный элемент всегда наносились на венчик и шейку, на высокий налипный валик (или налипную ленту).

Среди элементарных мотивов отмечаются горизонтальный, вертикальный, наклонный и арочный. Они, в свою очередь, создают сложные мотивы: шеврон, «елочку» и личиночный.

Горизонтальный мотив является самым распространенным: он использован в украшении всех анализируемых сосудов. Остальные мотивы используются в сочетании с горизонтальным: на 13 сосудах он сочетается с шевронами, на восьми – с вертикальным, на четырех – с «елочкой». Арочный мотив встречается на двух сосудах. Один горшок орнаментирован с использованием трех мотивов: горизонтального, «елочки» и шеврона.

Наблюдаются некоторые закономерности в расположении орнаментальных мотивов на сосудах. Так, «елочка» размещается на шейке, иногда на грани наклепной ленты. Вертикальный, арочный мотивы и шевроны используются для украшения плечиков, заходя на тулово. Горизонтальный мотив отмечается на шейке и плечиках.

Композиции орнамента богаты и сложны. Простейшие узоры состоят из одного мотива и одного элемента (например, горизонтальный валик или ряд овальных наколов). Таких сосудов немного. Сложные композиции состояли из нескольких мотивов и элементов. (Например, на одном сосуде использовалось 4 элемента и два мотива.) Их сочетание явилось главным признаком, определяющим типологию орнаментов. Корреляционный метод позволяет выделить на посуде несколько групп в орнаментах поселения Проспихинская Шивера-I.

I группа. Тонковаликовый орнамент из: 1) горизонтальных гладких наклепных валиков как жгутиковых, так и обмазочных; 2) горизонтальных жгутиковых и/или обмазочных наклепных валиков, рассеченных пальцевыми защипами, насечками; 3) горизонтального жгутикового наклепного валика, рассеченного пальцевыми защипами и вертикальных обмазочных валиков; 4) обмазочных наклепных валиков, нанесенных параллельно сопряженными арками; 5) двух горизонтальных, рассеченных жгутиковых валиков и обмазочных в мотиве шеврона или наклонных линий (часть шеврона?).

II группа. Орнамент из гладких оттисков и валиков из: 1) двух параллельных

горизонтальных рядов оттисков прямоугольного или овального гладкого штампа в мотиве «елочка»; 2) таких же оттисков с обмазочными валиками, нанесенными шевроном; 3) таких же оттисков с обмазочными валиками, нанесенными горизонтально и шевроном; 4) таких же оттисков со жгутиковыми рассеченными валиками, нанесенными горизонтально и вертикально; 5) ряда оттисков гладкого штампа с горизонтальными обмазочными валиками; 6) ряда оттисков гладкого штампа с горизонтальным жгутиковым рассеченным валиком и обмазочными валиками, идущими «накладывающимися» арками.

III группа. Орнамент с овальными наколами из: 1) овальных наколов, выполненных самостоятельно; 2) овальных наколов с горизонтальными прочерченными линиями; 3) овальных наколов с горизонтальным рассеченным жгутиковым валиком; 4) овальных наколов с горизонтальными рассеченными жгутиковыми валиками и наклонными обмазочными валиками.

IV группа. Орнамент из оттисков пальцевых защипов из: 1) пальцевых защипов, идущих горизонтально; 2) пальцевых защипов, нанесенных горизонтально и вертикально.

Сопоставление орнаментов и форм венчиков показало их относительную зависимость (рис. 3). Орнаменты I группы характерны для десяти сосудов первого варианта и четырех сосудов второго варианта. Орнаменты II группы – на одном сосуде первого варианта и 17 сосудах второго варианта. Орнаменты III группы – на всех трех горшках третьего варианта и двух сосудах второ-

го варианта. Орнаменты IV группы – на всех пяти горшках четвертого варианта, на одном сосуде первого варианта и одном сосуде второго варианта.

Фактически налицо присутствие условно выделенных групп орнаментов на всех вариантах форм венчиков сосудов. Разные группы орнамента как бы дополняют или заменяют друг друга на различных формах сосудов.

Например, ряды оттисков пальцевых защипов могут заменить наклепной ва-

лик, который формовался руками. Овальные наколы и насечки (оттиск подушечки пальца или ногтя?) по венчику, которые как будто имитировали расщепленный валик. Карнизик по венчику также как бы заменял наклепной валик под краем сосуда. Такое сочетание орнаментов и форм делает глиняную посуду поселения Проспихинская Шивера-I вариативной в рамках одного керамического стиля (или керамической традиции).

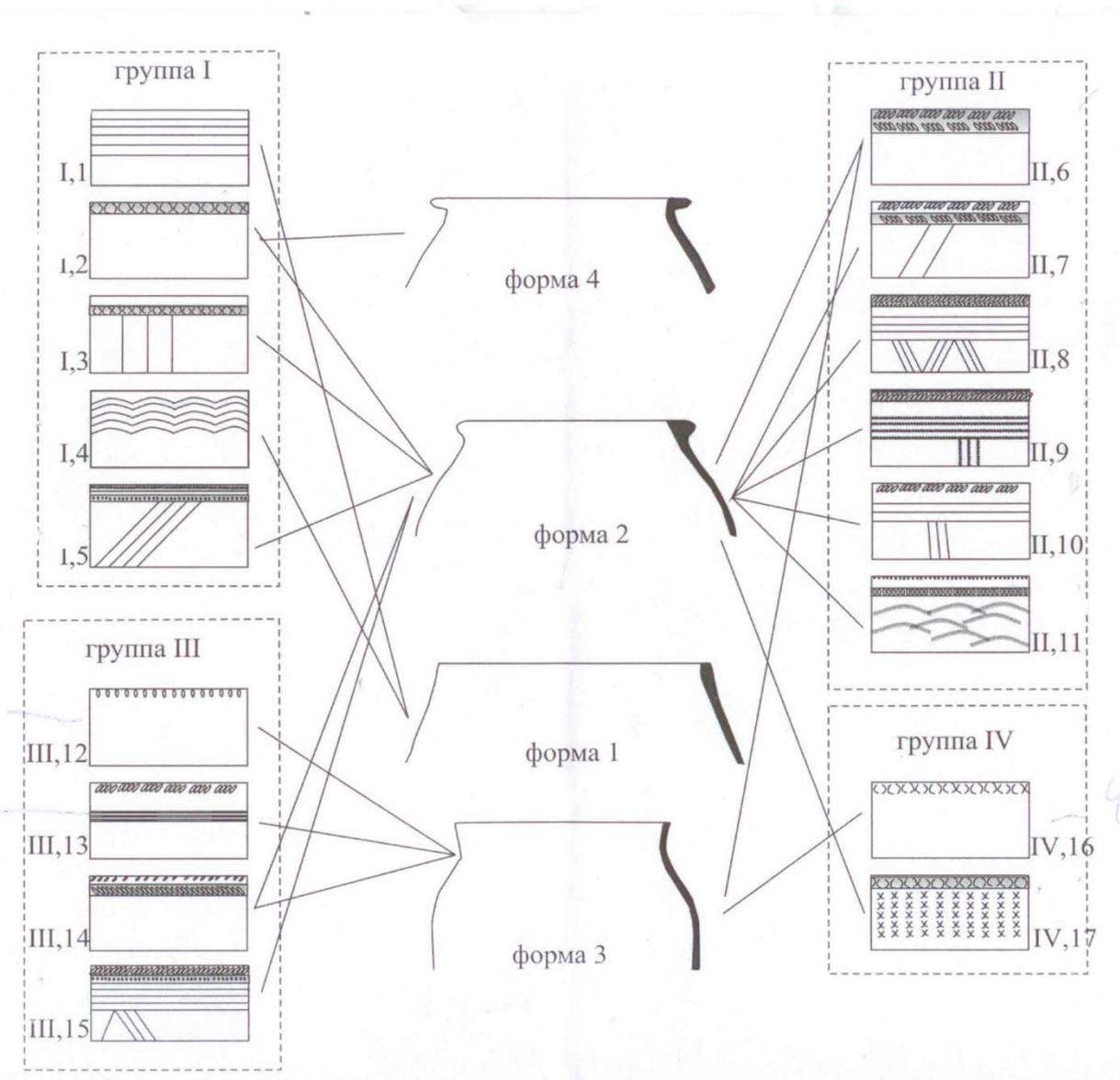

Рис. 3. Соотношение форм сосудов и орнаментов керамики поселения Проспихинская Шивера-I

Кроме статичных узоров на керамике поселения есть индивидуальные дополнения к орнаменту. Так, на пяти сосудах под венчиком нанесены антропоморфные личины. Одно изображение состояло из вертикального жгутикового валика и трех ямок (рис. 1 – *а*). Такое сочетание воспринимается как изображение носа, глаз и рта личины. В 4-х случаях личины изображены более схематично: тремя ямками, расположенными треугольником.

К венчику какого-то сосуда крепилось и скульптурное глиняное изображение животного (медведя?) (рис. 1 – *б*). Голова зверя вытянутая, овальная, опущена вниз. Глаза показаны двумя неглубокими ямками. Уши стоят торчком, выделяются небольшими плоскими выступами. Пасть не показана. Туловище вытянутой формы, округлое в сечении. Конечности вылеплены парой передних и задних лап. Лапы и морда оканчиваются в одной плоскости и по дугообразной линии (на них отпечатался узкий край сосуда). Изображение было сделано из глины с примесью дресвы, т. е. такой же формовочной массы, как и сосуды поселения. Размеры скульптурки – 1,9x4,8x1,3 см.

Керамика представленной традиции отмечена на многих памятниках Нижней и Средней Ангары (например, на поселениях со смешанным культурным слоем Стрелковское-I [Мандрыка, Фокин, 2003. С. 93], Бадарма-I [Бурилов, 1980. С. 79], Пашина, Толстый Мыс, Чадобец [Леонтьев, 1999. С. 13], Проспихинская Шивера-IV [Мандрыка и др., 2011]. Встречена подобная керамика и на Подкаменной Тунгуске – в пункте 2 стоянки Байкит [Андреев, 1966]. Известна она и на Енисее, напри-

мер, на стоянке в устье Подкаменной Тунгуски [Николаев, 1963. С. 129], на поселении Бобровка [Археология..., 2003. С. 117], Айканка [Мандрыка, 1997], могильниках Боровое и СТИ [Мандрыка, Макаров, 1994] и других [Фокин, 2008].

Наиболее близка проспихинскошиверской керамике посуда, которая была найдена на стоянке и могильнике Усть-Кова в Северном Приангарье. В поселенческом(?) слое памятника, который дислоцирован под дерном, отмечена представительная коллекция керамики, включающая фрагменты венчиков и небольшие реставрированные сосуды [Дроздов и др., 1977; Дроздов и др., 1978; Дроздов, Лаухин, 1979; Леонтьев, 1987; Леонтьев и др., 2000; Леонтьев, Дроздов, 2003]. Большинство сосудов были круглодонными, диаметр венчиков – от 5 см до 26 см, высотой – от 7,5 до 28 см. Зафиксирован в слое и кубковидный сосуд на коническом поддоне [Леонтьев, Вдовин, 2010. С. 535]. По форме венчиков выделяются две группы сосудов. Одни сосуды – с отогнутым венчиком, утолщенным остросереберными валиками (или неширокой лентой) с ногтевыми вдавлениями, другие – с профилированной шейкой и венчиком, украшенным косыми насечками. Кроме налепных валиков среди орнаментов устьковинских сосудов отмечены ногтевые вдавления, оттиски плоской лопатки, округлые вдавления, прочерченные плоской палочкой линии. Среди мотивов отмечается горизонтальный, «елочка», зигзаг. В большинстве случаев на тулове сосудов орнамент размещается несколькими параллельными зонами.

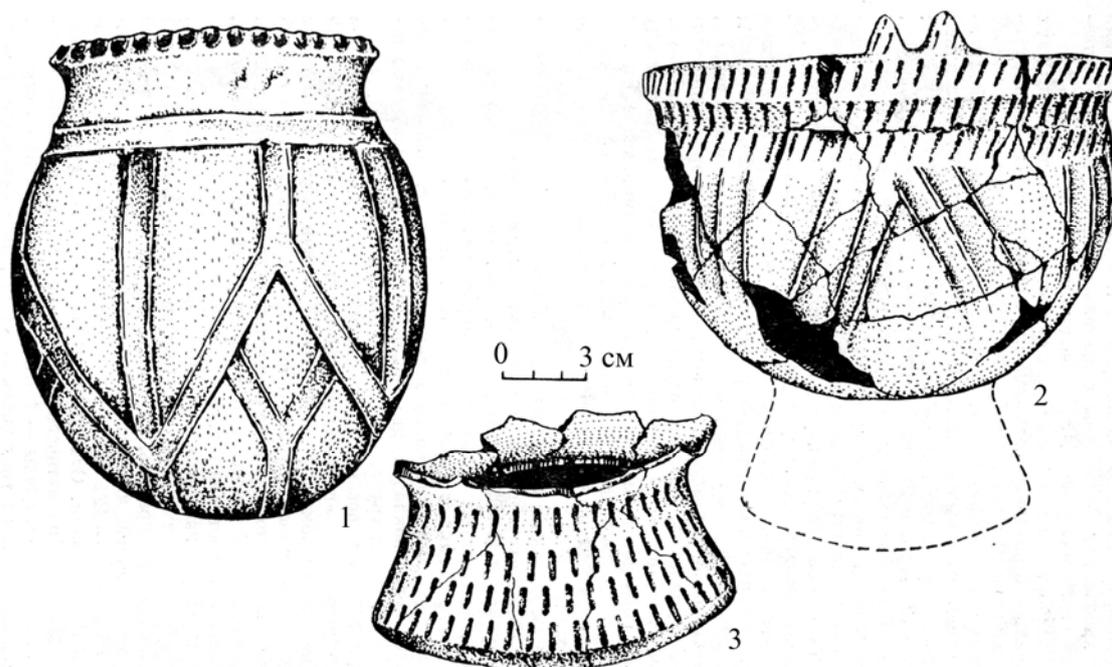

Рис. 4. Керамика из могильника Усть-Кова [по В. П. Леонтьеву, 1990]:

1 – сосуд из второго погребения, изученного в 1982 г.;
2, 3 – сосуд и поддон из первого ритуального захоронения

Такая же керамика характеризует и Усть-Ковинский могильник, где она залегает в ямах погребений и кладов. Во втором погребении², вскрытом в 1982 г., в могиле были захоронены череп и четыре трубчатые кости человека. Круглодонный горшок размещался возле черепа³. Сосуд с профилированной шейкой и выраженным плечиком орнаментирован по венчику мелкими овальными вдавлениями. Плечики и тулово украшены тонкими парными параллельными налепными валиками, строящимися в сложный линейный ломаный узор (рис. 4 – 1). Вместе с сосудом в захоронении найдены: два железных втульчатых тесла; железный черешко-

вый нож с утолщенным, слегка изогнутым обушком, плавно переходящим в насад; нагрудное украшение из 32 бронзовых сферических бусинок, нашитых в два ряда на кожаную полосу; костяная ложка со стилизованным изображением головы животного (лось?) на рукоятке и две обработанные костяные пластинки [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 39-45].

В первом погребении (раскопки 1987-1988 гг.), в линзе жженных человеческих костей (вместе с железным теслом, двумя иглами и двумя язычковыми пряжками), были найдены фрагменты еще одного сосуда. Его венчик «...утолщен треугольным налепом, орнаментированным четырьмя поясами вертикальных оттисков плоского штампа» [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 41]. Сосуд имел слабопрофилированный венчик, тулово было украшено тонкими налепными валиками.

² Здесь и далее нумерация Усть-Ковинских погребений приводится по публикациям авторов раскопок.

³ В первой публикации материалов этого погребения сосуд не упоминается [Леонтьев, 1986].

Фрагменты керамики от третьего сосуда из могильника отмечены в линзе жженных костей второго погребения (раскопки 1987-1988 гг.) вместе с железными бусинами-пронизками, пряжкой трапециевидной формы и бронзовой каплевидной подвеской. Сосуд орнаментирован тонкими налепными валиками [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 41].

Из могильника известен и сосуд на поддоне, восстановленный из обломков⁴. Он был найден в одном (первом) ритуальном захоронении (кладе) костяных предметов, включавшем также 12 наконечников стрел, накладку лука(?) с изображением фигуры человека и трех параллельных зигзагообразных линий. Чаша сосуда – круглодонной формы диаметром по венчику 15,5 см и высотой 12 см. Венчик «...утолщен небольшим налепом, орнаментированным тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков прямого плоского штампа. Тулово сосуда украшают три ряда наклонных линий, образованных тонкими примазанными жгутиками. Верхний край венчика в двух местах украшают

⁴ В других публикациях указывается, что вещи были помещены в сосуд [Хроностратиграфия..., 1990, с.159; Леонтьев, Дроздов, Макулов, 2005, с. 129; Леонтьев, Вдовин, 2010, с. 535].

попарно расположенные треугольники, орнаментированные оттисками прямого плоского штампа» (рис. 4 – 2) [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 40].

Поддон от этого сосуда был найден в слое вне погребения. Он кольцевидный, приставлялся и примазывался к круглому дну чаши сосуда, орнаментирован четырьмя рядами вертикальных оттисков плоского штампа. Высота поддона 4 см, диаметр основания 10,5 см, диаметр «посадочного места тулова сосуда на поддон 7,5 см» (рис. 4 – 3) [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 41].

По мнению авторов раскопок, материал погребений и ритуальных захоронений Усть-Ковинского могильника следует отнести к VI-XII вв. н. э. [Леонтьев, Дроздов, 1997; Леонтьев и др., 2005а. С. 129; Леонтьев и др., 2005б. С. 30].

Таким образом, представленная керамика с Усть-Ковы и Проспихинской Шиверы-I имеет четкую культурно-хронологическую локализацию и может выступить эталоном для средневековых памятников Приангарья. Поэтому мы предлагаем назвать стиль этой керамики «усть-ковинским», что позволит вычленять такую посуду из общего пласта валиковой керамики Сибири [Фокин, 2008. С. 213; Мандрыка, 2011].

Список литературы

Андреев, Г. И. Новые археологические памятники по р. Подкаменная Тунгуска / Г. И. Андреев // КСИА. – Вып. 106. – 1966. – С. 106-110.

Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2003. – 222 с.

Бурилов, В. В. Материалы раскопок многослойных памятников Бадарма 1, 3 на Средней Ангаре / В. В. Бурилов // Материалы по археологии Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980.

Дроздов, Н. И. Исследования стоянки Усть-Кова в среднем течении Ангары / Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин. // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 222.

Дроздов, Н. И. Раскопки Усть-Ковинской стоянки / Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин, Н. Х. Сейфулин // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 227.

Дроздов, Н. И. Раскопки Усть-Ковинской стоянки / Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин, Н. Х. Сейфулин // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 227-228.

Леонтьев, В. П. Погребения железного века на стоянке Усть-Кова / В. П. Леонтьев // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Тезисы докладов к региональной конференции 13-15 окт. 1986 года. – Иркутск: Иркутский университет, 1986. – С. 128-129.

Леонтьев, В. П. Краткая характеристика керамики раннего железного века стоянки Усть-Кова / В. П. Леонтьев // Проблемы археологии Евразии. Ч.2. – Кемерово, 1987. – С. 76-78.

Леонтьев, В. П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. / В. П. Леонтьев. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Леонтьев, В. П. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году / В. П. Леонтьев, А. С. Вдовин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Т. XVI. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2010. – С. 534-537.

Леонтьев, В. П. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1996. – № 3. – С. 39-45.

Леонтьев, В. П. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., Ч. I. – С. 408-411.

Леонтьев, В. П. Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – С. 219-221.

Леонтьев, В. П. К истории Северного Приангарья в эпоху средневековья / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005а. – С. 129-131.

Леонтьев, В. П. Новые данные по средневековой истории Северного Приангарья / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов // Археология Южной Сибири. –

Вып. 23. Сб. научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В.Боброва. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005б. – С. 30-31.

Археологические исследования на стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье в 2000 году / Леонтьев В. П. и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г.). – Т.VI. – Новосибирск, 2000. – С. 332-333.

Мандрыка, П. В. Приемы описания керамики валикового типа / П. В. Мандрыка // Методика комплексного исследования культур и народов Западной Сибири. Тез. докладов X Западно-сибирской археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 114-116.

Мандрыка, П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи / П. В. Мандрыка // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТУСУР, 1997. – С. 209-217.

Мандрыка, П. В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея / П. В. Мандрыка // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 10. Вып. 3. – Археология и этнография. – 2011. – С. 118-126.

Мандрыка, П. В. Погребения с трупосожжением в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) / П. В. Мандрыка, Н.П. Макаров // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 68-84.

Мандрыка, П. В. Материалы средневекового селища у Проспихинской шиверы в Нижнем Приангарье (предварительное сообщение) / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова // Окно в неведомый мир: сборник статей к 100-летию со дня рождения А. П. Окладникова. – Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 2008. – С. 279-284.

Мандрыка, П. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 432 – 436

Мандрыка П. В. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары / П. В. Мандрыка, С. М. Фокин // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92-98.

Николаев, Р. В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края / Р. В. Николаев // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края – Красноярск: КККМ, 1963. – С. 127-131.

Мандрыка, П. В. Поселение Стрелковское – 1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары / П. В. Мандрыка, С. М. Фокин // Социогенез Северной

Азии: прошлое, настоящее, будущее: материалы Региональной науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92-98.

Фокин, С. М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири / С. М. Фокин // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 210-214.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)». – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 184 с.

«СКЕЛЕТНЫЙ» СТИЛЬ В ПЕТРОГЛИФАХ СЕВЕРНОЙ АЗИИ (ОБ ИСТОКАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ)

В науке давно закрепилось мнение о сакральной значимости образов петроглифов, выполненных в «скелетном», или, по терминологии в мировой науке, – рентгеновском стиле («RX»). Характерным признаком, маркирующим данную манеру изображения, является поперечное сечение телесного контура зоо- или антропоморфных фигур линиями «ребер». В древнем искусстве Северной Азии изображения в «скелетном» стиле встречаются не только на скалах, но и в металле (рис. 1 – 7), на дереве (рис. 1 – 9), керамике (рис. 1 – 11).

Традиционно принято считать, что «скелетный» стиль в наскальном искусстве Сибири зародился в эпоху позднего неолита и получил свое широкое распространение в эпоху бронзы, в рудиментарном виде сохраняясь в эпоху раннего железного века.

В свое время А. П. Окладников относил к периоду железа изображения лосей в «скелетном» стиле и личины с трехрогим головным убором [Окладников, 1959]. После того как раскопки в Минусинской котловине выявили целый пласт гравировок II тысячелетия до н. э., содержащих такие личины и контурные рисунки быков, заштрихованные в клетку или поперечными полосами, стало ясно, что и «скелетный» стиль и личины были свойственны уже развитому бронзовому веку [Вадецкая, 1965]. Учитывая

это, в книге «Петроглифы Ангары» А. П. Окладников зачислил все изображения лосей «скелетного» стиля в неолитическую группу, а личины отнес к эпохе бронзы [Формозов, 1967. С. 73].

К настоящему времени мнения исследователей вариативны. К точке зрения А. П. Окладникова о неолитическом возрасте изображений животных (лосей) в «скелетном» стиле впоследствии присоединился А. И. Мартынов [Мартынов, 1971. С. 103-118; Окладников, Мартынов, 1972. С. 255].

Подобной датировки придерживается Н. Л. Подольский и Я. А. Шер [Шер, 1980. С. 187-189]. К неолиту отнес подобные изображения животных на могильных плитах Каракола (Горный Алтай) В. Д. Кубарев, полагая, что они переиспользованы для погребений [Кубарев, 1988. С. 171].

К эпохе раннего металла (III тыс. лет до н. э.) отнес данную группу животных Западной Сибири А. А. Формозов [Формозов, 1973. С. 262]. Еще более молодой возраст таким изображениям дает Н. В. Леонтьев [Леонтьев, 1978. С. 102], включив их в круг распространения изобразительных традиций (вместе с антропоморфными личинами), характерных для окуневского искусства.

Изображения лосей, выполненные в «скелетном» стиле, датирует эпохой бронзы С. В. Студзицкая, она считает,

что «начальную стадию такой манеры можно проследить на писаницах Прибайкалья в глазковское время...» [Студзицкая, 1981. С. 42]. По мнению В. И. Молодина, изображения лосей на каракольских погребальных ящиках, как и другие изображения подобного вида в Западной Сибири и сопредельных регионах, датируются периодом развитой бронзы, т. е. двумя первыми третями II тыс. до н. э. [Молодин, 1993. С. 16].

При стилистическом анализе набора доокуневских рисунков авторы известной монографии «Шалаболинские петроглифы» отмечают изображения, выполненные в «скелетном» стиле [Пяткин, Мартынов, 1985. С. 107]: «... стилистическое, сюжетное, репертуарное сопоставление с хорошо датированными наскальными рисунками Сибири позволяет отнести время их создания, по крайней мере, к IV, а может быть, и к V тысячелетиям до н. э.» [Там же. С. 138].

С чем же связано появление данной изобразительной традиции в древнем искусстве Северной Азии? Априорно, опираясь на широко известные образцы наскального творчества, например, австралийцев, многие исследователи полагают, что в такой форме показано внутреннее строение изображаемого объекта.

Опираясь на данные этнографии, поперечные линии тракуются как ребра, обозначая скелет и, соответственно, символическую смерть, что по шаманской практике маркирует переход в другую – ирреальную – ипостась образа.

Так называемый «скелетный», или «рентгеновский», стиль изображений

обозначал «чистоту» образа. «Прозрачность», по представлениям многих народов, подчеркивала «святость» персонажа, его культовую значимость. Соответственно, изображения ребер на переднике шаманского костюма свидетельствовали о символической смерти простого человека и перерождении его в шамана – избранника духов (рис. 1 – 10). Традиция получения подобного нагрудника существовала у индейцев Северной Америки, когда юноша во время инициации обретал новый социальный статус мужчины /воина (рис. 1 – 15). В данном случае нагрудник дополнительно носил функцию оберега, щита, что сближает его по форме и содержанию с изображениями «щитов» на оленных камнях Евразии (рис. 1 – 14).

Необходимо отметить, что вышеприведенные факты – свидетельство культурных традиций сравнительно недавних эпох, что вызывает определенные сомнения в однозначности, собственно, «скелетной» трактовки вопросов генезиса рассматриваемого стиля.

Обратимся к особенностям ранних изображений животных в древнем искусстве Северной Азии:

1) многие изображения промысловых животных наносились охрой или промазывались ей по выбитому контуру;

2) органическим компонентом минерального красителя являлась кровь – «поток жизни»;

3) поперечные линии контура (рис. 1 – 4) нередко помещались не на месте ребер, а в области шеи, часто совмещались с «линией жизни» (изображение сердца и аорты);

Рис. 1. 1– Шалаболинская писаница (по Пяткину, Мартынову, 1985); 2– Шалаболинская писаница (по Заике); 3 – Второй Каменный остров (по Окладникову, 1966); 4 – Томская писаница (по Окладникову, Мартынову, 1972); 5 – Писаница Тепсей (по Заике); 6 – Писаница Сибиктэ (по Кочмару, 1994); 7 – кулайское культовое литьё (по Ковтуну, 1993); 8 – Большая Када (по Окладникову, 1966); 9 – Шигирский идол; 10 – Писаница Укыр; 11–изображение на самусьской керамике; 12 – Писаница Бэс-Юрях (по Кочмару, 1994); 13 – Писаница Манзя (по Заике); 14 – изображение на оленем камне (по Заике); 15 – Американский Конь – вождь индейцев сиу (фотопортрет, 1870-е гг.); 16-18 – писаница Ленкова гора (по Заике)

Возможно, истоки «скелетного» стиля лежат в основе архаичной традиции промазывать красной охрой (а первоначально – кровью) контуры фигур животных с целью их «оживления». Таким образом, по древним представлениям, можно было добиться восполнения поголовья представителей таежной фауны (объектов охоты), возрождения погибших животных, возвращения ушедших стад.

Для более интенсивного «кровообращения» появились дополнительные поперечные каналы, которые могли обеспечить большую «жизнеспособность» образа, его более высокую потенциальную роль во время совершения магических ритуалов, направленных на благополучие первобытного коллектива (рис. 1 – 1, 3).

Не исключено, что одним из поводов могли послужить наблюдения за вертикальными подтеками жертвенной крови или красящего пигмента на отвесных фризах скалы во время обрядовых действий (рис. 1 – 6, 12). Подтеки охры приводят к появлению «каблуков», гипертрофированных фаллосов у антропоморфных фигур, которые нередко заливают их контуры (рис. 1 – 16-18)]. Соединив линии хребта и живота соответствующими желобками, можно было «помочь» движению «потока жизни», направить его в нужное русло. С этой целью у антропоморфных фигур поперечные линии соединяли, как правило, по диагонали (рис. 1 – 8, 13). Развитие подобной практики привело к появлению и широкому распространению изображений животных, густо заполненных «тельняшкой» поперечных линий (рис. 1 – 2, 5).

Примечательно, что в ранних петроглифах Северной Азии (особенно лесной зоны) практически отсутствуют сцены охоты, но получает свое развитие «скелетный» стиль. Диаметрально противоположная ситуация наблюдается в архаичных наскальных рисунках Средней Азии и Кавказа, наскальном искусстве Карелии, онежских петроглифах.

По всей видимости, эта «палка о двух концах» связана с промысловой охотничьей магией, т. е. мы встречаемся с различными формами ее проявления, различными не только по форме выражения, но и по своему содержанию.

Если в первом случае исполнение рисунков и связанных с ними обрядовых действий направлено на возрождение природного окружения, в частности, «поголовья» промысловой фауны, редуцируемого по естественным причинам (мор, миграции) или вследствие антропогенного воздействия (прямое или косвенное истребление человеком), т. е. нацелено на сохранение гармоничного баланса между человеком и природой, дабы не иссякли ее пищевые ресурсы, то во втором случае изобилие промысловых сюжетов в наскальном искусстве иллюстрирует культовую практику магических действий, связанных с обеспечением удачи в охоте, рыболовстве, продуктивного изъятия пищевых ресурсов из природного окружения.

То есть в петроглифах различных регионов представлены два аспекта решения общей задачи достижения жизнеспособности первобытного социума на уровне присваивающего хозяйства: «экологический» и «потребительский».

Архетипичность представлений о цикличности жизни и смерти, универсальность идеи возрождения / воскрешения объектов природы в древнем мировоззрении определили широкое распространение «скелетного» стиля в искусстве Се-

верной Азии. Со временем изначальный смысл ритуальной практики был забыт, но культовая значимость изображений, выполненных в данной манере, сохранялась в течение продолжительного времени, дополняясь новым смыслом.

Список литературы

Вадецкая, Э. Б. О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине / Э. Б. Вадецкая // СА. – 1965. – № 4. – С. 211-219.

Ковтун, И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц / И. В. Ковтун. – Кемерово, 1993. – 99 с.

Кочмар, Н. Н. Писаницы Якутии / Н. Н. Кочмар. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1994. – 262 с.

Кубарев, В. Д. Древние рисунки Каракола / В. Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 171 с.

Леонтьев, Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры / Н. В. Леонтьев // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С. 88-118.

Мартынов, А. И. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб» / А. И. Мартынов // Известия СОАН СССР. Сер. обществ. наук. – 1971. – № 3. – С.103-118.

Молодин, В. И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц / В. И. Молодин // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. – С.4-25.

Окладников, А. П. Шишкинские писаницы / А. П. Окладников. – Иркутск, 1959. – 210 с.

Окладников, А. П. Петроглифы Ангары / А. П. Окладников. – М., Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников, А. П. Сокровища томских писаниц / А. П. Окладников, А. И. Мартынов. – М.: Наука, 1972. – 255 с.

Пяткин, Б. Н. Шалоболинские петроглифы / Б. Н. Пяткин, А. И. Мартынов. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.

Студзицкая, С. В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре / С. В. Студзицкая // Бронзовый век Приангарья. – Иркутск, 1981. – С. 38-42.

Формозов, А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее / А. А. Формозов // СЭ. – 1967. – № 3. – С. 6-82.

Формозов, А. А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968-1972 гг.) / А. А. Формозов // СА. – 1973. – № 3. – С. 257-265.

Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 327 с.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КОНТАКТНОГО МЕТОДА КОПИРОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ)

Контактный метод копирования петроглифов заключается в непосредственном соприкосновении копируемого материала со скальной поверхностью для пересъемки изображений в их реальную величину.

Данный метод фиксации петроглифов исследователями начал применяться не сразу. Несмотря на то, что изучение наскальных изображений на территории Среднего Енисея насчитывает почти трехсотлетнюю историю, контактный метод их съемки стал применяться значительно позже.

Первоначально для получения копий с петроглифов исследователи использовали визуальную графическую фиксацию. Так, копии петроглифов Среднего Енисея выполнялись как художниками, входившими в состав экспедиции, так и самими исследователями. Но срисованные наскальные изображения (в силу как субъективного восприятия изображений, так и художественных особенностей каждого конкретного исследователя) не всегда были точными, часто сильно отличались от оригинала.

Необходимость получения более достоверных копий с изображений на писаницах и курганных камнях требовала разработать такую методику, которая

позволяла бы получить более информативные и достоверные копии рисунков.

Первым из исследователей, предложивших при работе с петроглифами использовать не только срисованные копии, но и копии, выполненные посредством контакта со скальной поверхностью, был Г. И. Спасский. Уже в начале 19 века на страницах печати он поднял вопросы контактного копирования петроглифических комплексов.

Он писал о необходимости выполнения копий в их реальном размере, а также как можно более детального копирования изображений, при котором ни одна черта не потерялась бы, не ускользнула бы от внимания исследователя, отмечая, что такой точности можно добиться с помощью накладывания на изображение пропитанной маслом тонкой бумаги. Также Спасский предлагал смачивать водой скальную поверхность, что позволило бы сделать изображение более явным и лучше проследить все его детали [Спасский, 1825. С. 300].

Следует отметить, что метод копирования, предлагаемый исследователем, остался только в его теоретических разработках и не был применен на практике.

Первые копии петроглифов, выполненные посредством контактного метода, появляются в 40-е годы XIX века.

Доподлинно неизвестно, кто из исследователей первым стал применять данную методику. В археологической науке по данному вопросу существуют две точки зрения: так, Я. А. Шер, используя западные источники, утверждает, что первым, кто для получения копий с петроглифов использовал контактный метод, был финский ученый, лингвист и филолог М. А. Кастрен [Шер, 1980. С. 18].

Свои исследования в Минусинской котловине М. А. Кастрен проводил в 1841 – 1844 годах. В ходе поездки он осмотрел Оглахтинскую писаницу, скопировал и описал писаницы у д. Тесь, Улазы, Майдаши, писаницу Красный камень, особенно обстоятельно изучил комплекс наскальных изображений у села Абакано-Перевоз [Вадецкая, 1973. С. 107].

Для получения копий исследователь использовал самостоятельно выработанный им метод копирования. Он заключался в следующем: сначала черной краской обводился по внутреннему контуру каждый рисунок или знак, а остальная часть плоскости, на которую были нанесены изображения, покрывалась белой краской. После чего на обведенные рисунки накладывалась прозрачная бумага, а в результате непосредственного контакта со скальной поверхностью получалась более детальная, чем при зарисовке, копия [Путешествие М. А. Кастрена, 1860. С. 406].

Но такая техника копирования наскальных изображений, заключающаяся в их подкрашивании, не позволяла получить копию рисунка в его естественном виде; кроме того, она наносила вред плоскости и также зависела от видения

исследователя. В силу указанных причин эта методика не могла быть принята в качестве основы для дальнейших исследований, а, скорее, требовала разработки другого, более точного, способа получения копий.

М. А. Дэвлет в своей монографии не упоминает о методике работы данного исследователя, фиксируя тот факт, что первым, кто стал выполнять копии контактным способом, был иркутский чиновник, член РГО Н. С. Щукин [Дэвлет М. А., 1996. С. 29].

Предложенные Кастреном и Щукиным способы фиксации требовали дальнейшей методической разработки. Принципы контактного копирования наскальных изображений получили развитие во второй половине XIX – начале XX вв.

Исследователем – уроженцем Германии В. В. Радловым – был предложен способ изготовления копий с помощью коленкора (материала на тканевой основе). Использовать его Радлов начал не сразу. Вначале он пробовал разные сорта бумаги: тонкую японскую или тонкую китайскую, три вида непроклеенной и один вид проклеенной писчей бумаги. Но все они после высыхания искажали полученную копию.

Тогда исследователь попробовал использовать слои толстой непроклеенной бумаги, однако они были непригодны для нанесения на нее типографской краски. В результате опытным путем было установлено, что больше всего для получения контактных копий подходит белый коленкор.

Методика получения копий с помощью коленкора заключалась в следую-

шем: перед наложением копировального материала плоскость предварительно очищалась, затем куски коленкора проклеивались с помощью гуммиарабика, который также наносился и на скальную поверхность. После нанесения гумми-арабика на плоскость коленкор накладывался на нее, затем плоскость смачивалась влажной губкой и крепко прибивалась к камню щеткой. К наклеенной основе прикладывался слой двойной протечной бумаги и вновь пробивался: это было необходимо для того, чтобы протечная бумага впитала в себя лишний клей, который при выходе через отверстия материала впитывался в нее. Когда клей переставал выделяться, коленкор равномерно посыпался тальком, который не только позволял укрепить материал, но и способствовал более точной передаче изображения. Затем коленкор вновь прибивался к камню щеткой и на него наносилась краска; после высыхания копия аккуратно отделялась от скальной поверхности, а полученный оттиск изображения должен был еще просохнуть в течение 12 – 24 часов [Радлов, 1892. С. 169-181].

Данный метод позволял получить достоверную копию, однако процесс был длительным, требовал много труда и материальных затрат.

Одним из первых Радлов стал говорить о пагубном воздействии контактной методики копирования петроглифов на скальную поверхность. Он указывал на то, что люди, которые хотят воспользоваться разработанным им методом снятия копий, должны предварительно поупражняться, чтобы приобрести не-

обходимые навыки и впоследствии не причинить вред плоскости с изображениями [Радлов, 1892. С. 180].

В конце 80-х годов XIX века изучением петроглифов Сибири занималась финская экспедиция Гельсингфорского университета под руководством проф. И. Р. Аспелина. Ее участниками разрабатывался и совершенствовался контактный метод съемки наскальных рисунков.

Для получения копий Аспелиным было предложено использовать картон, специально смачиваемый водой перед наложением на камень. Была выполнена большая серия копий наскальных изображений с писаниц Южной Сибири. Результаты работ финских исследователей (путевые дневники и иллюстрации наскальных изображений) были опубликованы позднее, в 1931 году, участником экспедиции Х. Аппельгреном-Кивало [Appelgeren-Kivalo, 1931] и в 1933 году – Таллгеном [Tallgren, 1933].

Приоритет в разработке контактного копирования наскальных изображений принадлежит А. В. Адрианову. Следует отметить, что в начале своей научной деятельности Адрианов не был знаком с контактными методиками копирования петроглифов: фиксация проводилась им посредством зарисовки изображений. Вероятнее всего, А. В. Адрианов не обладал способностями к рисованию: его прорисовки неточны и сильно отличаются от оригинала [Дэвлет, 1996. С. 130. Рис. 25-37].

Возможно, недостаток художественных способностей и был одной из причин, побудивших исследователя заняться поиском способов, которые позволи-

ли бы получить наиболее точные копии наскальных изображений.

Вначале Адрианов обратился к методике, предложенной В. В. Радловым, изменив в ней только копировальный материал, и вместо коленкора для копировальной основы применил миткаль (тонкую хлопчатобумажную ткань, по своим свойствам близкую к коленкору). Но, как и Радлов, он был вынужден отказаться от такого способа получения копий (из-за больших материальных и трудовых затрат) [Адрианов, 1948. Л.5].

В 1902 году археологическая комиссия поручила Адрианову заняться исследованием наскальных изображений Среднего Енисея. Для получения более точных копий наскальных рисунков она (в лице председателя А. А. Бобринского) посоветовала использовать контактную методику при пересъемке наскальных изображений. Фиксацию петроглифов предписывалось проводить посредством наложения шведской бумаги на смоченную водой поверхность изображения, проколачивая его тугим щеткой. Просохший эстампаж рекомендовалось укреплять лаком, который наносился на бумагу широкой мягкой кистью [Бобринский, 1902. Л. 9].

В ходе проведенных работ исследователем были эстампированы многие писаницы на Среднем Енисее. Позднее эстампажная методика была развита и усовершенствована им. Копии, выполненные А. В. Адриановым, и в наши дни представляют большую ценность: благодаря им мы можем проследить как навсегда утраченные изображения, так и открытые сейчас, на современном этапе, в результате разбора осыпи или расчи-

стки скальной поверхности ото мха или лишайников. Следует отметить, что копии наскальных изображений А. В. Адрианова практически ничем не уступают современным микалентным экземплярам [Сазонова, 2011. С. 36].

В 1913 году сотрудник Красноярского краеведческого музея А. П. Ермолаев занимался исследованием рисунков и надписей с курганов в окрестностях оз. Шира: большая часть копий была зарисована, и только небольшое количество рисунков было эстампировано с использованием фильтровальной бумаги [Ермолаев, 1913].

Позже, в 1928 – 1929 гг., С. В. Киселевым были выполнены фото- и эстампажные копии петроглифов на скалах Шалаболино, Майдаши и Большой Бычихи на реке Сыда [Киселев, 1930. С. 96].

После работ С. В. Киселева эстампажная методика копирования на Среднем Енисее долгое время не использовалась. В это время, в период 30–60-х гг. XX века, одним из направлений в области петроглифоведения становятся работы, посвященные введению в научный оборот информации о наскальных изображениях Южной Сибири.

Многие исследователи используют копии и материалы, полученные их предшественниками при работе на писаницах. Так, М. П. Грязнов в своей статье, посвященной Боярской писанице, привлекает материалы и эстампажные копии, которые выполнены были А. В. Адриановым [Грязнов, 1933. С. 41-45].

К. В. Вяткина проводит обширную работу, публикуя эстампажи Адрианова.

Кроме того, ею же были опубликованы копии петроглифов с писаниц Куня, Шалаболинской и частично Оглахтинской [Вяткина, 1949. С. 417-484; Вяткина 1961. С. 188-237]. По публикациям К. В. Вяткиной многие исследователи в контексте описания, сравнения, воссоздания внешнего облика использовали уже опубликованные копии А. В. Адрианова.

А. П. Окладников в своих работах, посвященных писаницам р. Лены, приводит аналогии наскальных рисунков с территории Среднего Енисея. В своих работах он опирается на копии рисунков, выполненные еще И. Т. Савенковым [Окладников, 1959. С. 89, 94, 126; Окладников, Запорожская, 1959. С. 103].

60-е гг. XX века становятся переломными в исследовании наскальных изображений на территории Среднего Енисея. В этот период в регионе проводятся работы Красноярской экспедиции Ленинградской академии наук, которой руководит М. П. Грязнов. Необходимость проведения экспедиции была вызвана строительством Красноярского водохранилища. Проектом спасательных работ предусматривалась только раскопка курганов и поселений, подпадающих в район затопления, в то время как для работы с петроглифами средства не отпускались. Я. А. Шер, назначенный в 1963 году начальником одного из отрядов, принимает решение заняться (параллельно с раскопками) исследованием памятников наскальной живописи [Шер, 2005. С. 278].

Шер, скорее всего незнакомый с методическими изысканиями предше-

ственников, отмечает тот факт, что к началу его работ по исследованию наскальных изображений не было разработано никаких методических приемов и правил работы с ними. Вначале для контактной основы получения копий он пробовал использовать кальку, однако полученные результаты не отличались достоверностью. Затем участники экспедиции пробовали изготавливать муляжи рисунков из пластика, используемого для стоматологических целей; такие копии были точны, но требовали больших материальных затрат, поэтому от их применения отказались [Смирнов, Шер, 1965. С. 280-282].

Впервые для получения копий с петроглифов Я. А. Шер предлагает использовать полиэтилен в качестве копировальной основы. Он указывает на то, что полиэтилен, благодаря своей прозрачности, оказался более пригодным для копирования материалом, чем калька [Шер, 1980. С. 68]. Однако при этом копии, выполненные с использованием полиэтилена, были менее информативны, чем копии, полученные посредством эстампажа.

При проведении аварийно-спасательных работ, предпринятых Красноярской экспедицией Ленинградской академии наук, были раскопаны многие памятники археологии. В частности в результате раскопок погребальных комплексов найдены окуневские и таштыкские рисунки.

Реальная возможность более точной датировки наскальных рисунков значительно повысила исследовательский интерес к ним. Это привело к более интен-

сивному копированию известных петроглифических комплексов и поиску новых местонахождений [Вадецкая, 1986. С. 158]. Перспективность изучения наскальных изображений требовала разработки способа, который позволил бы максимально достоверно копировать петроглифы.

Исследователем, предложившим новый, более информативный, способ получения копий с петроглифов, стал абаканский художник В. Ф. Капелько. В качестве копировального материала им была предложена микалентная бумага. Этот метод «реанимировал» эстампажную методику копирования, применяемую еще А. В. Адриановым.

Впервые микалентный метод был применен художником в 1973 году. Он так описывает свойства микалентной бумаги: «...Бумага прекрасно склеивается, прозрачна в употреблении, мягка, эластична, при намачивании становится прозрачной. Ее можно использовать при копировании полихромных рисунков, выполненных охрой, гравировок и выбивок, на ней получается четкий оттиск фактуры камня. Копии на такой бумаге получаются четкие, графические листы можно получить любой силы тона, отпечаток рельефа плоскости камня делает их более выразительными, придает им более сильный художественно-эстетический и научный смысл. Сохраняется как бы часть того микромира, в котором существовал этот рисунок-петроглиф на протяжении тысячелетий» [Капелько, 1986. С. 107].

На современном этапе развития петроглифологии микалентный метод

используется большим числом исследователей наскального искусства. Хотя в последнее время все чаще и чаще говорят о пагубности данного метода для скальной поверхности, так как краска, наносимая на копировальную основу, часто, особенно в неумелых руках, попадает на скальную поверхность, нарушая тем самым ее естественное состояние.

Помимо микалентной основы для получения копий в наше время используются различные основы для получения *контактных* копий, различные сорта бумаги, ORAKAL; также получил распространение метод снятия копий с помощью дантистских слепочных масс, апробированный Е. Г. Дэвлет и Е. Ю. Гирейем при изучении наскальных изображений Пегтымеля [Дэвлет, Миклашевич, Слободзян, 2006. С. 9-13]. На среднем Енисее данный метод был применен при снятии фрагментов с изображений петроглифов Шалаболинской писаницы [Гиря, Дэвлет, 2010. С. 107-118].

Петроглифоведение не стоит на месте, каждый новый полевой сезон несет за собой новые открытия, каждый исследователь по-разному использует подручные и доступные ему материалы для получения как контактных, так и бесконтактных копий петроглифов.

Также и данная работа не претендует на законченность: многие материалы исследований петроглифов на Среднем Енисее до сих пор не опубликованы, и архивы несут в себе массу интересной и новой информации по исследованию наскальных изображений Южной Сибири.

Список литературы

- Адрианов, А. В. Писаницы енисейской губернии / А. В. Адрианов // Архив МАЭСТ-ГУ. – 1948. – Д. 55. Л.5.
- Бобринский, А. А. Письмо А. В. Адрианову от 27 мая 1902 г. / А. А. Бобринский. – Архив ЛОИА АН СССР. – 1902. – Оп. 1. Д. 33.
- Вадецкая, Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин / Э. Б. Вадецкая // Изв. Лаб. Арх. Иссл. – Вып. 6. – Кемерово: КемГПУ, 1973. – С. 91-159.
- Вадецкая, Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л.: Наука, 1986. – 168 с.
- Вяткина, К. В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения / К. В. Вяткина // Сб. МАЭ. – Т. 12. – М.-Л., 1949. – С. 417-484.
- Вяткина, К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины / К. В. Вяткина // Сб. МАЭ. – Т. 20. – М.-Л., 1961. – С. 188-237.
- Гирия, Е. Ю. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем / Е. Ю. Гирия, Е. Г. Дэвлет // Урал. ист. вест. – № 1(26). – Екатеринбург, 2010. – С. 107-118.
- Грязнов, М. П. Боярская писаница / М. П. Грязнов // ПИМК. – № 7-8. – М.: Наука, 1933. – С. 41-45.
- Дэвлет, М. А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII- начало XX вв.) / М. А. Дэвлет. – М., 1996. – 249 с.
- Дэвлет, Е. Г. Исследование петроглифов на реке Пегтымель в 2005 г. / Е. Г. Дэвлет, Е. А. Миклашевич, М. Б. Слободзян // Пегтымельская тетрадь. – М.: САИПИ, 2006. – С. 9-13.
- Ермолаев, А. П. Краткий отчет о результатах экскурсий в окрестности озера Шира, летом 1913 / А. П. Ермолаев. – Архив ККМ. Д/ф. 7886/205.
- Капелько, В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов / В. Ф. Капелько // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 105-111.
- Киселев, С. В. Значение техники и приемов изображения некоторых Енисейских писаниц / Киселев С. В. – Техника обработки камня и металла: тр. секции археологии Ин-та искусствоведения и археологии РАНИОН. – 1930. – С. 91-99.
- Окладников, А. П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья / А. П. Окладников. – Иркутск, 1959. – 210 с.
- Окладников, А. П. Ленские писаницы: Наскальные рисунки у деревни Шишкино / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – М.- Л.: Изд-во АН СССР. Лен. отд-ие, 1959. – 154 с.
- Путешествие М. А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844–1848) // Собрание старых и новых путешествий в 2 ч.. Ч. 2. Магазин земледения и путешествий. Ч. II. Географический сборник. – М., 1860. – 406 с.
- Радлов, В.В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях / В.В. Радлов // ЗВОРАО. – СПб, 1893. – Т. 7. – С. 169-181.

Сазонова, О. М. Развитие А. В. Адриановым методики изучения петроглифов южной Сибири / О. М. Сазонова // Археология, этнография, палеоэкология северной Азии: проблемы, поиск, открытия: материалы 51-й региональной (7-й Всерос.) археолого–этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Красноярск: КГПУ, 2011. – С. 35-37.

Смирнов В. В. Опыт применения полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков / В. В. Смирнов, Я. А. Шер // Сов. археология. – Наука, 1965. – № 3 – С. 280-282.

Спасский, Г. И. Комментарии к рецензии А. Ремюза / Г. И. Спасский // Азиатский вестник. – СПб., 1825. – Кн. IV. – С. 300.

Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 321 с.

Шер, Я. А. Петроглифы долины Енисея до и после затопления / Я. А. Шер // Мир наскального искусства. – М.: Наука, 2005. – С. 277-281.

Appelgeren-Kivalo, H. Alt-Altäische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889 / H. Appelgeren-Kivalo. – Helsingfors, 1931. – S.VIII.

Tallgren, A. M. Inner Asiatic and Sibirian rock Pictures / A. M. Tallgren // ESA. – Helsinki, 1933. – Vol.8.

КАМЕННЫЕ ФИГУРНЫЕ ЖЕЗЛЫ ПРИАНГАРЬЯ

На настоящий момент, несмотря на длительную историю археологического изучения территории Приангарья, фигурных жезлов известно крайне мало. В данной работе используется только 5 достоверно известных находок. А. П. Окладников и иные исследователи упоминают другие подобные изделия, известные с территории Прибайкалья [Окладников, 1950а. С. 8; Васильевский, Окладников, 1979. С. 231; Леонтьев, 1975. С. 65], однако они не снабжены никакой выходной информацией и по публикациям не известны.

Для терминологической адекватности описания формы подобных изделий разграничим понятия *пест* и *жезл*. Пест – короткий тяжелый стержень с округлым основанием для толчения, в то время как жезл – это изделие в виде длинного стержня, сужающегося от основания к навершию, увенчанного каким-либо изображением [Ченченкова, 2004. С. 10]. Для дальнейшего удобства обобщенно будем именовать все предметы жезлами.

По публикациям наиболее известен жезл, найденный в окрестностях города Братска, у с. Большеокинское (рис. 1 – 1). Обстоятельства и контекст находки неизвестны. Предмет найден целым, его навершие составляет 1/6 общей длины, абсолютные размеры в публикации не приведены. Порода камня, использовавшегося для изготовления так же не известна [Окладников, 1950б. С. 283].

Следующий жезл известен по беглому упоминанию о нем в совместной статье Р. С. Васильевского и А. П. Окладникова [Васильевский, Окладников, 1979. С. 231], найден в рамках работ Ангаро-Илимской экспедиции в окрестностях д. Воробьево, в устье р. Эдучанка.

Контекст находки не обозначен и, к сожалению, в публикации представлен без иллюстрации. Нельзя достоверно говорить о его сохранности, однако исходя из описанного размера (длина более 25 см) можно предположить, что это целое изделие. Сырье также неизвестно.

Три жезла были обнаружены в рамках охранно-спасательных работ Богучанской археологической экспедиции: все находки сделаны в 2010 году.

С памятника Взвоз [Герман, 2010. С. 502], относимого автором раскопок к ритуальным комплексам, известен верхний фрагмент жезла, изготовленного из базальта (рис. 1 – 2). Похожий фрагмент представлен в материалах стоянки Проспихинская Шивера-IV (ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино), он изготовлен из песчаника (рис. 1 – 3)¹. Еще одно изделие было обнаружено на стоянке Аплинский порог (рис. 1 – 4) [Заика, 2010. С. 516]. По форме представляет собой пест, который апплицирован из двух

¹ Автор выражает благодарность П. В. Мандрыке за возможность представить данную находку.

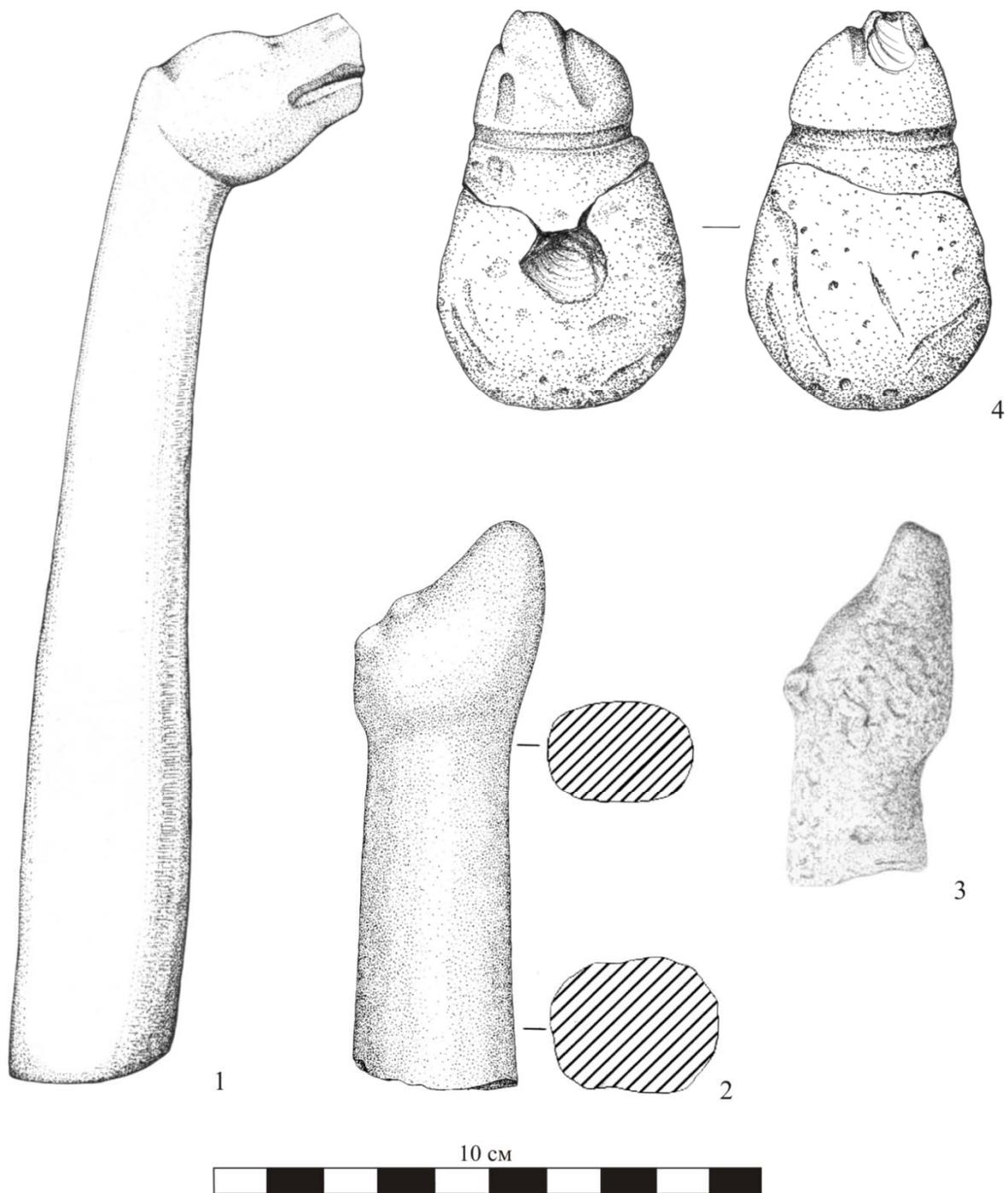

Рис. 1. Фигурные жезлы Приангарья (изображение № 1 представлено без масштаба):
 1 – случайная находка в окрестностях г. Братска (по: [Ченченкова, 2004. С. 186]);
 2 – Взвоз (по: [Герман, Леонтьев, 2010. С. 503]); 3 - Проспихинская Шивера – IV;
 4 – Аплинский порог (по: [Гурулев, 2011. С. 50])

фрагментов (судя по характеру разлома можно говорить о целенаправленном разрушении); длина 12,6 см; ширина у основания 7,8 см; навершие составляет 1/3 общей длины; изготовлен из мелкозернистого песчаника.

Географически жезлы распределены по обширной территории среднего течения р. Ангары. Малое количество находок пока не позволяет говорить о каком-либо выраженном центре концентрации и территориальных особенностях.

Все жезлы объединены сюжетом: на всех навершие украшено скульптурным изображением головы медведя. На данный момент на территории Приангарья не зафиксировано каменных фигурных жезлов с изображением каких-либо других образов. Стилистически же все представленные предметы существенно различаются. На реалистично выполненных жезлах из Братска и Проспихинской Шиверы-IV, где без искажений передана форма медвежьей морды, натурально показаны рельефными выступами уши (на Братском жезле дополнительно широким желобком обозначено разделение межчелюстного пространства), что позволяет распознать образ зверя достаточно легко. На двух оставшихся, однако, это вызывает определенную сложность.

Навершие жезла из Взвоза выполнено очень схематично, образ детализирован только слабо читающимися выступами ушей. Возможно, такой подход к передаче образа был обусловлен сложностью обработки базальта, являющегося достаточно прочным материалом в сравнении с песчаниками. Пест с Ап-

линского порога сильно выделяется как по общей форме изделия, так и по принципам моделировки изображения; кроме того, особенностью является то, что все детали показаны только на одном из профилей изделия. Вопрос о соотношении изображения именно с образом медведя спорен. Однако в сочетании широких проточенных желобков угадываются пасть и глаз животного, а отделенный пропилами выступ показывает мощную верхнюю челюсть с наметанным углублением ноздрей, что позволяет говорить о вертикально ориентированном зооморфном изображении, которое, вероятнее всего, можно соотносить именно с фигурой медведя.

Общей для всех изделий деталью является вертикальная либо приподнятая ориентация морды зверя относительно тела жезла. В остальном же мы не можем констатировать стилистическое единство. Различие деталей, стилистических приемов при реализации образа указывает на отсутствие сложившегося иконографического канона в их исполнении.

Не является решенным вопрос о практическом применении данных предметов. Проведенный Е. В. Князевой трасологический анализ песта с Аплинского порога позволяет говорить о его использовании в толчении / растирании основанием изделия мягкого материала, предположительно растительного происхождения. В описании Братского жезла А. П. Окладников указывает на факт визуального отсутствия следов грубой работы на нижнем его конце [Окладников, 1950б. С. 283], что, конечно, без проведения соответствующе-

го трасологического исследования не конкретизирует его практической функции. По другим находкам также нет данных, на основании которых можно было сделать однозначный вывод, тем более что два жезла представлены только фрагментами.

Выяснение времени бытования представленных предметов, в свою очередь, вызывает определенную сложность. Братский жезл и жезл с д. Воробьево являются случайными находками; соответственно это не позволяет нам датировать их исходя из условий залегания. Культурный слой памятника Проспихинская Шивера-IV, в котором был обнаружен фрагмент жезла, датируется в широком хронологическом диапазоне от неолита до бронзового века. Аналогичная ситуация наблюдается на Аплинском пороге.

Данная проблема, связанная с залеганием разновременных находок в едином ненарушенном слое, характерна для стратиграфии многих расположенных на краю прибрежных террас памятников Приангарья [Бурилов, 1975. С. 86; Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011. С. 128]. Более детально уточнить датировку данных изделий позволяет жезл с Взвоза.

Инвентарный набор памятника образует единый комплекс, связанный с проведением ритуально-обрядовых действий. Хронологическими реперами выступают две фигурки янусовидных каменных рыбок, которые абсолютно уверенно (по нахождению в погребениях) соотносятся с серовским этапом неолита [Окладников, 1950б. С. 244; Студзицкая, 2011. С. 47].

Также авторами раскопок отмечаются аналогии орнаментальных композиций на керамических сосудах с серовской погребальной посудой [Герман, 2010. С. 505].

Учитывая возможность распространения фигурных жезлов в широком хронологическом интервале неолита – бронзового века, на основании жезла со Взвоза можно точно зафиксировать их бытование в финале неолита (серовское время); кроме того, также наиболее вероятно соотнести другие изделия именно с этим хронологическим отрезком.

А. П. Окладниковым при описании фигурных жезлов, в свою очередь, тоже была высказана точка зрения о соотношении их с серовским этапом неолита [Окладников, 1950б, с. 283]; однако, к сожалению, данное положение не было подкреплено какой-либо аргументацией.

Аналогичные приангарским зооморфные фигурные жезлы имеют широкое распространение в лесостепных и степных районах Сибири и севера Центральной Азии (рис. 2) [Ченченкова, 2004. С. 12-15].

Большинством исследователей они соотносятся с окуневской культурой либо без обозначения культурной атрибуции датируются рубежом – первой половиной 2 тыс. до н. э. [Леонтьев, 1975. С. 65; Студзицкая, 1969. С. 61; Хлобыстина, 1971. С. 171; Ченченкова, 2004. С. 320; Кызласов, 1986. С. 288]. На связь с окуневской культурой также указывает ареал распространения фигурных жезлов, в общих границах соотносящийся с ареалом культур окуневского типа [Леонтьев, 1975. С. 66].

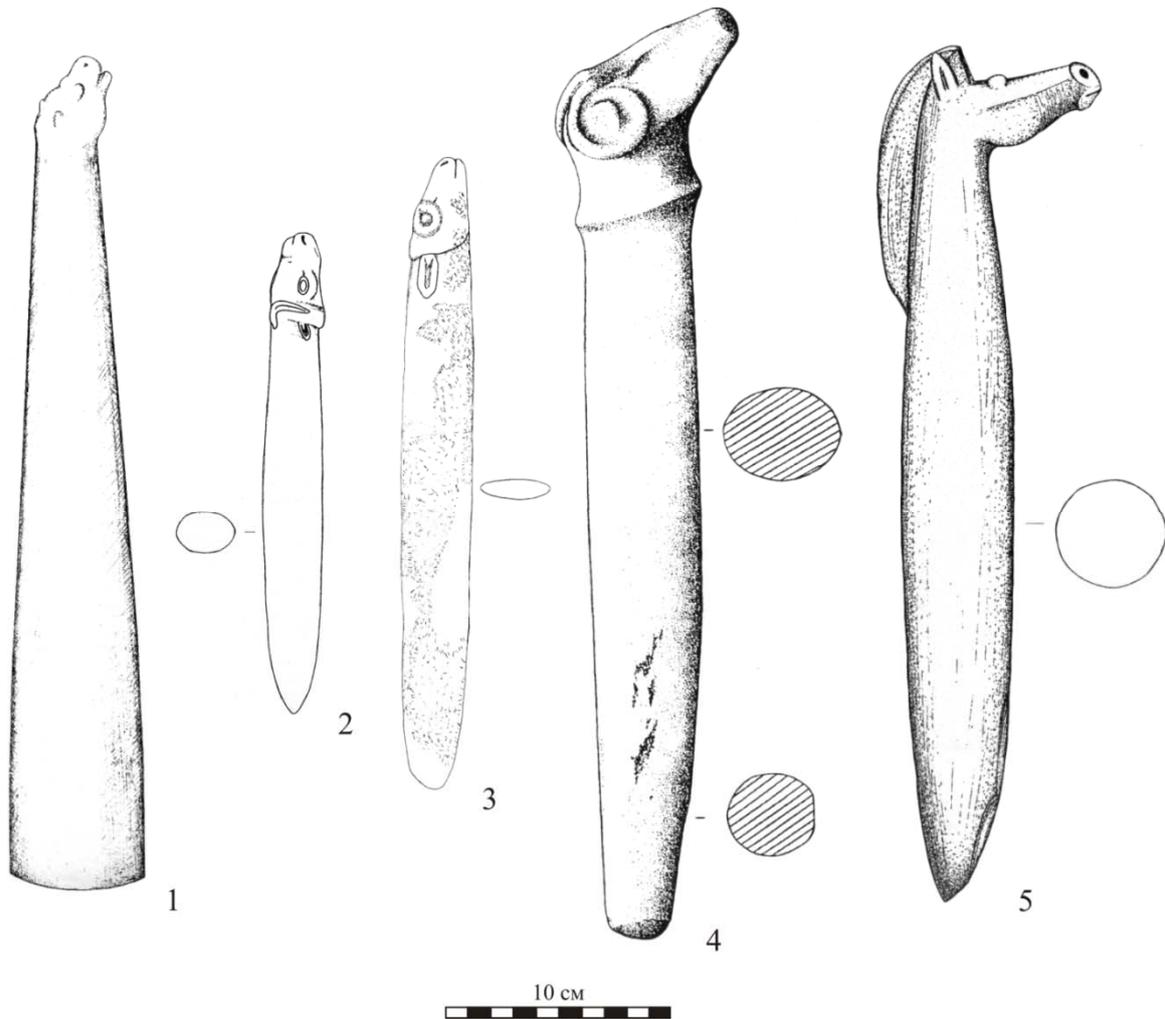

Рис. 2. Фигурные жезлы Евразии:

1 – Алтай, случайная находка на оз. Иткуль (по: [Ченченкова, 2004. С. 184]); 2 – Минусинская котловина, случайная находка около д. Хомутина (по: [Ченченкова, 2004. С. 140]); 3 – Тува, могильник на р. Тарлышкан (по: [Ченченкова, 2004. С. 144]); 4 – Алтай, могильник Шипуново V (по: [Ченченкова, 2004. С. 132]); 5 – Казахстан, случайная находка в Семипалатинской области (по: [Ченченкова, 2004. С. 126])

Отличительным признаком последних является (при оформлении навершия) использование образов типично степных видов животных (бык, баран, конь); при этом единственное вне территории Приангарья изображение медведя на фигурных жезлах известно с оз. Иткуль на Алтае (рис. 2 –1) [Ченченкова, 2004. С. 184]. Кроме того, также они маркированы более реалистичной и де-

тализированной манерой исполнения. Ярко выражен устоявшийся изобразительный канон.

Привлекательной в данном свете выглядит гипотеза о таежном, в частности Приангарском, центре возникновения фигурных зооморфных жезлов эпохи неолита (с культурным обменом либо с прямой миграцией населения в энеолите-ранней бронзе в Южную Сибирь).

Как неоднократно отмечали исследователи, окуневский культурный комплекс сформировался на местном сибирском неолитическом субстрате [Максименков, 1970. С. 79; Соколова, 2007. С. 18], исходя из которого, как можно предполагать, данная идея и легла в основу новой, формирующейся культуры. В дальнейшем мировоззрение и изобразительная культура окуневцев претерпели ряд названных изменений, сохраняя при этом основополагающую форму – жезл с приподнятым либо параллельно ориентированным относительно стержня навершием. Также очень важно анималистическое содержание оформленных наверший. Вероятнее всего, представления, соотносящиеся со звериными образами, связаны с мировоззрением именно таежного населения, а не степ-

няков-скотоводов [Кызласов, 1986. С. 288].

Но на данном этапе стоит рассматривать эту точку зрения только как гипотезу, требующую дополнительной аргументации. В силу малой информативности каждой отдельной находки необходимо накопление источниковой базы, требуется более точное решение вопроса с датировкой приангарских жезлов.

Также нужно проследить возможные пути распространения фигурных жезлов по археологическим материалам долины среднего течения р. Енисей и Канско-Рыбинской лесостепи, по которой протекают левые притоки Ангары, в частности, р. Бирюса и р. Уда, т. е. возможные «коридоры» взаимосвязи населения Приангарья и Южной Сибири.

Список литературы

Бурилов, В. В. К археологии Средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) / В. В. Бурилов // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 80-86.

Васильевский, Р. С. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии / Р. С. Васильевский, А. П. Окладников // Звери в камне: Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 230-238.

Герман, П. В. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин-3 и Взвоз в Северном Приангарье / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 500-505.

Гришин, А. Е. К проблеме выделения культур эпохи Неолита в Северном Приангарье / А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. – СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. – С. 127-129.

Гурулев, Д. А. О результатах работы петроглифического отряда Богучанской археологической экспедиции в 2010 г. / Д. А. Гурулев // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2011. – С. 48-50.

Заика, А. Л. Результаты исследования стоянки Аплинский порог в 2010 году / А. Л. Заика // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2010 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 515-517.

Кызласов, Л.Р. Древнейшая Хакасия / Л.Р. Кызласов. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 296 с.

Леонтьев, Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири / Н. В. Леонтьев // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 63-67.

Максименков, Г. А. О культурах эпохи бронзы южной части Сибири / Г. А. Максименков // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири (тезисы докладов Всесоюз. научной конф.). – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 75-85.

Окладников, А. П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири / А. П. Окладников // Сов. археология. – 1950а. – № 14. – С. 7-19.

Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование / А. П. Окладников // Ч. I и II. МИА. – М.-Л: АН СССР. – 1950б. – № 18. – 412 с.

Соколова, Л. А. Формирование окуневского культурного комплекса: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Соколова. – СПб, 2007. – 23 с.

Студзицкая, С. В. Древнее искусство Прибайкалья (по материалам мелкой пластики эпохи неолита) / С. В. Студзицкая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. VII. – С. 37-50.

Студзицкая, С. В. Образ зверя в мелкой пластике Сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы / С. В. Студзицкая // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии ученого совета ГИМ 5-7 февраля 1969 г. – М., 1969. – С. 39-63.

Хлобыстина, М. Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства / М. Д. Хлобыстина // Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 165-181.

Ченченкова, О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I тыс. до н. э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.

ОРГАНИКА В СОСТАВЕ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ ШЕПИЛЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема исследования органических компонентов в составе древней керамики была сформулирована еще в середине XIX века. В XX веке шел процесс накопления сведений о возможных органических добавках в составах формовочных масс глиняных изделий разных периодов и регионов. Однако главным был и остается вопрос о функциональном назначении вводимых в состав глины органических веществ, а также вопрос об их идентификации.

Систематическое изучение этого вопроса А. А. Бобринским в рамках историко-культурного подхода позволило ему прийти к следующим выводам:

- 1) введение в состав формовочных масс (ФМ) органики не придает изделиям повышенной прочности, а наоборот, по сравнению с керамикой, содержащей только минеральные добавки, делает такие сосуды более хрупкими;
- 2) керамика с органикой обладает меньшей износостойкостью;
- 3) она имеет меньшую теплопроводность;
- 4) после обжига керамика с органикой становится легче;
- 5) добавление органики упрощает конструирование сосудов, т. к. органика выполняет роль своеобразной «связки».

Таким образом, органика скорее ухудшает физические свойства керамических изделий, способствуя лишь уменьшению массы сосудов (что важно при их транспортировке), а также облегчает конструирование сосудов при использовании минеральных добавок в высокой концентрации [Цетлин, 1999. С. 125-126].

А. А. Бобринский и И. Н. Васильева связывают применение органических добавок с происхождением гончарства (протогончарства), когда представления о глине как об основном сырье для керамических изделий не существовало, а основным материалом для конструирования сосудов выступали навозы. (Глина при этом использовалась лишь в качестве пластичной связки.) Со временем использование органики перешло в реликтовую традицию, утратив связь с изготовлением сосудов, для которых в качестве исходного сырья принимался навоз [Бобринский, Васильева, 1998. С. 213-214].

К сожалению, все эти виды исследований органических добавок, характерных для европейской части России, имеют слабое отношение к среднесибирским керамическим материалам.

В настоящее время тема органических примесей в составе древней керамики Сибири остается практически не изученной. За исключением традицион-

ного указания на шерсть в составе неолитической керамики ымыяхтахской культуры (причем не совсем корректное) определение использования органики в гончарных традициях других культур Сибири полностью отсутствует.

Поэтому в рамках историко-культурного подхода нами была сделана попытка рассмотреть особенности использования органических добавок в составе керамики позднего бронзового века шепилевской культуры по материалам керамической коллекции поселения Заостровка-2.

Органика и органические растворы являются наиболее сложными (с точки зрения их идентификации) отощителями. По материалам поселения Заостровка-2 [Титова, 2011. С. 252-254] было установлено, что твердая органика добавлена только в один сосуд из сорока семи, в сосуд закрытой формы, с овальным венчиком и двумя тонкими горизонтальными налипными валиками, которые рассечены парными ногтевыми вдавлениями.

Всего было найдено 17 фрагментов стенок этого сосуда и один фрагмент венчика. Органика в сосуде представляет собой достаточно плотное и вместе с тем пластичное вещество, которое после выгорания оставило пустоты размером до 3х3 мм правильных многоугольных форм, но с округлыми, оплавленными краями, покрытые изнутри матовым бежевым налетом без выраженного блеска. Похожие пустоты могли появиться после выгорания дробленого ореха или косточек ягоды.

Для идентификации этого органического вещества была составлена экспе-

риментальная программа, однако включение в состав эталонных образцов всех вышеперечисленных органических добавок не подтвердило использование данных видов твердой органики.

При добавлении размятого кедрового ореха, например, после обжига образцов наблюдались весьма похожие пустоты, но содержащееся в орехах масло сделало глину с этим видом отощителя абсолютно непригодной для конструирования сосудов: глина с кедровыми орехами стала очень жирной и непластичной, т. к. разные кусочки не сцеплялись между собой. Наиболее близкими по форме и виду пор оказались пустоты, которые остались в эталоне, изготовленном с добавлением в глину осенних экскрементов медведя, в основном состоящих из полупереваренных кедровых орехов. Вполне возможно, что добавление в керамику медвежьих экскрементов имело какое-то тотемическое значение, поскольку ни в одном другом сосуде с поселения не отмечается применение такого отощителя; кроме того, отсутствуют следы бытовой утилизации данного сосуда (т. к. на нем нет нагара), при этом концентрация экскрементов в сосуде была достаточно высокая.

Если твердое органическое вещество использовалось только при изготовлении одного сосуда из коллекции, то практика применения всевозможных органических растворов с включением твердой составляющей была широко распространена. После обжига от органических растворов в составе формовочной массы остаются: характерная слоистость, пористость; белый, бежевый, желтоватый или коричневый

налет; небольшие пустоты с жирным блеском, черная жирная пропитанность; остатки не выгоревшей до конца органики в виде серых и коричневых нитей, скоплений маленьких серых «икринок», рыхлых порошкообразных оранжевых включений и т. д. В некоторых случаях отмечаются рифленые отпечатки какой-то сильно измельченной растительности.

Кроме того, добавление органических растворов можно объяснить их функциональным назначением – необходимостью компенсировать высокое содержание дресвы и шамота (эти виды отошителей использовались в концентрации от 1:5 до 1:2, наиболее распространенная концентрация – 1:3), «сцеплять» формовочную массу.

Но вместе с тем в коллекции представлены и два сосуда без каких-либо неорганических отошителей. В одном случае это фрагмент налипной ленты от сосуда закрытой формы с орнаментом из горизонтального ряда пальцевых защипов и округлым отверстием под венчиком (возможно, от пояса ямок). В составе формовочной массы отмечается только присутствие сметанообразного

густого органического раствора, оставившего незначительные пустоты с матовым налетом и серыми «икринками». Второй сосуд без орнамента, закрытой формы, с налипной лентой и грибовидным в сечении венчиком. В составе фиксируется плотный органический раствор, оставивший пустоты с невыгоревшей органикой – пастообразной, рыхлой, оранжевой; также в нем фиксируются просто пустоты со светлым желтым налетом.

Таким образом, приведенные примеры могут свидетельствовать о не совсем утилитарном назначении органики в составе формовочных масс сосудов шепилевской культуры. С одной стороны, в коллекции присутствует сосуд, содержащий в качестве отошителя осенние экскременты медведя, что может свидетельствовать о сохранении реликтовых пережитков использования навоза в качестве исходного сырья в догончарном производстве. С другой стороны, наличие двух сосудов только с органическим раствором позволяет предположить о возможности перехода органики из ранга вспомогательной добавки в разряд моноотошителя.

Список литературы

Бобринский, А. А. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства / А. А. Бобринский, И. Н. Васильева // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 193-217.

Титова, Ю. А. Специфика составления формовочных масс сосудов шепилевской культуры позднего бронзового века по материалам поселения Заостровка-2 / Ю. А. Титова // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2011. – № 12. – С. 252-256.

Цетлин, Ю. Б. Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике / Ю. Б. Цетлин // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – Гл. II. – С. 110-140.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ХЕДУГИН РУЧЕЙ (результаты работ 2011 г.)

Основная масса археологических памятников на территории Приангарья, содержащая материалы эпохи неолита-бронзы, представлена стоянками со смешанным культурным слоем, «...разделить который на отдельные горизонты невозможно» [Окладников, 1950. С. 53]. В связи с этим для построения региональной периодизации привлекаются материалы погребальных комплексов и многослойных стоянок.

С проведением в последние несколько лет широкомасштабных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС было положено начало выявлению и изучению поселений с выраженными жилищными и хозяйственными конструкциями. В зоне затопления Богучанской ГЭС наиболее крупный поселенческий комплекс, датируемый эпохой неолита – ранней бронзы, выявлен на территории стоянки Хедугин ручей.

Стоянка Хедугин ручей расположена в Кежемском районе Красноярского края, на 648 км от р. Ангара, в 16,4 км восточнее бывшего с. Кежма, на правобережной 9–12-метровой аллювиальной террасе, имеющей юго-западную экспозицию. Терраса сложена песчаными и супесчаными породами. Лесозаготовительных работ и работ по лесочистке будущего ложа водохранилища на данном участке не проводилось в связи с отсутствием удобных подходов с реки.

Благодаря данному факту микрорельеф стоянки не был нарушен работой землеройной техники.

Стоянка открыта А. П. Окладниковым в ходе разведки по среднему и нижнему течению р. Ангара в 1937 году. На участке от Толстого мыса до д. Мозговая был намечен ряд пунктов наибольшей концентрации материала, одним из которых стала местность около Хедугина ручья (лога). Вторично сборы подъемного материала на участке от р. Чирида до устья р. Мозговая и непосредственно в устье Хедугина ручья проводились Н. П. Макаровым и В. И. Привалихиным в 1978 и 1985 гг. соответственно. На раздуваемых ветровой эрозией бортах террасы ими зафиксирован археологический материал, относящийся к различным историческим эпохам [Макаров, 1998. С. 666]. В 2008 году разведочный отряд ИАЭТ СО РАН под руководством А. Н. Зенина провел корректировку границ стоянки, уточненная площадь которой составила 43910 м².

Первые стационарные археологические работы на памятнике проведены в 2010 году Берямбинским археологическим отрядом БогАЭ ИАЭТ СО РАН (начальник отряда Ю. А. Гревцов). В раскопе № 1 был обнаружен жилищный котлован эпохи неолита – бронзы с выразительным инвентарем внутри.

В итоге рекогносцировочных работ на различных участках памятника были найдены материалы, относящиеся к широкому хронологическому периоду неолита – раннего Средневековья. Зафиксирована серия углубленных объектов, интерпретированных как оплывшие жилищные котлованы, сгруппированные в «кусты» на разных участках памятника [Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010. С. 513]. Несмотря на большой интерес к материалам, полученным в сезон 2010 года, данные работы выявили ряд проблем, связанных с формированием культурного слоя стоянки.

Артефакты в раскопе № 1 залежали в двух стратиграфически делимых пачках:

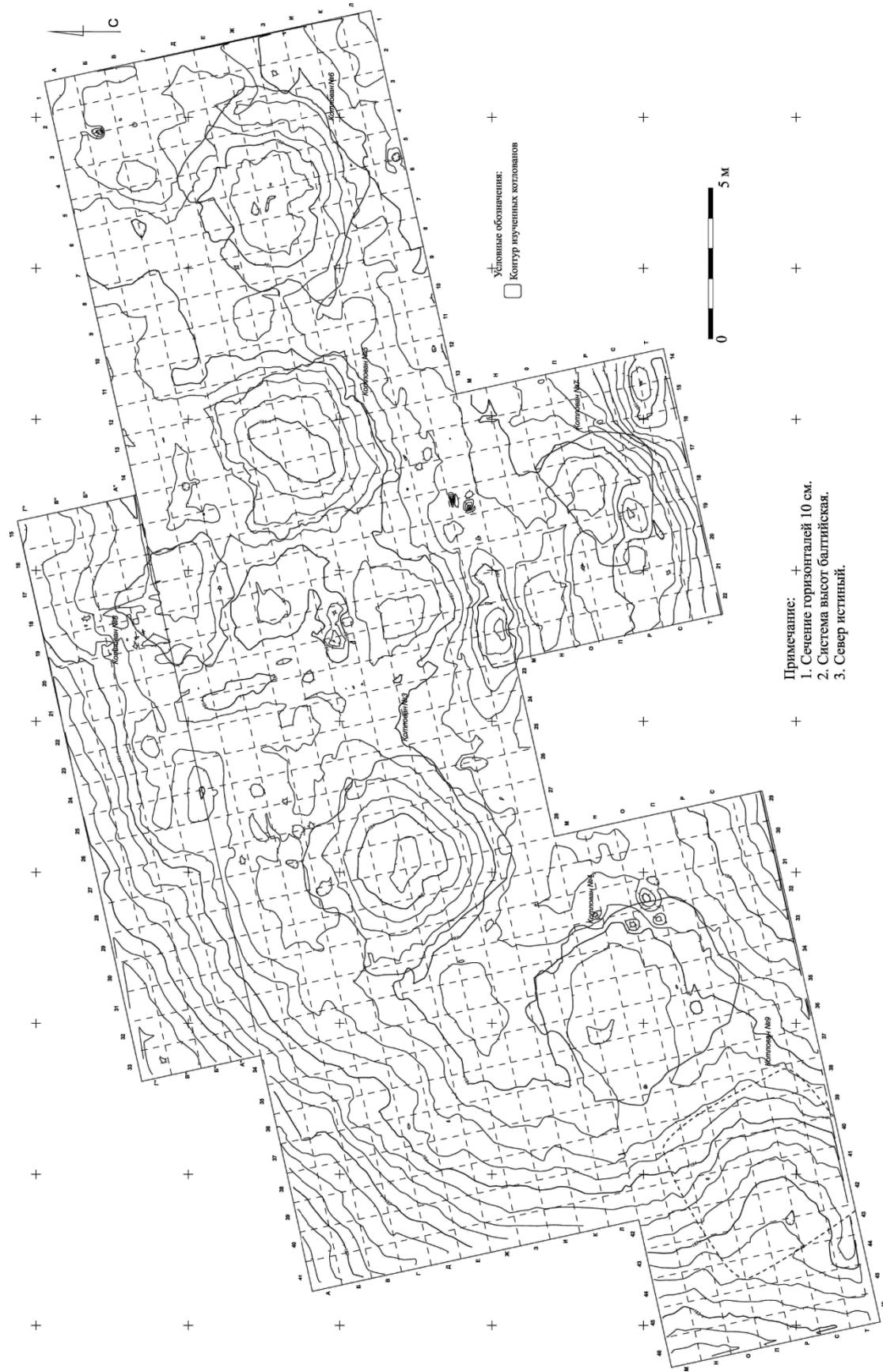
- 1) гумусированный супесчаный горизонт мощностью 0,1 – 0,2 м, залегающий сразу под дерном, в котором зафиксированы материалы раннего железного века;
- 2) однородная бурая супесь мощностью 0,2 – 0,3 м, в которой располагались материалы, типологически относимые к эпохе неолита – бронзы. С этого же горизонта фиксировался уровень впуска котлована.

При разборе заполнения котлована артефакты фиксировались в его верхней части и на дне. Часть археологических материалов, обнаруженных в верхней части заполнения, могла попасть туда при рытье соседнего котлована, перекрытии более поздними горизонтами или деятельности землеройных животных, корней и т. д. В связи с этим надежно привязать к жилищному сооружению получилось только два развала сосуда, часть каменного и костяного

инвентаря, фиксированных непосредственно на дне.

В 2011 году работы на памятнике были продолжены вторым Беряμβинским отрядом БогАЭ ИАЭТ СО РАН (нач. отряда Д. Н. Лысенко, держатель открытого листа Ю. А. Гревцов). Разбиты раскопы № 2 и 3 (продолжена нумерация 2010 г.) площадью 716 и 56 м² соответственно [Лысенко, Матвеев, Рейс, 2011. С. 427]. Для получения наиболее объективной информации о закрытых комплексах было принято решение отойти от традиционного места раскопок в бассейне р. Ангара – бровки береговой террасы, где аккумуляция артефактов различных эпох достигала максимальной плотности. Место под раскоп было выбрано на участке, располагавшемся на левом борту лога, рассекающем террасу в 30 – 50 м от ее края и скрытом от реки небольшим скальным массивом. Визуально на дневной поверхности читалось четыре котлована размером 5 x 5 м, глубиной до 0,7 м, расположенных рядом вдоль левого борта лога. На размеченной площади раскопа, кроме западин, интерпретирующихся как оплывшие жилищные котлованы, был выделен ряд углубленных объектов, предварительно обозначаемых как вывороты от деревьев и, возможно, как следы антропогенной деятельности.

В результате составления тахеометрической микропосъемки дневной поверхности раскопа с шагом взятия пикетов 5 – 10 см был дополнительно выявлен ряд углубленных объектов, слабо выраженных в пространстве и визуальнo не фиксируемых (рис. 1).

Рис. 1. Микрорельеф дневной поверхности раскола № 2 стоянки Хедугин ручей с наложением границ изученных углубленных объектов

При соотнесении плана современной поверхности и изученных объектов в раскопе установлено, что накопление литологических горизонтов над оставленным в древности поселением происходило без антропогенного вмешательства, а уровень современной дневной поверхности калькирует оплывшие контуры хозяйственных конструкций. Единственное значительное влияние на микрорельеф стоянки оказали вывороты деревьев.

Залегание археологических материалов *in situ* подтверждают и данные стратиграфических наблюдений. Принципиально, что стратиграфическая ситуация раскопа № 2 на участках, где аккумуляция почвенных горизонтов происходила в более оптимальных условиях (ровная поверхность, не подверженная эрозионным и склоновым процессам), представлена следующим образом:

- 1) дерн мощностью до 0,14 м;
- 2) гумусоаккумулятивный супесчаный горизонт мощностью до 0,2 м.
- 3) супесчаный уплотненный бесструктурный горизонт бурого цвета с включением мелких углей мощностью до 0,3 м. Горизонт частично нарушен корнями деревьев и кротовинами. Условно его можно разделить на два подгоризонта, которые имеют незначительные различия по механическому составу и имеют между собой аморфную границу, практически неразделимую в плане и слабочитаемую в профиле. Горизонт-3а представляет собой легкую уплотненную супесь бурого цвета с включениями углей и имеет мощность до 0,16 м. Горизонт-3б, супесчаный, бурый, уплотненный, имеет мощность до 0,2 м. С под-

стилающим горизонтом горизонт-3а имеет ровную границу с постепенным переходом. Археологический материал залегает по всей мощности горизонта-3б и имеет наибольшую концентрацию в его верхней части. Стратиграфически выделенные подгоризонты разделяются весьма условно, и основными индикаторами их выделения были горизонт залегания артефактов и незначительные различия в составе почв;

4) слой плотной карбонатизированной супеси молочного цвета: видимая мощность – 0,2 м;

5) слой бурого плотного песка: видимая мощность – 0,2 м.

В связи с увеличением угла наклона в сторону лога (северная и западная стенка раскопа) и вреза в существующий склон, возвышающийся южнее раскопа скальника (с вовлечением в процессы почвообразования склоновых процессов), происходит уменьшение мощности выделенных слоев и меняется их характер. Уплотняется горизонт № 3 с выделенными двумя подгоризонтами. В стратиграфических профилях северной, южной и западной стенок раскопа стерильная прослойка (горизонт-3а) отсутствует, в то время как археологические материалы залегают в верхней половине горизонта-3.

Уровень древней дневной поверхности, на которой происходила повседневная жизнь обитателей поселения, практически не фиксировался. В единичных случаях выявлены следы выброса из жилищного котлована, перекрывающего тонкую гумусированную прослойку, которая являлась уровнем впуска жилищных конструкций.

Изученные жилищные сооружения представлены двумя типами.

Сооружения первого типа представлены подквадратными (в плане) котлованами, группирующимися по парам и вытянутыми в цепочку вдоль борта лога. Размеры сооружений 5 x 5 м, глубина 0,15 – 0,4 м от уровня фиксации. Заполнение – гумусированная супесь, четко контрастирующая на фоне белесой карбонатизированной супеси. По периметру котлованов фиксируются столбовые ямы (?) диаметром 0,1 – 0,2 м. На дне зафиксированы очаги (от 2 до 5), расположенные либо в центре, либо смещенные к северо-восточной стенке. Очаги (с обкладкой и без) представляют собой овальные и подквадратные (в плане) прокаленные пятна почвы, в заполнении которых зафиксированы кальцированные обломки костей, фрагменты керамики, каменные орудия. Все артефакты в жилищах обнаружены на дне и в пристеночных участках.

При изучении стратиграфических профилей раскопа в его западной части, а также анализе планиграфического распределения материала и микротопосъемке дневной поверхности выделен еще один жилищный котлован (№ 9), контур которого в плане зафиксировать не удалось. Размеры и общее расположение котлована логично вписывают его в единую цепочку жилых сооружений (рис. 1, 2).

Сооружения второго типа представлены двумя подпрямоугольными (в плане) котлованами размером 3 x 2,5 м и 2,5 x 2 м, впущенными в материк на глубину до 0,2 м. Вход / выход ориен-

тирован на Юго-Запад. Данные котлованы расположены параллельно друг другу и размещены по краям центральной части цепочки сооружений первого типа (рис. 1, 2).

Из данной группы выделяется котлован № 7, расположенный на северном склоне скального останца, в южной части раскопа. Котлован размером 3,72 x 3,4 м ориентирован по сторонам света, с небольшим разворотом на Юго-Запад – Северо-Восток. Вход / выход представлен в виде небольшого коридора (?) размером 1,21 x 0,81 м, расположенного в центральной части западной стенки. С северной и южной стороны находятся два прокаленных пятна подовальной (в плане) формы (очаги?). Заполнение котлована представляет собой легкую уплотненную супесь, приобретающую более темный гумусированный оттенок ближе к краю заполнения.

Изучение стратиграфического профиля показало, что южная и западная стенки котлована были врезаны в крутой склон. После обрушения стенок горизонты материковой группы почв перекрыли собой южную часть котлована. В заполнении, вдоль южной стенки и центральной части, обнаружено несколько разнокалиберных керамических сосудов. Сосуды украшены различными вариантами овальных, зубчатых штампов. Примечательно, что кроме развалов археологически целых сосудов в заполнении котлована найден один наконечник стрелы и шлифованный каменный нож, что разительно отличает его от орудийного набора, зафиксированного в других котлованах.

Основываясь на анализе материалов, полученных с заполнения котлованов, а также размерах и планиграфическом расположении, в рамках одного поселенческого комплекса конструкции данного типа предварительно интерпретируются как подсобные хозяйственные помещения.

Из изученных объектов на площади раскопа большой интерес представляет собой мастерская по обработке камня, зафиксированная на восточной части. Она представляет собой площадку, изобилующую большим скоплением отходов первичной и вторичной обработки камня, с целыми и фрагментированными заготовками каменных орудий различных стадий изготовления. Мощность скопления (до 0,15 м) и его значительные размеры (изучен сектор размером 5 x 2 м) свидетельствуют о длительном использовании данного участка под мастерскую.

Основная масса археологического материала, зафиксированного на площади раскопа, обнаружена в жилищных котлованах, хозяйственных ямах, скоплениях. Материалы, не привязанные к закрытым и условно закрытым комплексам, зафиксированы в незначительном объеме.

Каменные орудия представлены ножами листовидной формы, проколками, наконечниками стрел с вогнутой и прямой базой, теслами различных размеров, концевыми скребками с округлым рабочим краем, клиновидными и коническими нуклеусами (рис. 3). Выделяется группа орудий из темно-зеленого нефрита, представленная теслами, топорами, ножами с выпуклым лезвием. На всех из-

делях зафиксированы значительные следы изношенности рабочего края.

Изделия из кости представлены роговыми мотыгами с характерными пазами для крепления, проколками из грифельных костей косули, кинжалом, различными острьями, обломками гарпуна, тонкими (2 – 3 мм в диаметре) иглами, игольниками из трубчатых костей птиц. Также следует отметить выразительную коллекцию костей терио-, орнито- и ихтиофауны, что является достаточно редким случаем для памятников Приангарья.

Керамическая коллекция представлена сосудами параболической и оваловидной формы, которые орнаментированы овальными, овально-зубчатыми, прямоугольными штампами, мелкой гребенкой, отступающей лопаточкой. Большинство сосудов дополнительно украшены поясом ямочных вдавлений (рис. 4, 5).

Из индивидуальных украшений обнаружены подвески из расщепленных резцов бобра. Возможно, для ритуальных целей использовались небольшие сточенные куски охры и графита.

Кроме непосредственно раскопочных работ в сезоне 2011 года была произведена тахеометрическая съемка восточной части стоянки. В результате проведения данных работ было зафиксировано 45 котлованов, группирующихся в «кусты» по 10 – 15 шт, образующие внутри между собой ряды из 3 – 5 котлованов. Всего же на территории стоянки визуально зафиксировано не менее 250 углубленных объектов, интерпретирующихся как оплывшие жилищные котлованы и сопутствующие им хозяйственные ямы.

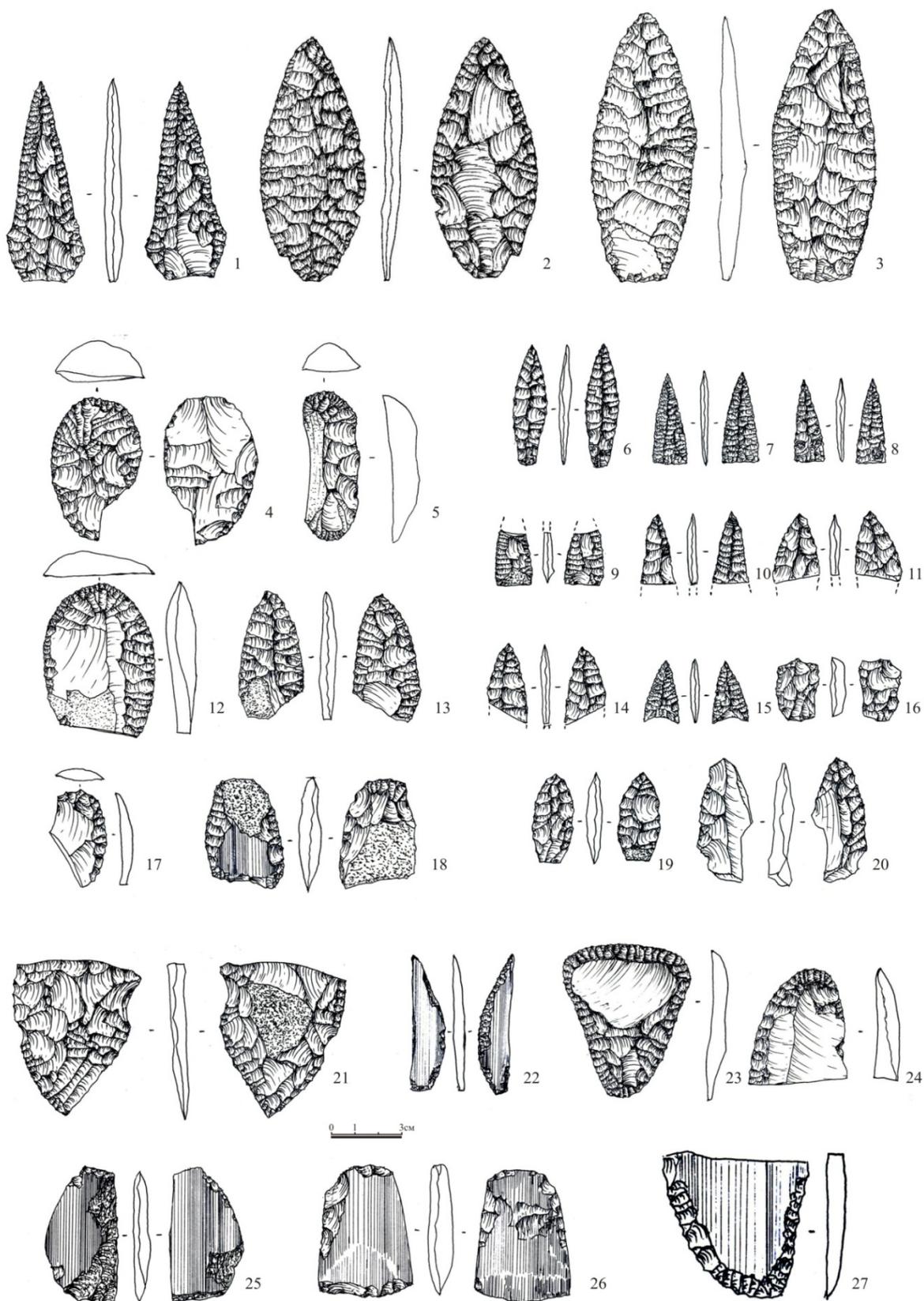

Рис. 3. Каменный инвентарь с заполнения котлованов жилищ:
1 – 27 – примеры

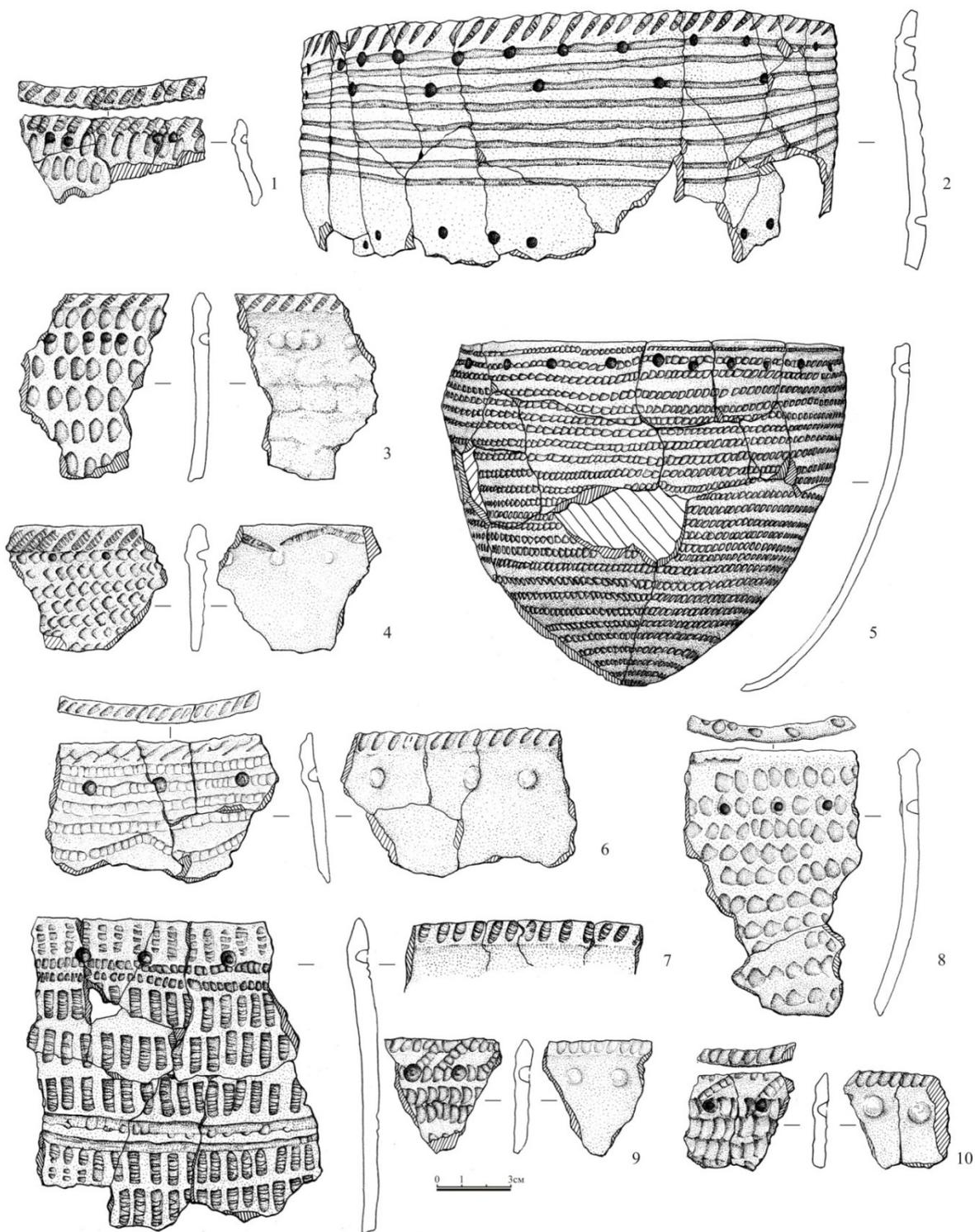

Рис. 4. Керамические материалы с заполнения котлованов жилищ:
1 – 10 – примеры

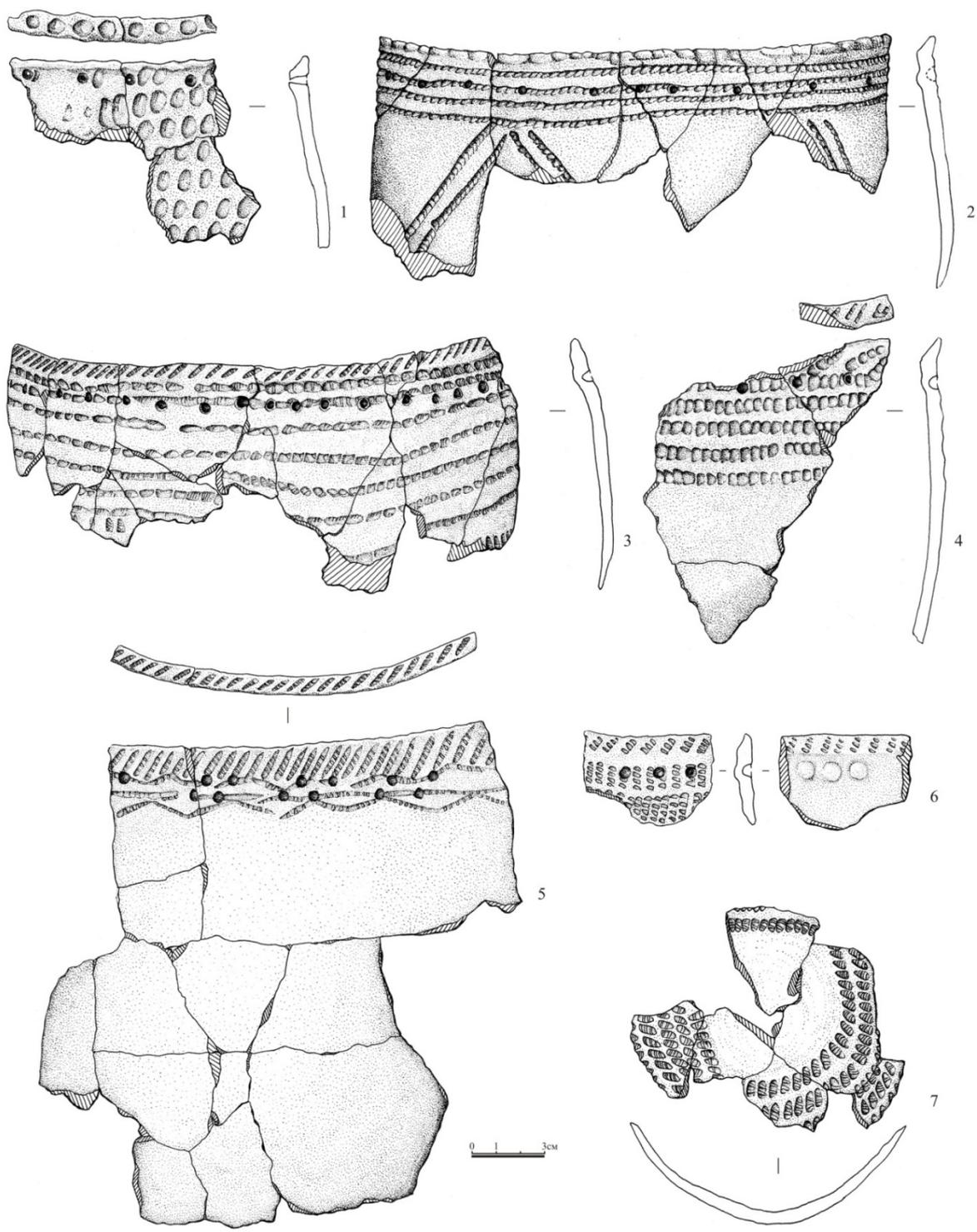

Рис. 5. Керамические материалы с заполнения котлованов жилищ:
1 – 7 – примеры

Аналогии изученному жилищному комплексу и материалам с него мы находим в первую очередь в соседних Хедугиному ручью стоянках – Чирида и Толстый мыс – где за последние два года было изучено три жилищных котлована с оригинальными артефактами в заполнении [Гревцов, Галухин, Журавков, 2011. С. 386; Лысенко, Матвеев, Веженко, 2001. С. 424].

Подобные жилищные конструкции зафиксированы ниже по течению на стоянке д. Пашино, где в ходе спасательных работ было изучено несколько подобных объектов с керамикой, украшенной рядами накольчатых отступов и датирующейся первой третью IV тыс. до н. э. [Гришин, Гаркуша, Марченко, 2001. С. 127; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2011. С. 443]. Жилищный комплекс, в котором зафиксирован параболоидный сосуд со сплошной орнаментацией, выполненной отступающей лопаточкой, обнаружен в местности «Монастырский камень» А. П. Окладниковым в 1937 году. [Окладников, 1939. С. 182].

Керамическая коллекция стоянки Хедугин ручей находит аналогии в Усть-Бельском керамическом пласте,

характеризующем ранний период бронзы с выраженной неолитической традицией. Со стоянок Няша и Улан-Хада для него получены даты по C^{14} : 4080 л. н. и 4150 л. н. [Савельев, 1987. С. 201]. В опорном стратифицированном памятнике Среднего Енисея – Пещере Еленеева – керамика, украшенная овальными, овалнозубчатыми штампами и различными вариантами вдавлений отступающей лопаточки, датируется серединой – второй половиной IV тыс. до н. э. [Макаров, 2005. С. 151]. Более точные данные по датировке изученного поселенческого комплекса будут получены после проведения анализа естественно-научными методами отобранных образцов.

Таким образом, в 2011 году на территории стоянки Хедугин ручей был изучен принципиально новый для Северного Приангарья вид археологического объекта – поселенческий комплекс с углубленными жилыми и хозяйственными объектами. Полученные материалы существенно дополнили наши представления о культуре и быте древнего населения Приангарья в эпоху неолита – ранней бронзы.

Список литературы

Гревцов, Ю. А. Спасательные работы Берямбинского археологического отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 г. / Ю. А. Гревцов, Д. Н. Лысенко, Л. Л. Галухин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 509-514.

Гревцов, Ю. А. Комплекс углублённых объектов стоянки Чирида / Ю. А. Гревцов, Л. Л. Галухин, С. П. Журавков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и

этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 386-391.

Гришин, А. Е. К проблеме выделения культур эпохи неолита в Северном Приангарье / А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб, М., Великий Новгород, 2011. – Т.1. – С. 127-129.

Лысенко, Д. Н. Предварительные результаты полевых исследований стоянки Толстый мыс (Северное Приангарье) в 2011 году / Д. Н. Лысенко, В. Е. Матвеев, А. В. Веженко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 424-427.

Лысенко, Д. Н. Предварительные итоги полевых исследований посленеческого комплекса Хедугин ручей в 2011 году / Д. Н. Лысенко, В. Е. Матвеев, Е. С. Рейс // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 427-432.

Макаров, Н. П. Хедугин ручей / Н. П. Макаров // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. – С. 666.

Макаров, Н. П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи / Н. П. Макаров // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 149-171.

Марченко, Ж. В. Новые данные по поселенческим памятникам Северного Приангарья деревня Пашино и Камешок (работы пашинских отрядов Богучанской экспедиции в 2011 году) / Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин, Ю. Н. Гаркуша // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 443-448.

Окладников, А. П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) / А. П. Окладников // Вестник древней истории. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников; Ч.1-2. – М.-Л., 1950.

Савельев, Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы): Дис....канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Иркутск, 1987. – 210 с.

Научное издание

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск V

Ответственный редактор
канд. ист. наук П. В. Мандрыка

Редакционная коллегия
К. В. Бирюлева
П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук А. С. Вдовин
канд. ист. наук Н. П. Макаров

Корректор В.Р. Наумова

Верстка И.В. Гревцовой

Подписано в печать 29.10.2012. Печать плоская. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,13. Тираж 200 экз. Заказ № 8764

Редакционно-издательский отдел Библиотечно-издательского комплекса

Сибирского федерального университета

660041, г. Красноярск, пр. Свободный 82а

Тел./факс (391) 206-21-49, e-mail – rio@lan.kras.ru

Отпечатано полиграфическим центром

Библиотечно-издательского комплекса

Сибирского федерального университета

660041, г. Красноярск, пр. Свободный 82а

Тел./факс (391) 206-26-58; 206-26-49

e-mail: print-sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>